

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 2 (13) / 2019

Серия: Исторические и филологические науки

ВОЛОГДА
2019

№ 2 (13) / 2019 / СЕНТЯБРЬ. Выходит 4 раза в год.

Научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г. Полнотекстовые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе на сайте Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru)

Серия: Исторические и филологические науки

Группы специальностей: 07.00.00 История и археология;
10.01.00 Литературоведение;
10.02.00 Языкознание

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет»

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13 июня 2019 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Главный редактор

В.А. Саблин, доктор исторических наук, директор Института истории и филологии ВоГУ

Заместитель главного редактора

Ю.В. Розанов, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы ВоГУ

Секретарь

С.Х. Головкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ

Члены редколлегии:

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

О.А. Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ВоГУ,

Л.О. Володина, доктор педагогических наук, доцент, зам. директора Института истории и филологии ВоГУ,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

В.А. Квашинин, доктор исторических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В. Бабушкина,

Г.Н. Кочешков, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского,

Р.Л. Красильников, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории, истории культур и этнологии ВоГУ,

С.А. Мызников, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН главный научный сотрудник Центра ареальной лингвистики ФГБУН «Институт славяноведения Российской академии наук»,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Ж.И. Подоляк, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой английского языка ВоГУ,

Г.В. Судаков, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики, теории коммуникации ВоГУ,

В.А. Черкасов, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, педагогики и методики начального образования и изобразительного искусства Белгородского государственного национального исследовательского университета

Переводчик – О.А. Бурсина

Редакторы – О.М. Ванчугова, Н.Н. Постникова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. Сергея Орлова, д. 6, каб. 202а; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55
<http://vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@vogu35.ru

ISSN 2658-7254

© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«VOLOGDA STATE UNIVERSITY»

BULLETIN OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY

SCIENCE JOURNAL

First published in 2016

No. 2 (13) / 2019

Series: History and Philology

VOLOGDA
2019

No. 2 (13) / 2019 / September. 4 issues a year

Science Journal «Bulletin of Vologda State University. Series History and Philology» has been fully indexed by Russian Science Citation Index since 2016.

Full-size versions of the issues can be found in free access at Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru).

Series: History and Philology

Academic areas: 07.00.00 History and Archaeology

10.01.00 Literature Studies

10.02.00 Linguistics

Founder and Publisher: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Vologda State University»

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). Registration Certificate ПИ № ФС77-75973 of June 13, 2019

Editor-in-Chief

Vasily A. Sablin, Doctor of History, Professor of the Department of World History and Socio-Economical Studies, Acting Director of the Institute of History and Philology, Vologda State University

Deputy Chief Editor

Yury V. Rozanov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Literature, Vologda State University

Executive Secretary

Svetlana Kh. Golovkina, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Editorial Board

Sergey Yu. Baranov, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Literature, Vologda State University

Olga A. Bursina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa O. Volodina, Doctor of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Vice Director of Institute of History and Philology, Vologda State University

Ludmila V. Yegorova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English, Vologda State University

Larisa V. Izyumova, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Vologda State University

Vladimir A. Kvashnin, Doctor of History, Associate Professor, Acting Head of the Department of World History and Socio-Economical Studies, Vologda State University

Irina Ye. Kolesova, Candidate of Philology, Academic Secretary of Vologda Regional Research Academic Library

Gennady N. Kocheshkov, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Roman L. Krasilnikov, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University

Sergey A. Myznikov, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Research Fellow of the Centre of Areal Linguistics, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Oleg V. Nikitin, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of History of Russian and General Linguistics, History and Philology Institute, Moscow State Regional University

Zhanna I. Podolyak, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English, Vologda State University

Gury V. Sudakov, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University

Valery A. Cherkasov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Theory, Pedagogy and Methods of Primary Education and Fine Arts, Belgorod State National Research University

Editor of English Texts – O.A. Bursina

Editors, proofreaders – O.M. Vanchugova, N.N. Postnikova

Making up and technical editing – S.V. Kudryavtsev

Address of Editorial Office: Office 202a, S. Orlov Street, 6, Vologda, 160000

Tel.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55

E-mail: vestnik@vogu35.ru

Bulletin website: <http://vestnik.vogu35.ru>

ISSN 2658-7254

© Vologda State University, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Саблин В.А.</i> ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ КАК ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКИХ И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВОЛОГОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИТОГИ РАБОТЫ В 2018 ГОДУ.....	9
--	---

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Димони Т.М.</i> ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ВОЕННОЙ УГРОЗЫ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	12
<i>Квашин В.А.</i> ДВА КАТОНА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ «КАТОНОВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ».....	17
<i>Киселева О.А.</i> ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АМЕРИКАНО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЭПОХИ РЕКОНСТРУКЦИИ (1865–1877).....	24
<i>Котов П.П.</i> ПОСЕВЫ И УРОЖАИ ХЛЕБОВ В ОНЕЖСКОМ УЕЗДЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1785–1915 ГОДУ.....	28
<i>Стоян А.А.</i> РОЛЬ ЛИЧНОСТНОГО ФАКТОРА В СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ СИНГАПУРА).....	37

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Бондарь К.В.</i> ПСАЛТЫРЬ ФЕОДОРА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ АСПЕКТЫ.....	41
ПУБЛИКАЦИЯ ОЧЕРКА «О ПОЛЬСКОЙ НОВЕЛЛЕ» С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО	
<i>Егорова Л.В.</i> О В.Г. ПЕРЕЛЬМУТЕРЕ.....	44
<i>Перельмутер В.Г.</i> О КНИГАХ, КОТОРЫЕ НЕ РОДИЛИСЬ.....	47
<i>Кржижановский С.Д.</i> О ПОЛЬСКОЙ НОВЕЛЛЕ.....	49
<i>Перельмутер В.Г., Егорова Л.В.</i> ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА О С.Д. КРЖИЖАНОВСКОМ И «О ПОЛЬСКОЙ НОВЕЛЛЕ».....	56
<i>Лескова О.В.</i> ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ГЕРОЯ ВОСПОМИНАНИЙ П.В. ЗАСОДИМСКОГО ОТ ПОСТАНОВКИ ПЬЕСЫ «ВОЛЧИХА» В ВОЛОГОДСКОМ ТЕАТРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ «В ВОЛОГДЕ И В ЛЮБАНИ», «МОИ СКИТАЛЬЧЕСТВА»).....	60
<i>Марков А.В.</i> ДВОЙНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ: ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ ДРАГОМОЩЕНКО И ЭРМИТАЖНОЕ СОБРАНИЕ ИСПАНЦЕВ.....	63
<i>Мельникова Л.А.</i> РУССКИЙ ГЕРОЙ В СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА Э.М. РЕМАРКА «ЖИЗНЬ ВЗАЙМЫ, ИЛИ У НЕБА ЛЮБИМЧИКОВ НЕТ».....	69

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Иванова Е.Н.</i> СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОРНЕВОГО ГНЕЗДА С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ *-PI- В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	72
<i>Румянцева А.С.</i> ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕОРИИ БИОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ПРОЦЕССА КОММУНИКАЦИИ.....	75
<i>Судаков Г.В.</i> «ПОЛНЫЙ ВСЕОБЩИЙ СТЯПЧИЙ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДЕЛОВОГО СТИЛЯ.....	82
<i>Червяков А.А.</i> О ПОЛИМОДАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	88
<i>Чуглов В.И.</i> ЕДИНСТВА ОДНОИМЕННЫХ НЕОДНОРОДНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ БЕЗ ОБОСОБЛЕННЫХ ЧЛЕНОВ.....	92

ЮБИЛЕИ

К юбилею Н.Ф. Бондарь	
ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ЮБИЛЕЕМ Н.Ф. БОНДАРЬ.....	95
К юбилею А.В. Преображенского	
<i>Егорова Л.В.</i> ОТ РЕДАКЦИИ.....	100
<i>Кузичев С.А.</i> АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ.....	102
<i>Смирнова Т.И.</i> ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ С ПОЗИЦИЙ КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЕМ А.В. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО.....	102
<i>Бритвина Е.В.</i> ВО ГЛАВЕ С АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ.....	103
<i>Кириллова Л.Е.</i> А.В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И «ЯЗЫКОВАЯ ШКОЛА».....	104
<i>Коноплева И.Н.</i> ПУТЬ В НОВОЕ ОБУЧЕНИЕ.....	105
<i>Червяков А.А.</i> ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН.....	106
<i>Егорова Л.В.</i> ДА ЗДРАВСТВУЮТ ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ!.....	106
<i>Преображенская Т. Е.</i> О ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА ПО ГОРИЗОНТАЛИ.....	108

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Бондарь Н.Ф.</i> ОБЗОР УЧЕБНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ ВоГУ ЗА ПЕРИОД 2015–2019 ГГ.	109
<i>Бритвина Е.В.</i> «МИР НАУКИ» ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ЦЕНТРА «ЕДИНСТВО»	113
<i>Красильников Р.Л., Спасенкова И.В., Якушева Л.А., Новосёлов А.М.</i> III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «РУССКИЙ СЕВЕР – 2019: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ», ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А.В. КАМКИНА	116
<i>Саблин В.А.</i> ИТОГИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «СОХРАНЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ПРИРОДНОГО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ И США»	119
<i>Швецова Н.В.</i> «ЖДЕМ С НЕТЕРПЕНИЕМ ПРОДОЛЖЕНИЯ...» (ПРОЕКТ «ЛИТЕРАТУРНАЯ МИНЕРАЛОГИЯ» В ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ)	120
<i>Якушева Л.А.</i> ФОН И ФИГУРА: СИНОПСИС КОНФЕРЕНЦИИ	122
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	124

CONTENTS

<i>Sablin V.A.</i> INSTITUTE OF HISTORY AND PHILOLOGY AS THE HISTORICAL AND PHILOLOGICAL RESEARCH CENTER AT VOLOGDA STATE UNIVERSITY: RESULTS OF WORK IN 2018	9
---	---

HISTORY

<i>Dimoni T.M.</i> PECULIARITIES OF POLICE ACTIVITIES IN ARKHANGELSK PROVINCE UNDER CONDITIONS OF MILITARY THREAT INCREASE AND DURING WORLD WAR I	12
<i>Kvashnin V.A.</i> TWO CATOS: BEGINNING OF THE «LEGEND OF CATO».....	17
<i>Kiseleva O.A.</i> THE OFFICIAL DOCUMENTS CONCERNING THE HISTORY OF ANGLO-AMERICAN RELATIONS DURING RECONSTRUCTION (1865–1877)	24
<i>Kotov P.P.</i> GRAIN SOWING AND HARVESTING IN ONEZHISKY UYEZD OF ARKHANGELSK PROVINCE IN 1785–1915.....	28
<i>Stoyan A.A.</i> PERSONALITY FACTOR IN STATE REINFORCEMENT (ON THE EXAMPLE OF SINGAPORE)	37

LITERATURE STUDY

<i>Bondar K.V.</i> THE PSALTER OF FEODOR: LINGUISTIC, HISTORICAL AND LITERARY ASPECTS.....	41
--	----

SIGISMUND KRZHIZHANOVSKY'S ESSAY «ON THE POLISH NOVELLA»: PUBLICATION

<i>Yegorova L.V.</i> ON VADIM PERELMUTER.....	44
<i>Perelmutter V.G.</i> ON BOOKS THAT HAVE NEVER SEEN THE LIGHT OF THE DAY	47
<i>Krzhizhanovsky S.D.</i> ON THE POLISH NOVELLA	49
<i>Perelmutter V.G., Yegorova L.V.</i> CONTINUING THE DISCUSSION OF SIGISMUND KRZHIZHANOVSKY AND HIS ESSAY «ON THE POLISH NOVELLA»	56

<i>Leskova O.V.</i> THEATRICAL IMPRESSIONS OF THE PLAY «THE WOLF» AT THE VOLOGDA THEATER (ON THE MATERIAL OF CHAPTERS «IN VOLOGDA AND LYUBAN», «MY ROVING» FROM THE MEMOIRS BY P.V. ZASODIMSKY).....	60
--	----

<i>Markov A.V.</i> DOUBLE INCARNATION: THE LYRICAL CHARACTER OF DRAGOMOSHCHENKO AND THE HERMITAGE COLLECTION OF THE SPANIARDS.....	63
--	----

<i>Melnikova L.A.</i> THE RUSSIAN HERO IN THE SYSTEM OF CHARACTERS IN THE NOVEL «HEAVEN HAS NO FAVOURITES» BY E.M. REMARQUE.....	69
--	----

LINGUISTICS

<i>Ivanova E.N.</i> SEMANTIC DEVELOPMENT OF HISTORICAL ROOT PARADIGMS WITH THE PROTO-SLAVIC ROOT *-PI- IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE	72
--	----

<i>Rumyantseva A.S.</i> COGNITION THEORY IN COMMUNICATION ANALYSIS	75
--	----

<i>Sudakov G.V.</i> «POLNY VSEOBESHCHY STRYAPCHY/ GENERAL SCRIVENER. CLERICAL PRACTICE MANUAL» AS A HISTORICAL SOURCE OF FORMAL LANGUAGE STUDY	82
--	----

<i>Chervyakov A.A.</i> ON POLYMODAL CONSTRUCTIONS IN MODERN ENGLISH.....	88
--	----

<i>Chuglov V.I.</i> UNITIES OF HETEROGENEOUS ADVERBIAL MODIFIERS WITHOUT DETACHED PARTS OF THE SENTENCE	92
---	----

ANNIVERSARIES

To the anniversary of N.F. Bondar

ANNIVERSARY CONGRATULATIONS TO N.F. BONDAR.....	95
---	----

To the anniversary of A.V. Preobrazhenskiy

<i>Yegorova L.V.</i> EDITORIAL UPDATE	100
---	-----

<i>Kuzichev S.A.</i> ANDREY VLADIMIROVICH PREOBRAZHENSKIY	102
---	-----

<i>Smirnova T.I.</i> A CONTRASTIVE STUDY OF THE MEANINGS OF PREPOSITIONS IN CONNECTION WITH A.V. PREOBRAZHENSKIY'S ANNIVERSARY	102
--	-----

<i>Britvina E.V.</i> FOLLOWING ANDREY PREOBRAZHENSKIY'S LEAD	103
--	-----

<i>Kirillova L.Ye. A.V.</i> PREOBRAZHENSKIY AND «LANGUAGE SCHOOL».....	104
--	-----

<i>Konopleva I.N.</i> BRAND NEW WAY OF SCHOOLING.....	105
---	-----

<i>Chervyakov A.A.</i> TIME OF CHANGE	106
---	-----

<i>Yegorova L.V.</i> LONG LIVE THE PREOBRAZHENSKIYS!	106
<i>Preobrazhenskaya T. Ye.</i> ON THE POTENTIALS OF HORIZONTAL GROWTH	108

SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS

<i>Bondar N.F.</i> AN OVERVIEW OF STUDY GUIDES WRITTEN AT THE ENGLISH DEPARTMENT OF THE INSTITUTE OF HISTORY AND PHILOLOGY OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY IN 2015–2019	109
<i>Britvina E.V.</i> «WORLD OF SCIENCE» AT CHILDREN AND YOUTH CENTER «UNITY».....	113
<i>Krasilnikov R.L., Spasenkova I.V., Yakusheva L.A., Novoselov A.M.</i> ON THE RESULTS OF THE III ALL-RUSSIA SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION «RUSSIAN NORTH – 2019: PROBLEMS OF STUDY AND PRESERVATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE». IN MEMORY OF PROFESSOR ALEXANDER.V. KAMKIN	116
<i>Sablin V.A.</i> THE RESULTS OF THE SCIENTIFIC-PRACTICAL SEMINAR «PRESERVATION AND INTERPRETATION OF OBJECTS OF NATURAL, CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE IN RUSSIA AND THE USA».....	119
<i>Shvetsova N.V.</i> «LOOKING FORWARD TO THE CONTINUATION...» (THE PROJECT «LITERARY MINERALOGY» IN THE VOLOGDA REGIONAL ACADEMIC LIBRARY).....	120
<i>Yakusheva L.A.</i> BACKGROUND AND FIGURE: THE CONFERENCE SYNOPSIS	122
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	126

В.А. Саблин
Вологодский государственный университет

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ
КАК ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ЦЕНТР ИСТОРИЧЕСКИХ
И ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ВОЛОГОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ИТОГИ РАБОТЫ В 2018 ГОДУ**

Научно-исследовательская работа в сфере истории и филологии проводилась в ВоГУ в контексте приоритетных направлений деятельности кафедр и научно-образовательных центров, таких как «Лингводидактика и иноязычная коммуникация», центр «Филологических исследований», а также научных лабораторий историко-краеведческих исследований и методики и методологии преподавания исторических и социально-экономических дисциплин.

Работа проводилась в контексте принятой стратегии развития Вологодской области до 2030 года, предполагающей повышение доступности культурных ценностей и благ для населения различных территорий области и разных социальных, возрастных групп, в том числе путем формирования единого культурно-информационного пространства области и развития сети учреждений культуры; повышение качества и разнообразия услуг, предоставляемых в сфере культуры, в том числе посредством ИТ; реализацию комплекса мероприятий, направленных на поддержку русского языка, формирование и продвижение культуры чтения; популяризацию истории родного края на основе информационных ресурсов архивов области.

В своей деятельности кафедры ориентировались на актуальные для науки проблемы, а также на приоритетные направления развития науки Вологодской области, связанные с разработкой проблем социально-культурной идентичности населения и развития гражданского общества; сохранения народной традиционной культуры Русского Севера; развития человеческого капитала; историко-культурных аспектов развития Вологодской области в судьбе России; языка и словесности Русского Севера как образов национальной ментальности; духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи Вологодской области.

В области языкознания и литературы кафедры английского языка, русского языка, журналистики и теории коммуникации, немецкого и французского языков, литературы проводили научные исследования в рамках научных тем и проектов: «Структурно-семантические и функциональные характеристики языковых единиц разных уровней в контексте проблемы эффективности коммуникации (руководитель – канд. филол. наук В.В. Силаев); «Лингвистические

основы лингводидактических исследований»; «Структурно-семантические и функциональные характеристики языковых единиц разных уровней в контексте проблемы эффективности коммуникации»; «Лингвистические основы лингводидактических исследований»; «Номинативные и дискурсивные стратегии в иноязычном тексте» (руководитель – зав. кафедрой немецкого и французского языков Е.В. Разова); «Лингводидактические основы преподавания иностранных языков в школе и вузе» (руководитель – зав. кафедрой английского языка Ж.И. Подоляк); «Слово и текст в синхронии и диахронии»; «Взаимосвязь видов речевой деятельности при обучении французскому языку (на младшем этапе)»; «Слово и текст в культурном сознании эпохи»; «Русская региональная картина мира» в составе: «Историческая лексикология» (рук. – проф. Г.В. Судаков), «Диалектная лексикография» (рук. – доц. Л.Ю. Зорина); «Диалектная морфемика и словообразование» (рук. – проф. Е.Н. Ильина); «Функциональная и коммуникативная лингвистика: теория и методика исследования» (руководитель проекта – С.А. Громыко).

В сфере исторических наук и археологии кафедрами отечественной истории и всеобщей истории и социально-экономических дисциплин разрабатывались проблемы роли российских регионов в истории страны (научный руководитель – проф. М.А. Безнин); эволюции общественного строя и международных отношений в истории западноевропейской цивилизации; научно-методического сопровождения учебного процесса в высшей и общеобразовательной школах; пропаганды и популяризации исторических и социально-экономических знаний.

Часть исследовательских задач решалась в рамках научных школ и направлений, связанных с выполненными диссертационными исследованиями (д-р филол. наук Л.В. Егорова – по проблемам английской литературы XVI–XVII вв. и проблемам перевода; О.А. Бурсина – по проблемам терминоведения, А.С. Румянцева – по проблемам когнитивной семантики в рамках биокогнитивного подхода).

Значимость и актуальность научных разработок преподавателей Института истории и филологии были подтверждены Российским фондом фундаментальных исследований. В 2018 году учеными института вы-

полнялись гранты: «Русские диалектные благопожелания: семантика, структура, функционирование» (науч. рук. – канд. филол. наук, доцент Л.Ю. Зорина); «Риторика русского национализма: воздействие, аргументация, образы (на материале публичных дискуссий начала XX века)» (науч. рук. – канд. филол. наук, С.А. Громыко); «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера)» (науч. рук. – д-р ист. наук, доцент Т.М. Димони); «Социальная революция в советской России: предпосылки, этапы, итоги» (науч. рук. – д-р ист. наук, профессор М.А. Безнин).

В 2018 году исследование под руководством канд. ист. наук, доц. А.С. Столетовой «Писательская среда Русского Севера в контексте советской действительности середины – второй половины XX в.: проявления уровней общественного самосознания» получило Грант Президента РФ. Кроме того, на региональном уровне были поддержаны хоздоговорные исследования: «История Вологодской полиции» (науч. рук. – д-р ист. наук, профессор М.А. Безнин) и «Антропометрические данные населения г. Вологды 15–17 вв. (по материалам археологических раскопок средневекового некрополя на участках ул. Бурмагиных д. 34, 34а, 34б)» (науч. рук. – ст. препод. И.В. Папин).

Научные разработки преподавателей Института истории и филологии в 2018 году были обобщены и опубликованы в виде монографий или сборников научных статей. В частности, увидели свет монография «История полиции Вологодского края: Монография. Вологда, 2018», написанная коллективом ученых кафедры отечественной истории во главе с профессором, заведующим кафедрой М.А. Безниным, и четыре монографии, принадлежащие перу профессора Ю.В. Розанова «Писатель-филолог А.М. Ремизов: взгляды на русский язык и литературу, Вологда: ВоГУ, 2018», профессора Л.Г. Яцкевич и доцента И.Е. Колесовой «Типологические особенности русского диалектного словообразования: монография Вологда: ВолНЦ РАН, 2018», профессора Л.В. Егоровой «Эквивокация в “Макбете”: речевая природа трагедии: монография. Вологда: ВоГУ, 2018», старшего преподавателя А.С. Столетовой «Александр Яшин: становление идеологии деревенской прозы и писательское поле Русского Севера. Монография. Вологда, ВоГУ, 2018».

Под редакцией доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой отечественной истории М.А. Безнина увидели свет два сборника научных статей: «Историки. Поколения. Взгляды. Сборник материалов научной конференции Вологда, ВоГУ, 2018» и «Социальные процессы, власть и общество России в XX веке: общероссийский и региональный ракурс. Вологда, ВоГУ, 2018», посвященные различным аспектам российской истории.

Под редакцией кандидата филологических наук, доцента Е.В. Разовой в 2018 году вышел сборник научных трудов «Строй и семантика высказывания», включающий в себя статьи преподавателей и студентов, связанные с разработкой принципов изучения

высказываний различной функциональной направленности и применением полученных результатов в методике обучения высказываниям на иностранном языке. Разработанные принципы базируются на комплексном подходе к анализируемым лингвистическим явлениям, на применении современных информационных технологий, на междисциплинарных (межъязыковых) связях и межуровневых связях языковой системы.

Вологодский государственный университет в 2018 году выступил инициатором или же соучредителем в проведении ряда научных конференций гуманитарной, исторической и филологической направленности, в частности, «III международной научной конференции «Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние»; всероссийских конференций: «Вузовская наука – регионам (XVI Всероссийская научная конференция)», «Русский Север – 2018: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия», V Всероссийские Беловские чтения, IX Всероссийская школа-семинар молодых лексикологов, лексикографов и лингвогеографов «Живая речь и современная лексикология, лексикография и лингвогеография»; межрегиональных и региональных конференций: Современный образовательный процесс: содержание и технологии», VII Коничевские чтения «Мой край родной», I Съезд учителей русского языка и литературы Вологодской области, I научно-практическая конференция «Социальное, культурное и техническое проектирование на благо малой родины», I научно-краеведческая конференция «Выдающиеся земляки. Память в веках», научно-педагогические региональные чтения «Существует только человек» (Жизнь и творчество М. Горького на уроках учителей-словесников Вологодской области), эколого-краеведческие чтения «Из истории дворянской культуры Вологодского края», Межрегиональная научно-практическая конференция «Архивы и пользователи архивной информацией: проблемы взаимодействия и пути их решения» и др.

Следует особо отметить работу единственного в ВоГУ Диссертационного совета Д 999.014.03 по филологическим наукам (председатель – профессор Г.В. Судаков). В 2018 году в Совете состоялись защиты 7 кандидатских диссертаций, в том числе двух, выполненных аспирантами и соискателями Вологодского государственного университета.

Научно-исследовательская деятельность студентов по историческим, обществоведческим и филологическим наукам в 2018 году также имела ощутимые результаты. В разного рода научных мероприятиях приняли участие 218 студентов института. Особо следует подчеркнуть участие студентов в 36 научных конференциях, в том числе в 8 международного, всероссийского и регионального уровней. Было представлено 284 доклада.

Студенты института приняли участие в 10 конкурсах на лучшую научно-исследовательскую работу, таких как I (вузовский) тур Всероссийского конкурса

научно-исследовательских работ студентов и аспирантов, конкурс эссе по интерпретации иноязычного текста, конкурс презентаций по культуре и истории стран изучаемых языков.

За участие в конкурсах на лучшую научно-исследовательскую работу, в выставках разного уровня студентами было получено 15 наград.

Особо следует отметить возросшую публикационную активность студентов института. В 2018 году силами обучающихся было опубликовано 107 статей в научных сборниках разного уровня.

Научно-исследовательская деятельность профессорско-преподавательского состава Института исто-

рии и филологии освещалась в центральных и региональных средствах массовой информации. Итоги и достижения ученых института, новости о научных проектах и грантах находили отражение в местных средствах массовой информации, Медиа-портале Аудитория, сайтах института, университета и др.

В заключение следует подчеркнуть, что итоги работы Института истории и филологии убеждают в том, что он в 2018 году последовательно становился организационным центром исторических и филологических исследований в Вологодском государственном университете.

УДК 351.74:94(470.11)

Т.М. Димони

Вологодский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ ВОЕННОЙ УГРОЗЫ И В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00554
«Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке
(на материалах Европейского Севера)»*

В статье описано изменение функций Архангельской полиции в предвоенных и военных условиях. Спецификой Архангельской губернии была ее приграничность и наличие порта, через который в военных условиях шел большой грузопоток. Полиция, кроме решения обычных задач по охране общественного порядка, отслеживала деятельность иностранных граждан на территории губернии, следила за выполнением сухого закона, предотвращала панические настроения.

Полиция, Архангельская губерния, Первая мировая война, безопасность государства.

Накануне Первой мировой войны, а тем более после ее начала, деятельность полиции усложнялась в связи с необходимостью учитывать интересы обороноспособности и безопасности государства. Особенно актуальна эта задача была в приграничных регионах, в том числе и Архангельской губернии.

В 1907 г. министерство внутренних дел Архангельского губернатора обратилось к министру внутренних дел Российской империи по поводу особенностей территории Архангельской губернии и необходимости усиления ее охраны. В частности, Александровский уезд Архангельской губернии граничил с Норвегией и занимал весь Лапландский полуостров площадью 130 210 кв. верст. В административно-полицейском отношении он был разделен на два стана. Первый стан имел центр в г. Коле, состоял из Колско-Лопарской и Мурманско-Колонистской волостей, второй – имел центр в с. Кузомени и распространялся на южном берегу полуострова – охватывал Кузоменскую, Тетренскую, Понойскую и Умбскую волости¹. И первый и второй стан имели границы с Норвегией, второй стан – еще и с Финляндией. Кроме огромной территории, Александровский уезд отличался трудностями транспортного сообщения. Летом сообщение осуществлялось водным путем (на ёлах, на карбасах и очень редко – пароходом), зимой – на оленях. Кроме того, население стана, кроме русских, состояло «из разных инородцев – корел, зырян, лопарей, финнов и норвежцев-колонистов», говоривших на своих языках и резко отличающихся в культурном и экономиче-

ском отношении². В записке министерства внутренних дел Архангельского губернатора обращалось внимание на «бродячий образ жизни инородцев-оленеводов – лопарей и зырян, кочующих со своими стадами по тундрам и болотам Лапландии и возвращающихся на свои зимние «погосты» лишь на 3-4 зимних месяца», резкое (на 3-4 тысячи человек) увеличение населения в период промыслового времени на Мурманском побережье. Сами же обязанности полиции здесь были шире, на нее был возложен также таможенный надзор, «принятие мер к предупреждению и пресечению привоза из-за границы запрещенных товаров и иностранных спиртных напитков, наблюдение за недопущением норвежцев к занятию промыслами в русских территориальных водах, строгий надзор за разными выходцами из-за границы, проверка их документов и пр.»³. Министерство внутренних дел Архангельского губернатора предлагало дополнительно организовать третий стан полиции около Норвежской границы с центром в с. Печенга.

Граница, действительно, была слабым местом. В 1906 г. на территории Финляндии был образован «Союз беломорских карел», основателями которого были карельские купцы, проживавшие в Финляндии и представители финской интеллигенции. В задачи союза входило усиление финского влияния в карельских землях, главным образом в Архангельской или по финской терминологии Беломорской Карелии (так называемая панфинская пропаганда). С самого начала

¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 1.

² ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 2.

³ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 3.

с панфинской пропагандой началась активная борьба, в том числе по полицейской линии (недопущение пропагандистов в Карелию, изъятие распространяемых ими изданий и т.п.) [11]. Так, в 1911 г. Олонецкий уездный исправник рапортовал Архангельскому губернатору о пересечении границы несколькими семьями учителей (6 человек) из г. Гельсинфорса у финской границы. Эти группы проследовали в Кемский уезд Архангельской губернии. Они распространяли финские книги и брошюры среди крестьян, вели панфинскую пропаганду среди местного карельского населения⁴. Всех обнаруженных агитаторов выдворяли из края, а их сподвижников-карел арестовывали. Энергичные полицейские меры дали результат – к 1913–1914 гг. панфинская пропаганда в виде проникновения пропагандистских групп практически прекратилась [11].

Задачи увеличения кадров полиции решались властями Архангельска и накануне Первой мировой войны. В январе 1914 г. Архангельский губернатор обратился к министру внутренних дел с ходатайством об учреждении дополнительно к 84 должностям конных и 127 пеших стражников еще 99 должностей стражников (33 конных и 66 пеших)⁵. Основания просьбы состояли в географическом положении Архангельской губернии, ее населенности и других условиях. Рассмотрев ходатайство, товарищ министра внутренних дел генерал-майор Джунковский признал возможным за счет уменьшения состава стражи Самарской губернии увеличить состав полицейской стражи в Архангельской губернии на 50 должностей пеших стражников⁶.

В годы Первой мировой войны Архангельск становится единственным открытым портом в Европейской России. К осени 1914 г., когда Турция вступила в войну на стороне германского блока, а Чёрное и Балтийское моря превратились в зоны активных боевых действий, судоходство по ним, ранее более-менее безопасное, стало невозможным. Особенно важное значение Архангельский порт приобретал как пункт получения военно-технического имущества для войск от союзных держав, а также сырья и оборудования для промышленности [6]. В Архангельске началась перестройка всего портового хозяйства на военный лад. В конце 1914 г. начала строиться «Бакарица» – новый район порта, который скоро превратился в основную базу по обработке военных грузов. В 1915–1916 гг. для продления навигации в зимнее время был построен аванпорт «Экономия». Тогда же около железнодорожной станции «Архангельск-пристань» был оборудован новый район порта – «Левый берег». За 1913–1916 гг. грузооборот Архангельского порта достиг небывалых размеров. Если в 1913 г. через его пристани проходило 4610 тыс. пудов грузов, то в 1916 г. – 37 699 тыс. пудов [12, с. 210]. В 1915 г. в Архангельский порт прибыло 758 судов вместимостью 938 886 регистровых тонн [12, с. 219].

Увеличение нагрузки на Архангельский порт потребовало строительства соответствующей инфра-

структуры, в том числе увеличения сети и ширины железнодорожных путей. С точки зрения полицейских функций эта задача была связана с необходимостью следить за увеличившимся числом населения, занятого постройкой и реконструкцией железнодорожного полотна. Так, с 1915 г. в Александровском и Кемском уездах Архангельской губернии производилась постройка двух железнодорожных линий. По мнению полиции, это обстоятельство вызывало усиленный приток «всевозможного элемента» в Архангельскую губернию. Так, Архангельское губернское правление в 1916 г. сообщало в министерство внутренних дел Российской империи: «Огромное количество военнопленных и вольнонаемных рабочих были привлечены на постройку железных дорог, большие партии пришлых рабочих были сосредоточены в разных местностях, работая по перевозке грузов. В Шенкурском и Пинежском уездах были водворены на жительство в качестве военнообязанных подданные неприятельских держав, высланные из разных губерний и снятые с пароходов. Кроме того, население губернии увеличилось за счет военных властей, командированных членов таможенного ведомства, служащих из вновь открывшихся коммерческих контор и отделений банков, а также прибывших из различных местностей беженцев». Поэтому в докладной записке Архангельского губернатора министру внутренних дел, подготовленной в мае 1916 г., ставился вопрос об увеличении штата чинов уездной полицейской стражи в губернии. Губернатор писал, что особое положение губернии требует усиленного состава полиции вообще, в том числе полицейской стражи, которую за различными надобностями приходится перебрасывать на далекие расстояния из уезда в уезд, оставляя обслуживаемый ими район без должного наблюдения. Так, в мае 1916 г. 15 стражников Архангельского уезда находились в командировке в Кемском уезде около железнодорожной линии. Большая часть стражников из Шенкурского, Пинежского и Мезенского уездов были стянуты в Архангельск, где, по требованию военных властей принимали участие в охране различных грузов в местности Бакарица, на Биржевой ветке и на ст. Архангельск-пристань Северных железных дорог, конвоировали военные грузы на железную дорогу из местности «Экономия», находившейся в 25 верстах от Архангельска, охраняли казенный винный спирт на Биржевой ветке железной дороги, а также при различных перевозках его на склад, на пароходы и т.д. Губернатор отмечал, что по требованию главноначальствующего г. Архангельска и района Белого моря необходимо было предоставить стражников для усиления местности Бакарица. В связи с этим губернатор просил существующий состав стражи из 84 конных и 177 пеших стражников увеличить на 49 стражников (16 пеших и 33 конных)⁷.

С началом военных действий важной задачей полиции становилось пресечение распространения панических слухов и настроений [4]. Так, в 1915 г. полицией Архангельска разбирались несколько ситуаций, связанных с аптекарем Лапиным (г. Онега).

⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 110. Л. 1.

⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 5

⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 6.

⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 17. Л. 6–8.

Суда на Двине, 1914–1918 гг.

Встреча беженцев на железнодорожном вокзале Архангельска, 1915 г.

По свидетельству полиции, последний был известен «как человек неуживчивый, склонный к интригам и кляузам и весьма отрицательных нравственных качеств». Ранее против Лапина возбуждалось уголовное дело за оскорбление онежского ветеринарного врача Малявкина и по ст. 940 Уложения о наказаниях Онежским полицейским надзирателем Варфоломеевым. В 1915 г. полицией было произведено дознание о продаже Лапиным из аптеки без рецепта врачей вина и спирта, а также сильнодействующих средств. Спирт аптекарь получал ведрами через Онежское управление Красного Креста, что обходилось довольно дешево (3 руб. за ведро). С похожими проблемами полиция сталкивалась и в других регионах Европейского Севера России [3]. Во время проведения расследования по делу Лапина был установлен также факт

отказа принимать как оплату за лекарства бумажные деньги по их действительной стоимости. О последнем случае рассказала приказчица магазина Онежского товарищества и К Ираида Бакина. По ее словам, в октябре 1915 г. в магазин приходила некая крестьянка, жаловавшаяся на отказ Лапина принять к уплате за лекарство бумажный рубль⁸. Разбиравший этот случай помощник Онежского уездного исправника доложил уряднику 3 участка Онежского уезда, что Лапин говорил: «Наш бумажный рубль за границей стоит только 60 коп., а он предложил ей принять бумажный рубль за 90 коп.»⁹. Однако доказать эти разговоры и

⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 66–68.

⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 95.

действия оказалось непросто, все проверки показали относительную добросовестность аптекаря.

Первой мировой войне предшествовала длительная подготовка, в том числе в форме разведывательных действий. Немецкая разведка, едва ли не единственная из всех разведок европейских государств, пыталась насадить массовую агентуру в пограничных районах и военных центрах своих будущих противников. В общей системе шпионажа в России на первом плане стоял шпионаж с помощью различных торгово-промышленных фирм, добровольных обществ и пр. [10]. Часть этих фирм была замаскированными филиалами немецкой разведки и действовала на специально отпускаявшиеся им средства из секретных фондов [5].

Российская империя противодействовала этим планам Германии. Еще 5 июля 1912 года в России был принят закон о шпионстве, под которым понималось способствование иностранному государству по сбору сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России, ее вооруженных сил или сооружений, предназначенных для защиты страны [7]. Особенно активно этот закон стали применять с началом Первой мировой войны. По мнению историков, в воюющих странах, в том числе и в России, разразилась настоящая шпиономания [8].

Подозрения по поводу шпионской деятельности бывших германских подданных имелись и у архангельской полиции. В январе 1916 г. архангельский полицмейстер докладывал в губернское правление о деятельности потомственного почетного гражданина Эмиля Карлова Бойтигама, бывшего германского подданного. Э. Бойтигам родился в 1863 г. в г. Мемель, прибыл в Архангельск в 1883 г., вступил в русское подданство в 1889 г. Служил в Архангельске управляющим конторой товарищества «Сурков-Шергольд»¹⁰. Бойтигам владел домом в Архангельске, имением в Ковенской губернии. Имел брата, служащего представителем пароходства в Гамбурге¹¹. Владелец фирмы «Сурков-Шергольд» Альберт Юльевич Сурков также имел прусские корни, фамилия Шергольд принадлежала семье его жены Лидии – дочери бельгийского и английского консула в Архангельске. Фирма занималась крупной деятельностью по лесозаготовкам и лесопромышленности, винокурением производством и др. [9]. Полицейский Архангельска сообщал, что Бойтигам «ярый германofil, он подозревался в шпионстве в пользу Германии, почему у него в 1915 г. были произведены пять обысков»¹². Полиция подозревала, что на пивоваренном заводе Суркова, которым заведовал Бойтигам, был устроен радиотелеграф. По мнению полицмейстера, устроителями телеграфа могли быть Бойтигам и пивовар Пауль. По просьбе полицмейстера Архангельска из Петрограда был командирован ротмистр отдельного корпуса жандармов и подполковник политехнического отдела, которые производили обыск как в квартире Бойтигама, так и на заводе Суркова. Полиция установила, что Бойтигам «без ведома и разрешения местного технического надзора» провел электрические провода с завода Сур-

кова в свою квартиру, а также к этим проводам «через посредство находящейся на заводе динамо машины» можно было в любом месте приспособить радиотелеграфный аппарат небольшой мощности (150–200 верст). Кроме того, при обыске в несгораемой кассе, которой заведовал Бойтигам, были найдены золотые вещи и документы, принадлежавшие германским подданным Бальквицу и Фишеру, и германский паспорт самого Бойтигама, оставшийся с того времени, как он был германским подданным¹³. Кроме того, в шкафу была обнаружена деловая переписка Э. Фишера и О. Бальквица, причем последний состоял доверенным от фирмы «Вальдгоф», являвшейся германской шпионской организацией¹⁴. Однако при просмотре переписки полиция констатировала, что «изобличающих данных добыто не было»¹⁵. Полицейский В. Едлинский высказывал мнение, что Бойтигам – немецкий патриот, предан своему отечеству, а имение Геграны в Ковенской губернии им было приобретено на одинаковых условиях со всеми приграничными имениями, т.е. на деньги германского правительства¹⁶. И хотя изобличающих фактов добыто не было, губернатор Архангельска обратился с просьбой к Главноначальствующему г. Архангельск и района Белого моря воспретить Бойтигаму жительство в г. Архангельск и во всех местностях, объявленных на военном положении¹⁷. Однако такого решения не последовало. Так как уличающих в каком-либо преступлении сведений добыто не было, последовало распоряжение начальнику губернского жандармского управления установить надзор за Бойтигамом и усилить внимание за его корреспонденцией¹⁸.

Несмотря на то что явных шпионов в пользу Германии полицией выявлено не было, их деятельность в Архангельске была, видимо, довольно активна, что показали события в Бакарице в 1916 г. 26 октября 1916 г. в Архангельск прибыл из Нью-Йорка пароход «Барон Дризен» «с грузом особого назначения» – взрывчаткой, бездымным и черным порохом, фугасными гранатами, детонаторными трубками для снарядов и баллонами с жидким хлором. В этот же день около 13 часов последовала серия взрывов, в результате которых пароход затонул, были уничтожены три причала, 27 барачных, 5 каменных зданий, пожарное депо, электростанция, казармы, склады, десятки жилых домов, несколько пакагузов с грузами. По некоторым данным, погибли около 650 человек, ранено около 1000 человек [2]. При ликвидации последствий катастрофы личное мужество проявили многие сотрудники полиции. Приказом Губернатора объявлена благодарность сотрудникам полиции за самоотверженную работу после взрыва 26 октября 1916 г. в порту на Бакарице, за полный образцовый порядок в этот день в городе и уезде [1]. Для расследования взрыва в порту Бакарицы морским министром И.К. Григоровичем была назначена следственная комиссия под руководством адмирала Н.С. Маньковско-

¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 130.

¹¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 131.

¹² ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 130.

¹³ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 130.

¹⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 131 об.

¹⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 131 об.

¹⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 130.

¹⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 135.

¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 2686. Л. 136 об.

го. В период расследования комиссия приходила к выводу о совершенной диверсии. Работы по расследованию взрывов на Бакарице продолжались летом и осенью 1917 г., но не были доведены до конца в связи с решением советской власти прекратить деятельность всех органов Временного правительства.

Таким образом, полиция Архангельской губернии в период нарастания военной угрозы и Первой мировой войны включила в перечень своих видов деятельности целый спектр задач по обеспечению безопасности государства. Это касалось отслеживания ситуации на границе, в стратегически важных точках (порт, железные дороги), наблюдения за настроениями населения и деятельностью иностранных граждан на территории губернии.

Литература

1. Архангельск. – 1916. – 5 ноября – С. 3.
2. Архангельская областная летопись: (с древнейших времен до наших дней) / под ред. А.В. Репневского. – Архангельск, 2014. – 538 с.
3. Безнин, М.А. История полиции Вологодского края / М.А. Безнин, Р.П. Биланчук, Т.М. Димони, Е.Р. Дружинин, В.С. Жукова, С.Г. Карпов, А.Л. Кузьминых, В.П. Мясников, Л.С. Панов, В.А. Саблин, С.И. Старостин. – Вологда, 2018. – 864 с.
4. Варфоломеев, Ю.В. Проблема измены и шпионажа в годы Первой мировой войны: слухи, факты, расследования (по материалам чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) / Ю.В. Варфоломеев // Современные евразийские исследования. – 2014. – Т. 3. – С. 17–24.
5. Вилинович, А. Антология шпионажа / А. Вилинович. – Челябинск, 2014. – 610 с.
6. Виноградов П.В. Архангельский и Владивостокский порты в годы Первой мировой войны / П.В. Виноградов // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 10. – С. 53–57.
7. Зверев, В.О. «Закон об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства»: от замысла к реальности (1911–1912) / В.О. Зверев // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 3 (40). – С. 20–26.
8. Зверев, В.О. Шпионаж немецких колонистов в России (1904–1914 гг.): вымысел или реальность? / В.О. Зверев // Новая и новейшая история. – 2015. – № 5. – С. 226–230.
9. Колебакина, Е.Ю. Архангельский купец Альберт Сурков / Е.Ю. Колебакина // Скандинавские чтения 2016 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 281–290.
10. Кудряшов, С. Немецкий шпионаж в России / С. Кудряшов // Родина. – 1993. – № 5/6. – С. 92–95.
11. Пулькин, М.В. Карельские приходы и панфинская пропаганда» (1906–1914) / М.В. Пулькин // Исторические судьбы Беломорской Карелии. – Петрозаводск, 2000. – С. 26–36.
12. Статистический сборник за 1913–1917 гг. – Москва, 1922. – Вып 2. – 307 с.

T.M. Dimoni

PECULIARITIES OF POLICE ACTIVITIES IN ARKHANGELSK PROVINCE UNDER CONDITIONS OF MILITARY THREAT INCREASE AND DURING WORLD WAR I

The article describes the changes in the functions of the Arkhangelsk police in the pre-war period and during the war. Arkhangelsk Province was considered a specific one due to its border location and a seaport with a high density of freight traffic in military conditions. The police maintained law and order. Moreover, it had to keep an eye on foreign citizens' whereabouts and their activities in the province, to enforce prohibition against alcohol, to prevent panic.

Arkhangelsk Province, World War I, national security.

В.А. Квашин
Вологодский государственный университет

ДВА КАТОНА: ВОЗНИКНОВЕНИЕ «КАТОНОВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ»

В статье прослеживается развитие в античной традиции литературно-риторического образа выдающегося государственного деятеля Римской республики II в. до н.э. Марка Порция Катона Старшего Цензора, обозначенного как «катоновская легенда». Ее создателями является группа римских интеллектуалов, сложившаяся вокруг Марка Туллия Цицерона. Одной из особенностей формирования «катоновской легенды» стало то, что личностные характеристики и нормы поведения одного из ее создателей, Марка Порция Катона Младшего, были перенесены на Катона Старшего, заложив определенную традицию восприятия его фигуры в античной историографии.

Древний Рим, Катон Старший, Катон Младший, античная историография, стоицизм.

Одним из самых популярных героев республиканского Рима в античной историографии был сенатор незнатного происхождения, консул 195 г. до н.э. и цензор 184 г. до н.э. Марк Порций Катон Старший, ставший зримым символом своей эпохи. Красочно описанная древними авторами личность Катона, однако, зачастую заслоняет исторический смысл его деятельности. Вопрос о достоверности созданного традицией образа Катона может показаться частным и второстепенным, но он приобретает значимость в том случае, если в этом образе видеть не только описание характера конкретного индивида, но и отражение коллективной системы ценностей, присущих данному социуму в конкретную историческую эпоху¹. В этой связи крайне важным является вопрос о качестве античной традиции – насколько цельный и непротиворечивый образ Катона она дает. Для того чтобы проверить это, обратимся к двум наиболее крупным источникам – сочинениям Тита Ливия и Плутарха.

В 39-й книге своего труда Ливий дает следующую характеристику Катона: «Надо признать, он отличался тяжелым нравом, был слишком откровенен и резок в речах, но зато недоступен для подкупа и лести, нелюбим и исключительно честен»². Это совпадает с оценкой, данной Катону в 32-й книге, где он назван «мужем благочестивым и безукоризненно честным»³. В 37-й книге Ливий вновь упоминает о высоком авторитете, который Катон заслужил своей примерной жизнью⁴. Однако буквально через несколько строк Ливий пишет о «преступном лжесвидетельстве» Катона против Манья Ацилия Глабриона⁵. Читатель Ти-

та Ливия, таким образом, оказывается во власти кажущегося неразрешимым противоречия, поскольку в рамках одного текста присутствуют два взаимоисключающих тезиса: о наличии у Катона гражданской чести и об отсутствии у него таковой⁶.

Отмеченная тенденция прослеживается и в биографии Катона, принадлежащей Плутарху, которая также содержит две явно отличающиеся части. В первой части (главы 1–4, 6–20, 25–27) действует безусловно положительный персонаж, являющийся образцом храбрости, скромности, воздержанности, приверженности традиционным ценностям. В то же время вторая часть биографии (главы 5, 21–24), в основном рассказывающая о частной жизни Катона, находится в прямом противоречии с первой, рисуя совершенно иной облик героя. Этот Катон участвует в ростовщических операциях, занимается работоторговлей и сводничеством, проявляя при этом такие черты характера, как алчность, жестокость и похотливость⁷. Обращает на себя внимание, что сомнению подвергается не столько частная жизнь Катона, сколько его гражданские качества, если только у римского политика эпохи Республики вообще существовала четкая грань между публичной и частной жизнью. Перед нами вновь два образа, между которыми трудно найти точки соприкосновения. Пытаясь как-то обойти это противоречие, Д. Кинаст предположил, что Плутарх использовал данные некоего антикатоновского памфлета. С другой стороны, он обращает внимание на то, что Плутарх намечает в биографии Катона схему, которую, одна-

¹ Следует отметить, что для отечественной историографии подобная постановка вопроса не является чем-то новым. Попытка реконструкции римской системы ценностей на основе традиции о Катоне была предпринята С.Л. Утченко и А.Л. Кацем [21, с. 19–33; 22, с. 30–47; 9, с. 89–90; 10, с. 91–95].

² Liv.XXXIX.40.10: *Asperi procul dubio animi et linguae acerbae et immodice liberae fuit sed invicti a cupiditatibus animi et rigidae innocentiae, contemptor gratiae, divitiarum.*

³ Liv.XXXII.27.3: *vir...sanctus et innocens.*

⁴ Liv.XXXVII.57.13: *cuius auctoritatem perpetuo tenore vitae...*

⁵ Liv.XXXVII.57.15: *...instabili periurio.*

⁶ В данном случае уместно обратить внимание на то обстоятельство, что в отличие от современного понятия, имеющего исключительно морально-этическую природу, в древнем Риме понятие «чести» имело правовой характер, влияя на правоспособность лица. Так, умаление гражданской чести в форме «*infamia*» приводило к многочисленным ограничениям не только в области частного, но и публичного права (например, к лишению лица *ius honorum*, т.е. права занимать государственные должности).

⁷ Целью второй части катоновской биографии, по мнению М.Е. Сергеевко, было намерение показать, что у Катона «нет основной римской добродетели: *fides* – честности, верности. На него нельзя положиться... он *homo infidus*» [18, с. 158–159].

ко, он не развил. Она обозначена в тексте ключевыми фразами: (1) «вначале, когда он был еще беден и нес военную службу...» и (2) «позже, разбогатев и задавая пиры друзьям и товарищам по должности...» (XXI. 3–4) [6, s. 24–25, 34–36]. Исходя из этой схемы, им было предложено следующее объяснение: в начале своей карьеры Катон действительно был беден, полностью соответствуя характеристике благочестивого и бесспорного мужа. Однако, достигнув высших должностей государства, во второй половине своей жизни Катон разбогател, стал вести роскошный образ жизни и заниматься тем, что он столь неистово порицал когда-то [12, с. 41, прим. 2]. При внешней убедительности это объяснение тем не менее вызывает определенные сомнения. Д. Кинаст, приняв во внимание увлеченность Плутарха морально-философской тематикой, вообще счел сведения о позднем периоде жизни Катона литературным упражнением на тему о превращении бедного стойка в богатого эпикурейца [6, s. 25]. Можно привести следующие аргументы в пользу такой точки зрения.

Во-первых, в текстах Катона Старшего присутствует решительное осуждение ростовщичества и ни один из известных нам его текстов не говорит об обратном. В «Земледелии» он прямо и недвусмысленно указывает: «Иногда стоило бы дохода ради заняться торговлей, не будь это так опасно, а то и отдавать деньги в рост, будь только это почетно. Предками нашими так принято и так в законах изложено, чтобы вора присуждать ко взысканию вдвое, а ростовщика ко взысканию вчетверо. По этому можно судить, насколько ростовщика они считали худшим гражданином по сравнению с вором»⁸. Подтверждением слов Катона является сообщение Ливия о том, что во время претуры 198 г., управляя Сардинией, Катон изгнал с острова ростовщиков, «выказав сугубую суровость в пресечении ростовщичества»⁹. Во-вторых, о «роскоши» позднего периода жизни Катона можно судить по отрывку из Авла Геллия: «Марк Катон, который был консулом и цензором в то время, когда и государство и частные лица стали уже жить богаче, говорил, что до того как ему исполнилось семьдесят лет, стены его безыскусных и грубо выстроенных загородных домов не отделялись штукатуркой. И далее он произнес следующие слова: «У меня, – сказал он, – нет ни ценных сооружений, ни сосудов, ни одежд, ни дорогого раба или рабыни. Если есть то, чем я могу воспользоваться, я пользуюсь; если нет, то обхожусь. По мне пусть каждый пользуется и наслаждается своим». Затем он добавляет: «Меня порочат тем, что я обхожусь без многого, а я их в том, что они не могут обойтись

без этого»¹⁰. Подтверждение этого сообщения содержится в 4-й главе катоновской биографии Плутарха. В-третьих, в эпитоме 48-й книги Ливия, описывающей события 152–151 гг. до н.э., содержится упоминание о том, что Катон был вынужден хоронить старшего сына, скончавшегося в должности претора, самым дешевым образом, поскольку он был беден¹¹.

Аналогичная проблема возникает при попытке систематизировать данные о характере и стиле поведения Катона. Данный вопрос приобретает значимость при сопоставлении характеристики Цензора в традиции с общественным стереотипом, относящимся к римлянину «старого образца», и существовавшим, по крайней мере, с эпохи Поздней республики¹². Действительно, дисциплинированность, религиозность, здравомыслие, серьезность, практицизм – все это присутствует в характере Катона, может быть даже в несколько гиперболизированном виде. Однако, обратившись непосредственно к текстам Катона, трудно отыскать там следы его знаменитой суровости, черствости и бездушия. Напротив, мы можем обнаружить там другого Катона, борющегося с беззаконием, произволом и жестокостью римских магистратов. Сохранившиеся фрагменты его речей убедительно демонстрируют эту грань личности Цензора¹³. Пожалуй, наибольшее влияние на восприятие образа Катона оказали 4-я и 5-я главы его биографии, построенные вокруг совета избавляться от старых и болезненных рабов. Однако в данном случае сочинение Плутарха не может рассматриваться как самостоятельный источник, что довольно часто происходит¹⁴.

Таким образом, присутствующий в традиции образ Катона Старшего не выдерживает проверки на цельность и непротиворечивость. На примере сочинений Ливия и Плутарха можно видеть, что сведения античных авторов не позволяют вынести однозначное суждение о личностных качествах Катона. То, что внутри отдельно взятого текста наблюдаются весьма значительные противоречия, заставляет обратить внимание на источники, которыми пользовались первые авторы, писавшие о Катоне. Все они могут быть сведены в несколько условных групп. Во-первых, это тексты самого Катона: речи, трактат «Земледелие», исторический труд «Начала», сборники писем и изречений, знакомство с которыми в той или иной степени

⁸ Cat.Agr.Praef.1: Est interdum praestare mercaturis rem quaerere, nisi tam periculosum sit, et item foenerari, si tam honestum. Maiores nostri sic habuerunt et ita in legibus posiverunt: furem dupli condemnari, foeneratorem quadrupli. Quanto peiorem civem existimarint foeneratorem quam furem, hinc licet existimare. Здесь и далее пер. М.Е. Сергеевко.

⁹ Liv.XXXII.27.3-4: Sardiniam M. Porcius Cato obtinebat, sanctus et innocens, asperior tamen in faenore coercendo habitus; fugatique ex insula faeneratores et sumptus quos in cultum praetorum socii facere soliti erant circumcisi aut sublatis. У Нонния Марцелла и Феста имеются упоминания о существовании речи «Dissuasio leges Juniae defeneratione», приписываемой Катону (Fest. P. 58-59 M).

¹⁰ Gell.XIII.24.1: M. Cato consularis et censorius publicis iam privatisque opulentis rebus villas suas inexcultas et rudes ne tectorio quidem praelitas fuisse dicit ad annum usque aetatis suae septuagesimum. Atque ibi postea his verbis utitur: «Neque mihi» inquit «aedificatio neque vasum neque vestimentum ullum est manupretiosum neque pretiosus servus neque ancilla. Si quid est,» inquit «quod utar, utor; si non est, egeo. Suum cuique per me uti atque frui licet» Tum deinde addit: «Vitio vertunt, quia multa egeo; at ego illis, quia nequeunt egere». Пер. А.Г. Грушевого.

¹¹ Liv.Per.XLVIII: M. Porcius Cato filii in praetura mortui funus tenuissimo ut potuit (nam pauper erat) sumptu.

¹² Т.И. Кузнецова и И.П. Стрельникова отмечают в этой связи: «Катон... наиболее полно воплощал в себе ту самую “summa virtus”, то сочетание лучших качеств подлинно римской природы, без которых... не могло быть истинного государственного мужа и общественного деятеля» [13, с. 10].

¹³ MF58, 59–60, 69–71, 154–155, 163–169, 173, 176, 177–181, 196–199.

¹⁴ Поскольку Плутарх в своем труде выступает лишь в качестве комментатора 2-й главы «Земледелия», основное внимание должно быть уделено тексту Катона. Подробный разбор этого сюжета см.: [11, с. 37–66].

обнаруживают все писавшие о нем авторы. Вторых, сочинения анналистов, сведениями которых пользовались Непот, Цицерон и Ливий. В качестве третьей выступает устная традиция [8, с. 71]. В четвертых, это семейный архив Порциев, куда, помимо сочинений Катона, входили *laudatio funebris* и *liber commentarius de familia Porcia*, о которых упоминает Авл Геллий (XIII.20.17). Наконец, в особую группу некоторые исследователи выделяют интуицию и фантазию авторов, писавших о Катоне [16, с. 58]. Как можно видеть, практически все указанные группы источников – в наименьшей степени это относится к катоновским текстам – вызывают сомнения в части надежности и точности передачи сведений о характере, поведении и привычках Катона¹⁵.

Эпоха, в рамках которой были созданы первые произведения о Цензоре, была чрезвычайно благоприятной для создания образа «легендарного» Катона. В условиях кризиса не только общественно-политических институтов, но и идеалов и ценностей Республики, в определенных кругах общества не могла не возникнуть ностальгия по относительно недавним временам расцвета и стабильности римской общины. Человеком, ярко и полно выразившим суть той эпохи, был, несомненно, Марк Порций Катон. В том, что акцент был сделан на его суровости, жесткости, борьбе за неукоснительное соблюдение закона, следует видеть влияние времени, когда происходит оформление соответствующей традиции. Катон воплотил в своей деятельности все то, что казалось утерянным, размытым, уходящим из жизни римского общества I в. до н.э. Таким образом, в его литературном образе отразились не только проблемы его собственной эпохи, но и острейшие противоречия Поздней Республики. То, что реальный Катон был намного шире и богаче своего литературного двойника, показывает простой перечень тех сфер деятельности, где он проявил себя – политика, военное дело, сельское хозяйство, право, ораторское искусство, литература, история, медицина, педагогика [17, с. 189; 13, с. 10]. Исследователи, писавшие о нем, неоднократно отмечали, что традиционное представление об гиперконсерватизме Цензора достаточно условно. В действительности Катон выступил как смелый новатор практически во всех областях, к которым он имел хоть какое-то отношение: в политике (знаменитая цензура и судебные процессы), литературе (первый исторический труд на латинском языке и история для детей), сельском хо-

¹⁵ Необходимо учитывать и контекст эпохи, в которую была заложена основа восприятия образа Катона в традиции. Римская историография эпохи Принципата унаследовала все основные принципы и целевые установки анналистики. В особенности это относится к возникшей в начале I в. до н.э. младшей анналистике, сведениями которой пользовались Корнелий Непот, Цицерон и Ливий. К характерным для нее чертам следует отнести проецирование реалий современной авторам политической борьбы на события прошлого, которое рассматривалось под углом зрения текущих социально-политических проблем. Именно младшая анналистика стала активно использовать эллинистическую риторическую технику в историографии. Сведения младших анналистов в целом достаточно низко оцениваются с точки зрения достоверности, поскольку авторы этого направления в интересах политической борьбы прибегали к прямой фальсификации исторического материала, включая удвоение событий, перенесение позднейших событий в более раннюю эпоху, искажения и умолчания [20, с. 68–69; 14, с. 90].

зяйстве (первый трактат об организации производства на вилле) и др. Еще раз отметим то обстоятельство, что суровость, жесткость, целеустремленность были качествами, присущими и востребованными той эпохой, которую своей жизнью наиболее адекватно выразил именно Катон. Как представляется, в реальности он был не более суров и жесток, чем Марк Клавдий Марцелл на Сицилии, Квинт Фульвий Флакк, усмирявший Кампанию, Сципион Африканский в Испании (эпизод с Массиниссой и Софонисбой). Цельность и суровость Катона – суть его времени, достаточно архаичного по сравнению с Поздней Республикой. Однако в процессе превращения Катона в символ эпохи и оформления литературно-риторического образа на задний план отошли такие его качества, как красноречие, остроумие, широта кругозора, жизнелюбие.

Говоря о создании литературной легенды о Катоне, нельзя обойти вопрос об ее авторах¹⁶. Как показал Ф. Делла Корте, одним из авторов этой легенды был Марк Туллий Цицерон [1, р. 101–108]. Кроме того, краткую биографию Катона написал Корнелий Непот, который в конце своего сочинения упоминает о том, что существует отдельная книга о Цензоре, написанная по просьбе Помпония Аттика (*Cat.3.5*). Это заставляет обратить внимание на фигуру Тита Помпония Аттика, современника Цицерона и Непота, который и сам довольно активно занимался изучением римской истории, в частности списков магистратов и генеалогий знатных фамилий. Как передает Корнелий Непот, Тит Помпоний Аттик в стихах воспевал выдающихся граждан, перечисляя под изображением того или иного героя его деяния и должности (*Att.18.2*). В частности, им были составлены генеалогические таблицы Марцеллов, Фабиев и Эмилиев. Известно, по крайней мере, о трех исторических сочинениях, принадлежащих Помпонию Аттику. Судя по всему, он был хорошо осведомлен о периоде III–II вв. до н.э. Корнелий Непот особо отмечает, что он рьяно подражал нравам предков и был любителем старины, которую он тщательно изучил и описал в книге, посвященной порядку магистратур (*Att.18.1*). Весьма важным представляется то обстоятельство, что Аттик был связан дружескими отношениями как с Цицероном, так и с Непотом. Последний в жизнеописании Тита Помпония Аттика называет себя его другом, проявляя большую осведомленность о его частной жизни¹⁷. То, что дружеские отношения между Цицероном, Аттиком и Непотом сопровождалась близостью их общественно-политических взглядов, позволяет предположить, что они и составили тот круг, в котором получила литературное оформление традиция о Катоне.

Однако ключевой в процессе создания «катоновской легенды» выглядит, по нашему мнению, фигура

¹⁶ В историографии существует ставший устойчивым термин «сципионовская легенда», по аналогии с которым можно говорить о существовании «катоновской легенды» [7, р. 54–69; 5; 15, с. 553–567].

¹⁷ *Nep.Att.13.7: Atque hoc non auditum, sed cognitum praedicamus: saepe enim propter familiaritatem domesticis rebus interfuius (И утверждаю я это не по слухам, но по личному опыту, ибо, как друг, часто бывал причастен к его домашним заботам). Пер. Н.Н. Трухиной.*

Марка Порция Катона Младшего, достаточно близко к обозначенному кругу лиц¹⁸. Именно Катон Младший, не только обладавший доступом к семейному архиву Порциев, но и бывший прямым родственником Цензора, имел самые большие возможности для переосмысления и реактуализации преданий о своем прадеде. В традиции имеются свидетельства того, что между Цицероном и Катонем Младшим шел своеобразный диалог вокруг фигуры Цензора. В речи «Pro Murena» Цицерон, обращаясь к Катону Младшему, говорит: «Кто по твоему мнению, был более доступен, более участлив, более умерен, чем твой прадед Катон, более него обладал всеми чертами, свойственными подлинному человеку?...Если же ты добавишь к своей строгости его благожелательность и доступность, то твои качества, и без того выдающиеся, правда, лучше не станут, но, во всяком случае, будут приправлены приятнее»¹⁹. В этой связи обращает на себя внимание упоминание у Непота неких поклонников старшего Катона (*studiosos Catonis*), для которых он по просьбе Аттика написал большую биографию Цензора. С другой стороны, вызывает вопросы непривычная трактовка личных качества Катона Старшего в ранней речи Цицерона. Катон Младший был современником первых авторов, писавших о его знаменитом предке, и представления о Катоне Старшем, скорее всего, во многом формировались под влиянием его личности. Д. Кинаст отметил, что образ Катона Старшего, созданный Ливием, куда больше напоминает Катона Младшего в изображении Цицерона. Для обоснования своей мысли исследователь проводит сравнение эпитетов, применяемых Ливием к Катону Старшему и Цицероном к Катону Младшему, отметив их значительное сходство [6, с. 20].

Большое количество параллельных с биографией Цензора сюжетов выявлено в «Катоне Младшем» Плутарха. Так, в 3-й и 6-й главах сообщается о воздержанности и бережливой жизни Катона Младшего.

¹⁸ Следует отметить, что уже древние авторы могли путать не столь уж многочисленных представителей семейства Порциев Катонов. Хотя самые известные из них, Марк Порций Катон Старший Цензор и Марк Порций Катон Младший Утический имели сразу три когномена, что позволяет нам отличать их друг от друга, в письменных источниках того времени они могли быть совершенно неразличимы. Это хорошо видно на примере внука Катона Старшего, консула 118 г. до н.э., который в *Fasti Capitolini* фигурирует как *M. Porcius M. f. M. n. Cato*, тогда как его дед, консул 195 г. до н.э. – как *M. Porcius M. f. Cato*. Ситуация усугубляется тем, что при перечислении цензоров 184 г. до н.э. Катон Старший уже присутствует как *M. Porcius M. f. M. n. Cato*, т.е. становится практически неотличим от своего внука [2, р. 64–65, 166]. На то, что это не надуманная проблема, указывает присутствующая в «Аттических нотах» Авла Геллия дискуссия по поводу сочинений некоего Марка Катона Непота (XIII.20), в котором некоторые ее участники видят Марка Порция Катона Утического, а другие – консула 118 г. до н.э. Марка Порция Катона, как и дед, бывшего известным оратором, тогда как его отец, Марк Порций Катон, претор не установленного года, был знатоком права (XIII.20.7.9).

¹⁹ *Cic. Mur. 66: Quemquamne existimas Catone, proavo tuo, commodiorem, communiorem, moderatiorem fuisse ad omnem rationem humanitatis? De cuius praestanti virtute cum vere graviterque diceres, domesticum te habere dixisti exemplum ad imitandum. Est illud quidem exemplum tibi propositum domi, sed tamen naturae similitudo illius ad te magis qui ab illo ortus es quam ad unum quemque nostrum pervenire potuit, ad imitandum vero tam mihi propositum exemplum illud est quam tibi. Sed si illius comitatem et facilitatem tuae gravitati severitatique asperseris, non ista quidem erunt meliora, quae nunc sunt optima, sed certe condita iucundius.*

В 5-й главе он протестует против сноса Порциевой базилики, построенной его прадедом, причем особо отмечается его полновесная и суровая речь²⁰. В 8-й и 9-й главах Катон Младший сравнивается с Цензором в умении быть дисциплинированным, храбрым, расчетливым, презирать изнеженность и роскошь. В 10-й главе содержится рассказ о том, как Катон Младший вывез из Пергама философа-стоика Афинодора²¹. В 16–18 главах Плутарх сообщает о необычайно строгой и суровой квестуре Катона Младшего. В 21-й главе Плутарх, описывая Катона Младшего как судебного оратора, отмечает, что будучи грозным и даже страшным на ораторском возвышении или в сенате, в обычной жизни он был со всеми благожелателен и приветлив. Сообщение это корреспондирует как с приведенным выше отрывком из речи Цицерона, так и со словами Ливия о том, что какой бы мягкой ни была душа Катона Старшего, «сколь грозен, а иной раз свиреп бывает он в своих речах». Наконец, даже врагом Катона Младшего был представитель дома Сципионов – Сципион Метелл (*Cat. Min. VII. 1-3*)²².

Биография Плутарха позволяет предположить, что Катон Младший дублирует своего прадеда, поскольку количество параллельных мест исключает случайность отмеченных совпадений. Высказанное мнение на сегодняшний день является общепризнанным. Оно основывается на предположении, что Катон Младший избрал в качестве жизненного образца своего знаменитого предка, соотнося с его жизнью собственные поступки. Однако в дальнейшем это могло привести к тому, что часть сведений о жизни Катона Младшего попала в источники, относящиеся к Цензору. Подтверждением этой мысли служит то, что сходство двух Катонов проявляется не только в области добродетелей, но и пороков. Катон Младший еще при жизни обвинялся в занятии ростовщицеством, крайней скупости и корыстолюбии. Сюжет с женитьбой престарелого Цензора на молодой Салонии перекликается с рассказом о Катоне Младшем и Марции (*Plut. Cat. Mai. 25; Cat. Min. 25*). Предположение Кинаста о том, что авторы сочинений о Катоне Старшем пользовались данными какого-то антикатоновского памфлета, наталкивается на серьезное препятствие, связанное с тем, что в традиции отсутствуют сведения как об авторах подобного сочинения, так и о времени его написания. Это обстоятельство настораживает, поскольку сочинение такого рода вряд ли могло появиться ранее I в. до н.э., и, следовательно, должно было оставить какой-то след в традиции. С другой стороны, достоверно известно о существовании поли-

²⁰ В результате образуется довольно интересная конструкция: у Катона Старшего есть речь в поддержку постройки базилики, у Катона Младшего – речь против ее сноса.

²¹ Это свидетельство выводит нас сразу на два сюжета. Первый – это сообщение Плутарха о том, что Катон Старший после взятия Тарента посетил занятия философа Нейарха (*Cat. Mai. II.3*). Второй – рассказ Корнелия Непота о том, что Катон Старший вывез из Сардинии поэта Энния (*Nep. Cat. I.4*).

²² Речь идет о Квинте Цецилии Метелле Пие Сципионе Назике, консуле 52 г. до н.э. По рождению он принадлежал к старшей ветви Корнелиев Сципионов. Его предок, Публий Корнелий Сципион, консул 191 г. до н.э., за форму носа получивший прозвище *Nasica*, был сыном Гнея Корнелия Сципиона Кальва и двоюродным братом Публия Корнелия Сципиона Африканского.

тического памфлета под названием «Антикатон», направленного против Катона Младшего, авторство которого приписывается Гаю Юлию Цезарю²³. Наше предположение о том, что образ Цензора формировался под значительным воздействием личности Катона Младшего, позволяет объяснить и те противоречия в подаче образа Катона Старшего, которые присутствуют у Ливия и Плутарха. Не совсем ясно, имело ли место прямое перенесение негативной информации о Катоне Младшем в корпус сведений о Цензоре или же создание той части традиции, которая рисует последнего резко отрицательно, шло по аналогии с жизнью и поступками правнука знаменитого героя. В любом случае это позволяет объяснить шлейф прилипших к Катону Старшему дурных поступков и недостойных занятий, выглядящих анахронизмом для начала II в. до н.э., но органически вписывающихся в эпоху Поздней республики.

Выводы, к которым мы пришли, позволяют вновь вернуться к нашему предположению о том, что существовал своего рода диалог между Цицероном и Катонем Младшим, переросший в дискуссию, по поводу личности Катона Старшего. В этой связи обращает на себя внимание цицероновский трактат «Brutus», в котором автором несколько раз последовательно проводится одна и та же мысль. Цицерон пишет: «Мы считаем Катона очень древним писателем, хотя он умер в консульство Луция Марция и Манья Манилия, всего лишь за восемьдесят шесть лет до моего консульства». Далее он замечает: «А Катона разве хоть кто-нибудь из нынешних ораторов читает? Кто его вообще знает? А ведь какой был человек, о боги!». Через несколько строк Цицерон вновь возвращается к этой теме: «Откуда взялась эта любовь к Лисию и Гипериду в то время, когда никто не знает Катона? Да, язык его устарел, и слова иной раз режут слух. Но ведь тогда так говорили!»²⁴. Собственно, Цицерон говорит о том, что в Риме его времени Катон Старший, по сути, был неизвестен. Это заявление, на наш взгляд, может быть понято лишь в контексте интеллектуального соперничества Цицерона с Катонем Младшим, поскольку оба они активно использовали образ Цензора в политической борьбе. Обратимся вновь к уже цитировавшемуся отрывку из речи в защиту Мурены, несколько расширив цитату: «Кто, по твоему мнению, был более доступен, более участлив, более умерен, чем твой прадед Катон... Справедливо и с достоинством говоря о его выдающейся доблести, ты сказал, что пример для подражания есть в твоём собственном доме. Правда, пример этот в твоём доме тебе дан; натура прадеда тебе, его потомку, могла

передаться более, чем кому-либо из нас, но, как образец для подражания, он стоит передо мной, право, так же, как и перед тобой. Если же ты добавишь к своей строгости и суровости его благожелательность и доступность, то твои качества, и без того выдающиеся, ... будут приправлены приятнее»²⁵. Особо остановившись на вопросе о природе чрезмерной строгости и суровости Катона Младшего, Цицерон не видит здесь влияния Цензора, которого он, напротив, считает образцом умеренности и снисходительности. В то же время Цицерон заявляет о влиянии на младшего Катона философского учения, «далекого от умеренности и мягкости... несколько более сурового и строгого, чем это допускает действительность или природа»²⁶. Он пишет: «...Те дарованные богами выдающиеся качества, какие мы видим у Марка Катона, свойственны ему самому, те же, как их мы подчас ищем у него и не находим, все происходят не от природы, а от его учителя. Жил некогда муж необычайного ума, Зенон; ревнителей его учения называют стоиками. Его мысли и наставления следующие: мудрый никогда не бывает лицепрятен, никогда и никому не прощает проступков: никто не может быть милосердным, кроме глупого и пустого человека; муж не должен уступать просьбам, ни смягчаться... мудрец ни над чем не задумывается, ни в чем не раскаивается, ни в чем не ошибается, своего мнения не изменяет. Вот взгляды, которые усвоил Марк Катон, человек высокого ума, следуя ученым наставникам, и не для того, чтобы вести споры, как поступает большинство людей, но чтобы так жить»²⁷.

Таким образом, Цицерон, по сути, указывает на то, что Катон Младший перенес представления об идеальном римлянце, сформировавшиеся под влиянием стоицизма, на своего прадеда. Иначе говоря, он показывает искусственную, литературно-риторическую природу того образа Цензора, который пропагандировал Катон Младший. Спор между ними шел вокруг понимания главных, существенных черт характера Катона Старше-

²⁵ Cic. Mur. 66: Quemquamne existimas Catone, proavo tuo, commodiorem, communiorem, moderatiorem fuisse ad omnem rationem humanitatis? De cuius praestanti virtute cum vere graviterque diceres, domesticum te habere dixisti exemplum ad imitandum. Est illud quidem exemplum tibi propositum domi, sed tamen naturae similitudo illius ad te magis qui ab illo ortus es quam ad unum quemque nostrum pervenire potuit, ad imitandum vero tam mihi propositum exemplar illud est quam tibi. Sed si illius comitatem et facilitatem tuae gravitati severitatisque asperseris, non ista quidem erunt meliora, quae nunc sunt optima, sed certe condita iucundius. Здесь и далее пер. В.О. Горенштейна.

²⁶ Cic. Mur. 60: Accessit istuc doctrina non moderata nec mitis sed, ut mihi videtur, paulo asperior et durior quam aut veritas aut natura patitur.

²⁷ Cic. Mur. 61-62: In M. Catone, iudices, haec bona quae videmus divina et egregia ipsius scitote esse propria; quae non numquam requirimus, ea sunt omnia non a natura verum a magistro. Fuit enim quidam summo ingenio vir, Zeno, cuius inventorum aemuli Stoici nominantur. Huius sententiae sunt et praecepta eius modi. Sapientem gratia numquam moveri, numquam cuiusquam delicto ignoscere; neminem misericordem esse nisi stultum et levem; viri non esse neque exorari neque placari; solos sapientes esse, si distortissimi sint, formosos, si mendicissimi, divites, si servitutum serviant, reges; nos autem qui sapientes non sumus fugitivos, exsules, hostis, insanos denique esse dicunt; omnia peccata esse paria; omne delictum scelus esse nefarium, nec minus delinquere eum qui gallum gallinaceum, cum opus non fuerit, quam eum qui patrem suffocaverit; sapientem nihil opinari, nullius rei paenitere, nulla in re falli, sententiam mutare numquam. Hoc homo ingeniosissimus, M. Cato, auctoribus eruditissimis inductus adripuit, neque disputandi causa, ut magna pars, sed ita vivendi.

²³ Как принято считать, памфлет Цезаря был ответом на сочинение Цицерона апологетического характера «Катон». Труд Цезаря в двух книгах не сохранился и известен лишь по фрагментам и ссылкам других авторов. Также Марк Юний Брут написал свою версию «Катона» (вероятно, после появления сочинения Цезаря), а затем Октавиан Август написал свою версию «Антикатона». Ни одно из этих сочинений не сохранилось [3, p. 2].

²⁴ Cic. Brut. 61: Eumnos utperveterem habemus, qui L. Marcio M. Manilio consulibus mortuus est, annis lxxxvii pisanem mortuum; 65: Catonem vero quis nostrorum oratorum, qui quidem nunc sunt, legit? aut quis novit omnino? at quem virum, di boni!; 68: cur igitur Lysias et Hyperides amatur, cum penitus ignoretur Cato? antiquior est huius sermo et quaedam horridiora verba. ita enim tum loquebantur. Пер. И.П. Стрельниковой.

го, на которого проецировались их представления о качествах идеального гражданина. При этом они неизбежно переносили на его образ не только модель идеального *vir bonus*, но и собственные личностные характеристики.

Очевидно, что и «цицероновский», и «катоновский» образы Цензора достаточно условны. В то же время в основе своей они историчны, поскольку отбор личностных характеристик Катона Старшего производился исходя из результатов его общественной и государственной деятельности. Это утверждение, казалось бы, вступает в противоречие с идеей о том, что версия Катона Младшего основывалась на стоическом идеале, перенесенном на реального человека. На наш взгляд, противоречия здесь все же нет. Как известно, формирование Римской (Средней) Стои было связано с окружением Публия Корнелия Сципиона Эмилиана, в которое, помимо римских политиков, входили представители греческого стоицизма – философ Панетий и историк Полибий. По мнению С.Л. Утченко, именно Панетий модифицировал центральное понятие стоической этики – образ мудреца, приспособив его к римским условиям. Как отмечает исследователь, учение Панетия «давало возможность отойти от философски сублимированного идеала мудреца, в частности, выработать гораздо более реальный в римских условиях образ идеального гражданина (*vir bonus*), что и было сделано Цицероном в «*De officiis*», на основе трансформированной Панетием старостойческой этики» [23, с. 89–91]. Адаптация стоических идей к традиционной системе ценностей (*mos maiorum*) вызвала к жизни учение о *vir bonus*, потребовав переработки содержащихся в устных преданиях и анналистической традиции сведений о выдающихся римлянах, в том числе и о Катоне Старшем. Цицерон в этой связи передает сведения о том, что Сципион Эмилиан в юности воспитывался Катоном Старшим (R.p.II.1). При всех сомнениях в точности этого сообщения, возможно, являющегося частью литературно-философской традиции, определенная близость общественно-политических взглядов Катона Старшего и Сципиона Эмилиана не вызывает сомнений [19, с. 163–165]. Для участников «сципионовского кружка» Катон Старший в качестве римского инварианта стоического мудреца должен был стать наиболее подходящей кандидатурой. В литературе высказывалось мнение о том, что распространение устной традиции о Катоне шло через окружение Сципиона Эмилиана [4, с. 72]. В связи с этим высока вероятность того, что сведения о Катоне Старшем были переосмыслены в духе римского стоицизма в рамках интеллектуальных штудий «сципионовского кружка» и уже в таком виде восприняты Катоном Младшим, ревностно следовавшим этому учению. Последний, так же как и Цицерон, активно использовал фигуру Цензора в политической и идеологической борьбе эпохи кризиса Республики. В конечном счете, в процессе создания литературного образа Катона Старшего, в котором приняли участие Марк Туллий Цицерон, Тит Помпоний Атик, Корнелий Непот и Марк Порций Катон Младший, нашли свое отражение идеалы и ценности сенатско-аристократических кругов периода Поздней республики.

1. Della Corte, F.: *Catone Censore, la vita e la fortuna* / F. Della Corte. – Torino, 1949. – 190 p.
2. *Fasti Capitolini* / rec. A. Degrassi. – Torino, 1954. – 191 p.
3. Frost, B.P. An Interpretation of Plutarch's Cato the Younger / B. P. Frost // *History of Political Thought*. – 1997. – 18. – P. 2–23.
4. Gnauk, R. Die Bedeutung des Marius und Cato Maior für Cicero / R. Gnauk. – Berlin, 1935. – 104 s.
5. Goar, R.J. The Legend of Cato Uticensis from the first century B.C. to the fifth century A.D. / R.J. Goar. – Bruxelles, 1987. – 114 p.
6. Kienast, D. Cato der Zensor: Seine Persönlichkeit und seine Zeit / D. Kienast. – Darmstadt, 1979. – 170 s.
7. Walbank, F.W. The Scipionic Legend / F.W. Walbank // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. – 1967. – 193. – P. 54–69.
8. Дуров, В.С. Художественная историография древнего Рима / В.С. Дуров. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 1993. – 144 с.
9. Кац, А.Л. Проблема рабства у Плавта и Катона / А.Л. Кац // *Вестник древней истории*. – 1964. – № 3. – С. 81–90.
10. Кац, А.Л. Социальная направленность творчества Плавта / А.Л. Кац // *Вестник древней истории*. – 1980. – № 1. – С. 72–95.
11. Квашнин, В.А. Категории времени и пространства в тексте Катона Старшего: к вопросу о «старом рабе» (*Cat. Agr. 2.7*) / В.А. Квашнин // *Формы и способы презентации времени в истории*. – Москва: ИВИ РАН, 2009. – С. 37–66.
12. Кузицин, В.И. Земельные владения Марка Порция Катона Старшего (Структура крупного землевладения в Италии во II в. до н.э. до реформ Гракхов) / В.И. Кузицин // *Вестник древней истории*. – 1975. – № 4. – С. 41–59.
13. Кузнецова, Т.И. Ораторское искусство в древнем Риме / Т.И. Кузнецова, И.П. Стрельникова. – Москва: Наука, 1976. – 288 с.
14. Кузнецова, Т.И. Античная эпическая историография: Геродот, Тит Ливий / Т.И. Кузнецова, Т.А. Миллер. – Москва: Наука, 1984. – 216 с.
15. Леус, В.А. «Легенда о Сципионе» / В. А. Леус // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. – Москва: Издательство РХГА, 2016. – С. 553–567.
16. Майоров, Г.Г. Образ Катона Старшего в диалогах Цицерона (К вопросу об особенностях римской мифологии истории) / Г.Г. Майоров // *Античная культура и современная наука*. – Москва: Наука, 1985. – С. 55–61.
17. Модестов, В.И. Лекции по истории римской литературы: в 2 т. / В.И. Модестов. – Киев: Издательство Киевского университета, 1873. – Курс первый. – 352 с.
18. Сергеев, М.Е. Из заметок о Катоне / М. Е. Сергеев // *Вестник древней истории*. – 1976. – № 3. – С. 154–159.
19. Трухина, Н.Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.) / Н.Н. Трухина. – Москва: МГУ, 1986. – 188 с.
20. Утченко, С.Л. Некоторые тенденции развития римской историографии (III–I вв. до н.э.) / С.Л. Утченко // *Вестник древней истории*. – 1969. – № 2. – С. 66–75.
21. Утченко, С.Л. Две шкалы римской системы ценностей / С.Л. Утченко // *Вестник древней истории*. – 1972. – № 4. – С. 19–33.
22. Утченко, С.Л. Еще раз о римской системе ценностей / С.Л. Утченко // *Вестник древней истории*. – 1973. – № 4. – С. 30–47.
23. Утченко, С.Л. Политические учения древнего Рима (III–I вв. до н.э.) / С.Л. Утченко. – Москва: Наука, 1977. – 257 с.

V.A. Kvashnin

TWO CATOS: BEGINNING OF THE «LEGEND OF CATO»

The article is devoted to the development of the literary and rhetorical image of the famous statesman of the Roman Republic of the 2nd century BC Marcus Porcius Cato in the ancient historiography. This image was called the «legend of Cato». Its creators were a group of Roman intellectuals, led by Marcus Tullius Cicero. One of the peculiarities of the creation of this legend was the fact that Cato the Younger's personal characteristics and behavior patterns were transferred to the personality of Cato the Elder.

Ancient Rome, Cato the Elder, Cato the Younger, ancient historiography, Stoicism.

О.А. Киселева

Вологодский государственный университет

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ АМЕРИКАНО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЭПОХИ РЕКОНСТРУКЦИИ (1865–1877)

В статье рассматривается круг официальных источников, позволяющих определить сущность «алабамского кризиса» в отношениях между США и Великобританией после Гражданской войны (1861–1865), ход, характер и этапы его мирного урегулирования. Анализируется содержание публикаций парламентских дебатов в двух англосаксонских государствах, дипломатических бумаг, президентских посланий. Автор приходит к выводу о важном месте Вашингтонского договора (1871) и приговора Женевского арбитража (1872) в развитии международных отношений Нового времени.

«Алабамский кризис», американо-английские отношения, Вашингтонский договор, дипломатические документы, Женевский арбитраж, нейтралитет, парламентские дебаты, президентские послания.

В результате победы Севера в Гражданской войне в США (1861–1865) были ликвидированы серьезные препятствия на пути интенсивного капиталистического развития страны. На Юге происходил крайне сложный и болезненный процесс замены старого, преимущественно экстенсивного типа экономического развития, основанного на использовании рабского труда, другим, опирающимся на зрелые, классические капиталистические отношения. Происходившие в ходе этого коренные изменения в расстановке общественных сил, сопровождавшиеся трансформацией правящих элит в национальном масштабе, позволяют характеризовать годы президентской (1865–1866) и радикальной (1867–1877) Реконструкции не только как важный этап в формировании нового курса внутренней политики в стране, но и как эпоху оформления ее модернизировавшихся внешнеполитических приоритетов, направлений и методов экспансии. Происходило это в условиях, принципиально отличавшихся от предшествовавшего Гражданской войне между Севером и Югом времени, – в условиях доминирования предпринимательского промышленно-торгового класса, добившегося контроля над федеральными структурами власти и стремившегося максимально ограничить влияние бывших рабовладельцев на характер и вектор общенациональной политики.

На протяжении XVIII–XIX веков неоднократно возникали серьезные осложнения в американо-английских отношениях, Североамериканская республика и Британская империя дважды воевали – в 1775–1783 и в 1812–1814 годах. Во второй половине 1860-х годов напряженность вновь приобрела крайнюю форму, и некоторые политики по обе стороны океана заговорили об опасности нового военного конфликта между двумя англосаксонскими странами [11, с. 633]. Каковы причины этого? США, укрепив свое национальное единство и превратившись в государство, более сильное, чем прежде, в политическом и военном отношениях, выступили с претензиями к Англии, используя в качестве обоснования своей по-

зиции поддержку, оказывавшуюся Лондоном рабовладельческой Конфедерации. Английское правительство, официально заявившее о нейтралитете по отношению к Северу и Югу как сторонам гражданского конфликта (1861–1865), в действительности содействовало южанам: строило и снаряжало для них корабли (по имени одного из них – «Алабамы» – и был назван острейший кризис в двусторонних отношениях – «алабамский»), уничтожавшие торговый флот северян, предоставляло свои порты в качестве баз для флота конфедератов, оказывало Югу финансовую помощь. В результате по окончании Гражданской войны торговый флот США составлял менее трети его довоенных размеров [1, с. 327]. Это катастрофически ослабило статус и положение США на мировой торговой арене. Вашингтон возложил вину за нанесенный ущерб на Великобританию и потребовал материальной компенсации [5, с. 45]. В ходе развития «алабамского кризиса» (1865–1872) Вашингтон предпринял попытку, до известной степени, пересмотреть свою роль и место в партнерстве с Лондоном. Следует признать, что отчасти американским политикам это удалось. Важной ступенью в процессе разрешения противоречий между США и Англией стал Вашингтонский договор (1871) [9], определивший в качестве основного средства их рассмотрения и урегулирования международный арбитраж. Первый из них – Женевский арбитраж (1872) – признал Великобританию виновной в нарушении обязательств, налагаемых на нее позицией нейтралитета, и обязал английское правительство выплатить в качестве компенсации нанесенного Североамериканской республике ущерба 15,5 млн долл., что и было исполнено [3, с. 135]. Сопоставляя, укажем, что США купили у Российской империи в 1867 году Аляску за 7,2 млн долл., что в два с лишним раза меньше транша, полученного ими несколько позже «за “Алабаму” из Лондона. Реализация условий и постановлений Вашингтонского договора завершилась в 1877 году с вынесением приговора Галифакским третейским судом по вопросу о пра-

вилах рыболовства в территориальных водах Канады, с 1867 года находившейся в статусе британского доминиона. Это позволяет рассматривать 1865–1877 годы как единый целостный период урегулирования отношений между США и Великобританией, когда в центре внимания дипломатических служб обеих стран находились именно двусторонние противоречия, а не конфликты по поводу отношений с третьими державами. Доказательства и конкретизацию сформулированных выше положений предоставляют многочисленные исторические источники, в первую очередь документы официального происхождения.

Интереснейший и крайне важный пласт материала для исследования политико-дипломатических отношений между США и Великобританией в период Реконструкции предоставляют стенограммы заседаний американского конгресса [10] и британского парламента [7]. Ценность этого вида источников заключается в том, что он отражает достаточно напряженную тактико-стратегическую политическую борьбу по вопросам внешнеполитической деятельности в Североамериканской республике и в Великобритании, а также позволяет реконструировать картину столкновений политических партий и группировок (демократов, радикальных и умеренных республиканцев в конгрессе США, консерваторов и либералов в палате общин британского парламента), отдельных лидеров обеих стран по различным аспектам двусторонних отношений рассматриваемого периода. Так, на Капитолийском холме во второй половине 1860-х годов постоянно звучали призывы к аннексии Британской Северной Америки в качестве компенсации за ущерб, нанесенный Великобританией в 1861–1865 годах [11, с. 102; 12, с. 443], а в стенах британского парламента в начале 1870-х годов лорд Рассел и консерваторы убеждали депутатов в необходимости денонсировать «унизительный для Англии» Вашингтонский договор и уйти из Женевского арбитража [8, с. 45]. По мнению оппонентов, последнее означало бы не только срыв всего процесса урегулирования двусторонних противоречий, но и неминуемо грозило их обострением и перерастанием противостояния в вооруженную фазу. Стремление избежать этого и стало одной из причин исполнения Лондоном вердикта Женевского третейского суда.

Важным источником, с одной стороны, дополняющим стенограммы дебатов в конгрессе США, а с другой – позволяющим установить связь и взаимодействие законодательной и исполнительной ветвей власти в международных делах, являются президентские послания и бумаги [4]. Именно в президентских посланиях Э. Джонсона (1865–1869) и У. Гранта (1869–1877) излагались принципиальные мотивы и цели внешнеполитической деятельности США, провозглашался политический курс находившейся у власти администрации в отношении различных регионов мира и государств, в том числе Великобритании. В них содержалась формулировка новых внешнеполитических постулатов, предложенных государственными секретарями У.Г. Сьюардом и Г. Фишем, явившимися своеобразными предтечами более позднего американского экспансионизма конца XIX века. Вместе с тем в этих документах, как ни в каких других,

предпринимались попытки скрыть истинные мотивы и побудительные причины международных действий американской администрации.

Еще больший интерес и значение для детального, своего рода «пошагового» («step by step») изучения американо-английских отношений эпохи Реконструкции представляют издававшиеся государственным департаментом США дипломатические документы, собранные в многотомном издании под названием «Международные отношения США» («U.S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the U.S.») [14]. Особое место среди них занимает шеститомное издание «Бумаг, относящихся к Вашингтонскому договору» [15]. Оно включает инструкции и послания государственного департамента дипломатическим представителям США в Лондоне, а также ответные запросы и отчеты американских послов и посланников. Здесь же опубликован текст Вашингтонского договора (май 1871 года), официальные документы (иски, меморандумы, контрмеморандумы), представленные США и Великобританией Женевскому трибуналу в 1872 году, а также протоколы заседаний и приговор последнего. Следует признать, что документы подобраны отчасти тенденциозно, исходя из стремления благоприятно оттенить позицию именно Соединенных Штатов, и зачастую опубликованы фрагментарно. Тем не менее на основе сопоставления путем компаративного анализа с документами, опубликованными в знаменитых «Дипломатических Синих книгах, представленных по распоряжению Ее Величества обеим палатам парламента» [6], они позволяют достаточно полно реконструировать вполне объективную модель поведения двух англосаксонских стран в «алабамском кризисе». Характерной чертой этих источников как единого комплексного массива является их международно-правовая направленность. Наиболее полно она реализована в переписке внешнеполитических ведомств США и Великобритании по поводу «дела “Алабамы” и так называемых «трех правил» Вашингтонского договора (1871), материалах и приговоре Женевского трибунала (1872), собранного для «тщательного и беспристрастного рассмотрения и разрешения всех споров, которые будут выдвинуты правительствами США и Великобритании» [9, с. 2]. Не обращаясь к подробной характеристике этих источников [15, т. 1, с. 1–204, 205–414; т. 2, с. 197–412], так как она имела бы в большей степени юридическую, нежели историческую, окраску и презентовала «алабамский кризис» как довольно формализованный конфликт по вопросу о принципах ведения морской войны, подчеркнем, что данные документы совершенно отчетливо выявляют абсолютную альтернативность в подходах США и Великобритании к определению сущности возникшего между ними спора и степени виновности английского правительства. Англия, декларировавшая о своем нейтралитете по отношению гражданского конфликта в США, после его завершения продолжала отстаивать идею свободы торговли, осуществляемой частными лицами – подданными нейтральных стран – с воюющими сторонами. Корабли, по ее мнению, – лишь предмет контрабанды, и обе воюющие стороны, также будучи представлены частными лицами, могли беспрепятст-

венно покупать их. Правительства же от участия в этих операциях должны быть отстранены. Соединенные Штаты, наоборот, настаивали на том, что английский кабинет министров, заявив о нейтралитете, был обязан не допускать продажи или передачи подданными Ее Величества контрабандных товаров воюющим сторонам. Невыполнение же Лондоном этого требования способствовало затягиванию Гражданской войны в США, нанося им дополнительный ресурсный и демографический урон [5, с. 111]. Исследование данных источников приводит к выводу о том, что в конечном итоге, несмотря на первоначальное сопротивление английских политиков и дипломатов, в результате длительных дискуссий и под давлением объективных факторов в них был зафиксирован один из первых шагов по кодификации международного морского права: нейтральное государство не может определять объем лежащих на нем обязанностей согласно своему собственному пониманию и толкованию. Несмотря на то что вердикт Женевского международного арбитража (1872) о неправомерности действий Великобритании во время конфликта в США не стал в тот период основой для выработки универсальных правовых норм, которые принял бы цивилизованный мир, его положения и формулировки стали отправными пунктами принципов знаменитых Гаагских конвенций (1907), до сих пор предписывающих и регулирующих правила ведения войны на море. С другой стороны, Женевский арбитраж, по сути, заложил основы современного рассмотрения международных споров в судебном порядке. Его приговор явился толчком к чрезвычайному оживлению международных третейских процессов: в течение тридцати лет после трибунала по «делу „Алабамы“» арбитражные суды рассмотрели около ста дел. Великобритания приняла участие в тридцати из них, США – в двадцати [16, с. 249].

Наряду с политико-дипломатическими факторами важную роль в процессе урегулирования послевоенных противоречий между США и Великобританией играли экономические связи и контакты. Дело в том, что в 60-х – начале 70-х годов XIX века Англия продолжала удерживать первенство в мире в качестве индустриально-развитой державы («мастерской мира») и выступала как поставщица промышленных товаров и капиталов, одним из значимых реципиентов которых были США. Последние, напротив, вывозили, в том числе на Британские острова, преимущественно продовольствие, сырье и полуфабрикаты. В зарубежной историографии существует концепция, доказывающая существование на протяжении значительной части XIX века «особого экономического образования» – так называемой «атлантической экономики», основу которой составляло «пересекающееся движение двух потоков – сырья и продовольствия из Северной Америки, индустриальных товаров, инвестиций и рабочих – мигрантов из Великобритании» [2, с. 156]. Важным источником для изучения этих экономических явлений и подтверждения или опровержения указанной теории являются издававшиеся Бюро внешней торговли государственного департамента США ежегодные Обзоры их торговых отношений с зарубежными государствами [13]. Они не только дают

представление о состоянии и месте внешней торговли в общем экономическом развитии Североамериканской республики после Гражданской войны, но и проливают свет на основные проблемы американо-английских торговых отношений рассматриваемого периода. Содержащиеся в них консульские донесения, выдержки из английских периодических изданий и выступлений представителей деловых и политических кругов Лондона позволяют определить характер контактов англосаксонских государств в сфере товарообмена, выявить влияние американской внешнеэкономической стратегии на его динамику. Анализ помещенных в Обзорах материалов приводит к заключению, что в американских официальных кругах в эпоху Реконструкции не существовало консенсуса по вопросам внешнеэкономической стратегии. Переход же США к политике протекционизма привел к снижению удельного веса импорта из Великобритании – по его объему Соединенные Штаты переместились с первого места (1872) на пятое (1876), уступив Индии, Германии, Франции и Австралии [13, 1878 г., с. 35], но в 1870-х годах, он тем не менее не разрушил «атлантической экономики». Впрочем, в исторической перспективе, в связи с бурным развитием американской национальной индустрии, она была обречена.

Несколько с иной стороны американо-английские отношения 1865–1877 годов представлены в источниках личного происхождения – мемуарах, дневниках, переписке, автобиографиях и биографиях непосредственных участников и современников событий. Они насыщены множеством деталей, психологическими портретами политиков, специалистов в области международного права, перипетиями скрытой, закулисной борьбы вокруг процесса урегулирования англо-американских противоречий эпохи Реконструкции, информацию о которых нельзя почерпнуть из официальных документов. Но это – тема другой статьи.

Литература

1. Aldcroft, D. (ed.) *The Development of British Industry and Foreign Competition 1875–1914* / D. Aldcroft. – London: G. Allen & Unwin Ltd, 1968. – 384 p.
2. Bagwell, Ph.S. *Britain and America 1850–1939. A Study of Economic Change* / Ph.S. Bagwell, G.E. Mingay. – London: Routledge & Kegan Paul, 1970. – XIV, 312 p.
3. Balch, T.W. *The Alabama Arbitration*. / T.W. Balch. – Philadelphia: Allen, Lane & Scott, 1900. – 150 p.
4. *A Compilation of the Messages and Papers of the Presidents, 1789–1897. Published by Authority of Congress by Richard J.D., A Representative from the State of Tennessee. Vols. 6-7.* – Washington: Government Printing Office, 1869–1878.
5. *The Executive Documents. Treaty of Washington Correspondence.* – Washington: Government Printing Office, 1872. – 675 p.
6. *Great Britain. Diplomatic Blue Books. Presented to Both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. North America. 1872–1878.* – London: Harrison and Sons, 1872–1878.
7. *Great Britain. Hansard's Parliamentary Debates, 3rd series, 1865–1877.* – London: Cornelius Back, 1865–1877.
8. *Great Britain. Hansard's Parliamentary Debates. 3rd series.* – London: Cornelius Buck, 1873. – Vol. 184. – 1024 p.
9. *Treaty between Her Majesty and the U.S.A. Signed at Washington, May 8, 1871.* – London: Harrison & Sons. – 18 p.
10. *U.S. Congress. Congressional Globe. 1865–1873.* – Washington: Government Printing Office, 1865–1873.

11. U.S. Congress. Congressional Globe. 40th Congress, 2nd session. – Part 1. – Washington: Government Printing Office, 1868. – 1007 p.

12. U.S. Congress. Congressional Globe. 41st Congress, 1st session. – Appendix. – Washington: Government Printing Office, 1869. – 567 p.

13. U.S. Department of State. Bureau of Foreign Commerce. Commercial Relations with Foreign Countries. 1866 – 1878. – Washington: Government Printing Office, 1879. – 896 p.

14. U.S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the U.S. 1865–1877. – Washington: Government Printing Office, 1866–1878.

15. U.S. Department of State. Papers Relating to the Treaty of Washington. 6 vols. – Washington: Government Printing Office, 1872–1878.

16. Оппенгейм, Л. Международное право: в 2 т.; пер. с англ. / Л. Оппенгейм. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1948–1950. – Т. 2. – Ч. 2. – 498 с.

17. Papers Relating to the Treaty of Washington. Vol. 1–5. – Washington, 1873. – Ibid. Vol. 1. P. 1–204, 205–414, 415–713; Vol. 2. P. 197–412, 425–592» Vol. 3. P. 5–258, 259–374, etc.

18. U.S. Department of State. Bureau of Foreign Commerce. Commercial Relations with Foreign Countries. – Washington, G.P.O., 1866–1878. – 896 p.

19. U.S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the U.S. 1865–1877. – Washington: Government Printing Office, 1866–1878.

20. U.S. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the U.S. 1872. – Washington: Government Printing Office, 1872. – Vol. 1. – 987 p. (c. 111)

21. U.S. Department of State. Papers Relating to the Treaty of Washington. 6 vols. – Washington: Government Printing Office, 1872–1878.

O.A. Kiseleva

THE OFFICIAL DOCUMENTS CONCERNING THE HISTORY OF ANGLO-AMERICAN RELATIONS DURING RECONSTRUCTION (1865–1877)

The article deals with the official documents concerning the Alabama crisis in Anglo-American relations after the American Civil War (1861–1865) and the process of its peaceful solution. Olga Kiseleva analyses parliamentary debates, diplomatic documents, presidents' addresses and other sources. The author points out how important the Treaty of Washington (1871) and the Geneva Arbitration (1872) were in the evolution of international relations in modern history.

The Alabama crisis; Anglo-American relations; diplomatic documents; the Geneva Arbitration; the Treaty of Washington; neutrality; parliamentary debates; presidents' addresses.

П.П. Котов

*Институт языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения РАН*

ПОСЕВЫ И УРОЖАИ ХЛЕБОВ В ОНЕЖСКОМ УЕЗДЕ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1785–1915 ГОДУ

В статье на основе большого количества архивных источников анализируется развитие уровня земледелия в Онежском уезде на протяжении 130 лет. Предлагается авторская методика обработки цифровых данных для объективной оценки результативности земледелия. Обращено внимание на ошибочные и неточные выводы по вопросам анализа уровня земледелия, которые утвердились в исторических исследованиях.

Архивные источники, уровень земледелия, посевы и урожаи хлебов, обеспеченность хлебами, нормы потребления.

По мнению И.Д. Ковальченко для периода феодализма (в силу специфики источников) результативность (уровень) земледелия возможно определить исходя из уровня посевов, урожайности и сборов хлебов и обеспеченности ими населения [9]. В рамках изучения аграрной истории России XVIII – начала XX в. эти проблемы неоднократно затрагивались [1; 15; 25; 26; 32]. Они получили свое отражение и в исследованиях по Европейскому Северу [5; 6; 10; 19; 20; 22; 30]. При этом авторы, изучая разные периоды, применяли разные методики обработки источников. Поэтому полученные результаты весьма непросто, иногда и невозможно соединить, и использовать для характеристики уровня земледелия по длительным хронологическим отрезкам. С другой стороны, в редких трудах предпринимались попытки выявления уровня результативности земледелия по отдельным уездам или отдельным группам населения [2; 3; 8]. И уж вовсе в единичных случаях отображались сведения о посевах и урожаях технических культур, картофеля и овощей. Автор данной статьи в ряде исследований пытается преодолеть указанные упущения [14; 18]. В частности, такая работа нашла воплощение в серии изысканий по 4 уездам Архангельской губернии [13; 16; 17; 23]. Начатую работу попытаемся продолжить по Онежскому уезду.

Сведения о посевах и урожаях хлебов в России начали поступать в центральные органы власти с конца XVIII в. Правда, часть таких материалов или не поступила в архивы, или была утеряна. Системно эти сведения стали аккумулироваться после создания в начале XIX в. министерств и появления так называемых «Всеподданнейших отчетов», обязательным компонентом которых выступала «хлебная отчетность». Указанные материалы в научной литературе получили общее название – губернаторские отчеты (ГО).

Анализ губернаторских отчетов в части технологии (способа) сбора сведений о посевах и урожаях хлебов и их объективности, включая разбор законодательства о «хлебной отчетности», на наш взгляд, уже

проведен в достаточном объеме [11; 12; 15]. Однако отдельные моменты требуют краткого повтора или дополнительного акцентирования. Напомним – далеко не по всем губерниям и не за все годы в центральных архивах отложились губернаторские отчеты. Кроме того, в выявленных отчетах, особенно до 1880-х гг., часто фиксировались лишь обобщенные в целом по губерниям данные. Недостающие сведения в значительной мере можно восполнить за счет фондов местных областных и республиканских архивов, в которых отложились «подготовительные материалы» и черновые варианты губернаторских отчетов. По Онежскому уезду за период с 1782 по 1915 г., именно за счет фондов Государственного архива Архангельской области, удалось восполнить сведения о посевах и урожаях хлебов за несколько десятков лет (см. источники к табл. 2).

Начиная с 1883 г. данные о хлебной статистике стал публиковать Центральный статистический комитет (ЦСК) МВД России. Эти показатели выводились на основе материалов анкет, которые рассылались по волостям и заполнялись крестьянами. Формы этих анкет и методики сбора первичных сведений о посевах и урожаях хлебов в течение первого десятилетия дважды существенно изменялись [33]. По нашему мнению, среднегодовые данные о посевах и урожаях хлебов ЦСК МВД по первым двум пятилетиям между собой не сопоставимы и не могут быть, соответственно, выстроены по всему десятилетию.

Окончательно формы анкет и методика получения первичных сведений о хлебной статистике в ЦСК МВД были отработаны и введены с 1893 г., после чего практически не изменялись до 1915 года [34]. Отныне анкеты рассылались не только по волостям, но и по уездным и заштатным городам и посадам. По всем уездам и губерниям России устанавливались данные о площади запашки, посевах, сборах, урожайности, весе четверти в пудах земледельческих культур и некоторые другие сведения. Информативно эти материалы были значительно разнообразней, чем данные губернаторских отчетов.

По мнению большинства историков нашей страны, материалы ЦСК МВД более объективно, по сравнению с губернаторскими отчетами, отражали состояние посевов и урожаев хлебов. Считается, что их реальные размеры в губернаторских отчетах занижались. Отдельные исследователи полагали, что указанные занижения были не системными и весьма существенными. Поэтому они отрицали сам факт возможности использования данных губернаторских отчетов для научных обобщений. Однако большинство ученых избегало подобных крайних оценок, что не лишало сложности при попытках выстраивания исследований результативности земледелия по длительным периодам, т.к. требовало соединения данных губернаторских отчетов с материалами ЦСК МВД. Однако среди историков закрепилось еще одно клише, что губернаторские отчеты по своей, прежней методике перестали составляться с начала 1890-х гг. – губернаторы просто стали использовать данные ЦСК МВД. Сравнение же данных за 1883–1892 гг. показывало – губернаторские отчеты, по сравнению с ЦСК МВД, нередко в разы занижали показатели, и, как отмечалось, вне какой-либо системности. Подобные отличия по Кемскому уезду Архангельской губернии, например, достигали по валовым сборам ржи в 3,2 раза, яровых – в 2 раза, в целом по зерновым – в 2,4 раза и по картофелю – в 2,2 раза [33; 31, д. 5006–5715, журнальные статьи «Архангельская губерния»]. Описанные обстоятельства создавали внешне не разрешимую проблему соединения двух видов источников.

Считаю, что задача научного анализа показателей уровня земледелия по длительным хронологическим периодам вполне возможна и ограничена лишь наличием источников за конкретные годы. С одной стороны, следует признать достаточно высокую степень объективности данных губернаторских отчетов, что и подтверждено в серии наших публикаций [11; 12; 15]. С другой стороны, предполагаю, что далеко не все губернаторы в России в начале 1890-х гг. отказались от изначальной, практикуемой как минимум с XVIII столетия, методики сбора «хлебной отчетности» и перешли на использование сведений ЦСК МВД. Во всяком случае, в архивах выявлено, что отчеты по Вологодской губернии за 1893–1897 гг. зиждились на прежних, «от века пользуемых» способах выяснения данных о посевах и урожаях хлебов, по Олонецкой – за 1893–1898 годы и по Архангельской губернии – за 1893–1906 годы [13, с. 86; 16, с. 20; 18, с. 34, 135]. Эти новые материалы позволяют сравнить показатели

данных двух упомянутых видов источников по периоду после 1892 г., т.е. когда окончательно была выверена и отработана методика сбора сведений в ЦСК МВД. В результате данные о валовых сборах озимых и яровых хлебов между ЦСК и губернаторскими отчетами по упомянутому Кемскому уезду Архангельской губернии за 1893–1902 гг. разнились на 8–9%, по Яренскому уезду Вологодской губернии за 1893–1897 гг. – на 8–22% [16, с. 20; 18, с. 34, 135]. По аналогичным периодам в Шенкурском уезде Архангельской губернии и в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии валовые сборы яровых хлебов по данным ЦСК, были, пусть и ненамного (на 0,3–1,4%), но и вовсе ниже сродных показателей губернаторских отчетов [13, с. 86; 18, с. 34, 135].

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что по Онежскому уезду Архангельской губернии все показатели результативности зернового клина, отраженные в материалах ЦСК МВД за 1893–1902 гг., были меньше сходных сведений губернаторских отчетов, тогда как по картофелю наблюдалось противоположное. По примеру четырех исследованных нами уездов Архангельской губернии эти показатели для Онежского уезда и приняты в качестве коэффициентов поправок для анализа на сопоставимой основе данных губернаторских отчетов и сведений ЦСК МВД за 1785–1915 гг.

Исследователи уже достаточно давно определились, что при анализе посевов и урожаев хлебов предпочтительны средние цифровые показатели за 8–10 лет подряд [9; 24; 25]. В противном случае степень объективности показателей снижается. В данной статье основные средние показатели уровня земледелия подсчитаны по всем выявленным годам в рамках десятилетних и, там, где это было возможно, – в границах укрупненных хронологических периодов. Урожайность хлебов, как это и практиковалось в конце XVIII – начале XX в., анализируется в «самах» (соотношение валового сбора к посеву). Показатели посевов и сборов в четвертях определены в расчете на одного жителя Онежского уезда. Численность населения уезда выявлялась по материалам IV–X ревизий, по данным губернаторских отчетов и ЦСК МВД. Известно, что в последних число жителей, как правило, ненамного завывшалось. Поэтому их данные уточнялись с помощью коэффициентов поправок, которые выводились на основе сравнения указанных данных со сведениями Первой всероссийской переписи населения 1897 г. по Онежскому уезду [27, с. 1; 28, с. 5; источники к табл. 2].

Таблица 1

Соотношение основных показателей уровня земледелия в Онежском уезде по сведениям ЦСК МВД России к данным губернаторских отчетов за 1893–1902 годы

Основные показатели	Озимая рожь	Овес	Ячмень	Итого яровые	Всего зерновые	Картофель
Посев	0,94734	0,95400	0,89441	0,89630	0,90361	1,56480
Валовый сбор	0,97245	0,86362	0,87367	0,87337	0,89138	1,44600
Урожайность	1,02646	0,90527	0,97680	0,97442	0,98647	0,92408

Составлено по: Урожай [1893–1902] года. СПб., [1894–1903]; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1–2. Д. 5006–5715 (журнальные статьи «Архангельская губерния» за 1893–1902 годы).

Посевы и урожайность зерновых в Онежском уезде в 1785–1915 годах

Годы	Данные, лет	Посев, четвертей на душу			Урожайность, «сам»		
		озимые	яровые	всего зерновые	озимые	яровые	всего зерновые
В уезде (включая г. Онегу)							
1785–1799	8	0,07	0,25	0,32	6,0	3,9	4,4
1801–1810	9	0,07	0,25	0,32	5,0	4,2	4,4
1811–1820	10	0,06	0,24	0,30	5,7	4,3	4,6
1821–1830	10	0,05	0,25	0,30	5,2	4,3	4,5
1801–1830	29	0,06	0,25	0,31	5,3	4,3	4,5
1831–1840	10	0,04	0,24	0,28	4,4	3,8	3,9
1841–1850	7	0,04	0,26	0,30	3,8	3,7	3,7
1851–1860	10	0,03	0,24	0,28	3,6	3,0	3,1
1861–1870	9	0,04	0,23	0,27	3,3	2,8	2,9
1831–1870	36	0,04	0,24	0,28	3,8	3,3	3,4
1871–1880	10	0,04	0,22	0,26	3,1	3,0	3,1
1881–1890	10	0,04	0,22	0,26	3,1	2,9	2,9
1891–1900	10	0,04	0,22	0,26	4,4	3,4	3,5
1871–1900	30	0,04	0,22	0,26	3,6	3,1	3,2
1901–1910	10	0,04	0,22	0,26	4,3	3,6	3,7
1911–1915	5	0,03	0,19	0,22	4,9	3,6	3,8
1901–1915	15	0,03	0,21	0,24	4,4	3,6	3,7
В г. Онеге							
1832–1840	5	0,04	0,12	0,17	4,7	3,6	3,9
1841–1850	6	0,04	0,11	0,15	4,7	4,9	4,9
1851–1860	10	0,03	0,10	0,13	4,9	4,8	4,8
1861–1868	8	0,02	0,07	0,09	3,9	4,1	4,1
1832–1868	29	0,03	0,10	0,13	4,7	4,4	4,5
1871–1880	10	0,03	0,14	0,17	4,9	4,3	4,4
1881–1890	10	0,02	0,14	0,16	4,5	3,6	3,7
1891–1900	10	0,01	0,12	0,14	5,3	5,1	5,1
1871–1900	30	0,02	0,13	0,15	4,8	4,3	4,4
1901–1904	4	0,01	0,10	0,11	4,7	4,0	4,1

Примечание. Нет данных: в целом по уезду – за 1787–1791, 1797, 1802, 1845, 1846, 1845, 1846, 1849 и 1869 годы; по г. Онеге – за 1833, 1835, 1836, 1839, 1842, 1843, 1845 и 1846 годы.

Составлено по: Зеленин Д. Архангельская губерния в начале XX в. (Статистическое описание губернии по современной рукописи). Архангельск, 1907. С. 7; Урожай [1903–1915] года. СПб., [1904–1916]; ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 6. Д. 10963, 11362, 11962, 12304; Оп. 2. Т. 1. Д. 27, 290, 573, 649, 758, 819, 896; Оп. 3. Д. 110, 203, 277, 279, 401, 741; Оп. 4. Т. 5а. Д. 109, 123, 139, 157, 203, 204; Оп. 8. Т. 2. Д. 61, 64, 310; Оп. 9. Д. 271; Оп. 11. Д. 367, 410; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1200, 2053; Оп. 2. Д. 43; Ф. 4. Оп. 7. Д. 56; Оп. 9. Д. 19, 33, 45, 52, 66, 81, 88; Ф. 6. Оп. 2. Д. 6, 7; Оп. 3. Т. 1. Д. 1-4; Ф. 53. Оп. 1. Т. 1. Д. 707, 797; Оп. 1. Т. 2. Д. 35, 62, 113, 172, 184, 202, 214, 228, 245, 259, 273, 288, 310, 327, 334, 342, 350, 355, 360, 368, 384, 402 302ж, 5776, 629, 690; РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 111. Д. 59129, 59243; РГИА. Ф. 1263. Оп. 1-2. Д. 1254–5749 (журнальные статьи «Архангельская губерния»); Ф. 1276. Оп. 17. Д. 16 (журнальная статья 2); Ф. 1281. Оп. 1. Д. 1-3; Оп. 11. Д. 5.

И наконец, наиболее важный показатель уровня земледелия – обеспеченность населения своими хлебами в % – определялся исходя из минимальной нормы в 3 четверти зерновых на человека в год. Эта норма подразумевает 1,5 четверти озимых, необходимых для получения муки, 0,75 четверти ячменя и 0,25 четверти овса – для выработки муки, круп, толокна и других продуктов питания. В сумме получается, что для продовольствия одного среднестатистического человека необходимо 2,5 четверти зерновых в год. Однако в общую минимальную норму следует включать и фуражное зерно для содержания рабочего скота – лошадей, без которых невозможно было функционирование сельскохозяйственного производства. По нашим подсчетам, на одного жителя Европейского Севера России, кроме продовольственного минимума хлеба, необходимо было ежегодно получать еще около 0,5 четверти овса для содержания необходимого числа лошадей. Поэтому общий необходимый минимум зерновых и определен нами в 3 четверти на человека в год [11; 18, с. 39–40; 21, с. 42–44].

Онежский уезд был расположен в неблагоприятной для земледелия зоне. Это диктовало своеобразие

севооборота и структуру выращиваемых сельскохозяйственных культур. Распределение посевных площадей в Онежском уезде позволяют вычленивать только материалы ЦСК МВД. Выясняется, что в 1893–1915 гг. зерновые хлеба занимали в уезде не менее 93% всей запашки. Единственной озимой культурой, которую выращивали в Онежском уезде, являлась рожь и на нее приходилась примерно пятая часть посевной площади в уезде (20,5–21,7%). Существенно большая площадь пашни отводилась под яровые культуры, среди которых господствовал ячмень. Последний в среднем по периодам за 1893–1915 гг. высевался на площади 3840–4380 десятин (дес.), что составляло от 68,4 до 71,8% всей запашки в Онежском уезде. Из других яровых хлебов по всем выявленным годам в уезде отмечались лишь посевы овса, объемы которых производились на незначительных площадях, но имели четкую тенденцию к увеличению. Так, в 1893–1900 гг. посевной клин овса в Онежском уезде обнимал 105 дес., в 1911–1915 гг. – 228 дес., соответственно, увеличилась и его доля в общей запашке – с 1,7 до 4,1% [34]. В источниках по Онежскому уезду систематически означались посевы гороха, впрочем, и они

были очень невелики. Выращивание в уезде яровой ржи в мизерных размерах стали фиксировать лишь документы ЦСК МВД. В них же стали приводиться и ежегодные сведения о посевах технических культур – льна и конопли. Их производство в Онежском уезде нередко отмечалось и по материалам губернаторских отчетов, но из-за небольших размеров редко фиксировалось в цифровых показателях. Ведь даже в 1893–1915 гг. лен и конопля в уезде занимали 32–54 дес., т.е. всего 0,6–1,1% посевных площадей. Для сравнения – с 1893–1900 по 1911–1915 годы посадки картофеля в уезде расширились с 316 до 349 дес. или с 5,2 до 6,2% запашки [34].

Приведенные факты о структуре запашки свидетельствуют, что в земледелии Онежского уезда даже в начале XX в. не сложилось классического трехполья. При «правильной» трехпольной системе севооборота озимый, яровой и паровой клин были примерно одинаковыми и каждый из них занимал около трети пашни.

О сложности земледельческого производства в Онежском уезде в связи с суровыми природно-климатическими условиями свидетельствуют и колебания посевов семян в расчете на единицу запашки. Здесь среднегодовые показатели посевов ржи в 1893–1900, 1901–1910 и 1911–1915 годах колебались от 1,07 до 1,24 четверти на 1 дес., ячменя – от 1,68 до 2,05 четверти и овса – от 2,17 до 2,36 четверти. По тем же периодам в несколько раз больше, чем зерновых, на 1 дес. запашки высевалось картофеля – от 11,70 до 14,17 четверти. Понятно, что последнего с 1 дес. запашки и собирали больше по сравнению с зерновыми – от 41,20 до 55,04 четвертей чистых сборов (валовый сбор минус посев) против 4,18–4,37 четвертей озимых и 5,04–5,27 четвертей ячменя. Заметим, что по сравнению с другими культурами урожайность овса имела заметную амплитуду, что объясняло очень существенные колебания его чистых сборов – от 6,70 четвертей с 1 дес. в 1900–1911 гг. до 3,09 четверти в 1910–1915 гг. Эти колебания будут еще более зримыми, если учитывать чистые сборы овса не в четвертях, а в пудах – в указанные годы вес его четверти понизился с 5,9 до 5,7 пудов. В продолжении отметим, что из зерновых хлебов наиболее полное зерно получали в озимом поле. В 1893–1915 гг. вес четверти озимой ржи в Онежском уезде определялся в 7,9–8,3 пуда, тогда как ячменя – в 6,9–7,0 пуда [34]. Иными словами, в весовом выражении сборы озимой ржи и ячменя с единицы запашки были почти идентичными.

Общие объемы посевов зерновых и картофеля и их урожайность с конца XVIII по начало XX в. в Онежском уезде варьировались и имели за некоторые периоды неодинаковые тенденции. Они определяли общие чистые сборы хлебов, тогда как на показатели душевых посевов и чистых сборов влияла еще и демографическая ситуация. В 1785–1915 гг. население в Онежском уезде умножилось в 2 с лишним раза (см. источники к табл. 2).

Темпы прироста населения по отдельным периодам в существенной мере сказывались на динамике среднедушевых посевов зерновых и картофеля, которая отображена в таблице 2. Ее материалы показыва-

ют, что в Онежском уезде душевые посева в среднем по десятилетним периодам первой трети XIX в. отчетливо уменьшались – с 0,07 до 0,05 четверти. Затем они до конца столетия стабилизировались на уровне 0,04 четверти (за исключением периода 1851–1860 гг.). В среднем за 1901–1915 гг. они вновь сократились еще на четверть – до 0,03 четверти ржи на человека. В целом, с рубежа XVIII–XIX вв. по начало XX в. среднедушевые посева озимых уменьшились очень существенно – в 2,3 раза (см. табл. 2).

В меньшей пропорции по сравнению с озимыми, но также стабильно в Онежском уезде происходило убывание душевых посевов яровых. В 1785–1799 и 1801–1830 годах их высевалось в среднем по 0,25 четверти на человека в год, в 1901–1915 гг. – 0,21 четверти, т.е. они сократились на 16%. Эволюция среднедушевых посевов всех зерновых по Онежскому уезду в конце XVIII – начале XX в. практически повторяла изменения душевых посевов яровых, в силу их преобладания в посевном клине (см. табл. 2).

Изменения урожаев хлебов в Онежском уезде в конце XVIII–XIX вв. во многом повторяли эволюцию их душевых посевов, т.е. урожаи хлебов постепенно понижались. Если в среднем по десятилетним периодам в конце XVIII – первой трети XIX в. на одно посеянное зерно население уезда получало в озимом клине 5,0–6,0 зерна и в яровом клине – 3,9–4,3 зерна, то в последней трети XIX в., соответственно – от 3,1 до 4,4 и от 2,9 до 3,4 зерна. Еще более явно указанная тенденция отображается при учете показателей по укрупненным периодам (см. табл. 2). Довольно затяжной период весьма низкой урожайности яровых (от «сам 2,8» до «сам 3,0») наблюдался в Онежском уезде с 1851–1860 по 1881–1890 годы. Некоторое увеличение урожайности хлебов наметилось с начала 90-х годов XIX в. Однако даже в 1900–1915 гг. общие урожаи зерновых в уезде возвысились лишь до «сам 3,7», против «сам 4,5» в 1801–1830 годах (см. табл. 2).

Совпадение тенденций по уменьшению душевых посевов и урожайности хлебов в конце XVIII – XIX веке усиливало в Онежском уезде темпы сокращения душевых чистых сборов хлебов. Данные таблицы 3 свидетельствуют, что в среднем за 1785–1799 и 1801–1830 годы чистые сборы зерновых в уезде составляли 1,10–1,06 четверти на человека или 36,7–35,4% их минимальной потребности, тогда как за 1871–1900 гг. – всего 0,56 четверти или 18,8% необходимого минимума, за 1901–1915 годы они подросли до 0,66 четверти или до 21,9% от необходимого (см. табл. 3).

По сути, катастрофично в Онежском уезде уменьшались чистые душевые сборы озимой ржи, которые в 1785–1799 годах составляли 0,36 четверти (почти 24% потребности в озимых), по десятилетиям в 1841–1890 гг. – только 0,08–0,10 четверти (меньше 7% от нормы). Незначительное возвышение обмолотов озимых в уезде на рубеже XIX–XX вв. не меняло ситуацию. В итоге, обеспеченность населения Онежского уезда своим озимым зерном с 1785–1799 по 1911–1915 годы сократилась в 3 раза (см. табл. 3).

Посевы и урожайность зерновых в Онежском уезде в 1785–1915 годах

Годы	Чистый сбор, четвертей на душу				Обеспеченность, %			
	озимые	яровые	всего зерновые	ячмень	озимые	яровые	всего зерновые	ячмень
В уезде (включая г. Онегу)								
1785–1799	0,36	0,74	1,10	0,74	23,9	49,5	36,7	98,9
1801–1810	0,29	0,79	1,08	0,79	19,1	52,7	35,9	105,2
1811–1820	0,27	0,80	1,06	0,80	17,8	53,2	35,5	106,2
1821–1830	0,22	0,82	1,04	0,82	15,0	54,9	34,9	109,6
1801–1830	0,26	0,80	1,06	0,80	17,2	53,6	35,4	107,0
1831–1840	0,14	0,67	0,81	0,67	9,2	44,6	26,9	89,0
1841–1850	0,10	0,69	0,79	0,69	6,8	46,2	26,5	92,1
1851–1860	0,09	0,49	0,58	0,49	5,8	32,9	19,4	65,4
1861–1870	0,09	0,42	0,50	0,41	5,9	27,7	16,8	54,9
1831–1870	0,10	0,55	0,66	0,55	6,9	36,7	21,9	73,4
1871–1880	0,08	0,44	0,52	0,44	5,2	29,7	17,4	58,6
1881–1890	0,08	0,42	0,50	0,41	5,1	28,2	16,7	54,7
1891–1900	0,12	0,53	0,65	0,52	8,1	35,3	21,7	68,8
1871–1900	0,09	0,47	0,56	0,46	6,3	31,3	18,8	60,9
1901–1910	0,12	0,57	0,69	0,55	8,3	37,7	23,0	73,3
1911–1915	0,10	0,49	0,60	0,48	7,0	32,9	19,9	63,4
1901–1915	0,12	0,54	0,66	0,53	7,8	35,9	21,9	70,2
В г. Онеге								
1832–1840	0,17	0,32	0,49	0,32	11,1	21,4	16,2	43,3
1841–1850	0,15	0,43	0,58	0,42	9,8	28,9	19,3	56,3
1851–1860	0,12	0,36	0,48	0,35	7,9	24,2	16,0	46,4
1861–1868	0,06	0,22	0,28	0,20	4,1	14,9	9,5	27,3
1832–1868	0,12	0,33	0,45	0,31	7,9	21,9	14,9	41,3
1871–1880	0,11	0,46	0,57	0,44	7,4	30,8	19,1	58,8
1881–1890	0,06	0,36	0,42	0,32	3,9	24,0	13,9	42,8
1891–1900	0,06	0,49	0,55	0,44	4,1	32,8	18,4	58,1
1871–1900	0,08	0,44	0,51	0,40	5,1	29,1	17,1	53,2
1901–1904	0,05	0,29	0,34	0,26	3,5	19,2	11,3	35,0

Примечания:

1. Нет данных: в целом по уезду – за 1787–1791, 1797, 1802, 1845, 1846, 1845, 1846, 1849 и 1869 годы; по г. Онеге – за 1833, 1835, 1836, 1839, 1842, 1843, 1845 и 1846 годы.

2. Суммарные и выведенные автором показатели при одинаковых исходных данных могут не совпадать в связи с сокращениями цифр до десятых и сотых долей.

Составлено по: см. источники к табл. 2.

Чистые душевые сборы яровых в Онежском уезде были заметно больше по сравнению с озимыми. В первой трети XIX в. население уезда, например, более, чем наполовину (на 52,7–54,9%) обеспечивалось яровыми со своей запашки. Затем в среднем по десятилетним периодам за 1861–1890 гг. они сократились до 0,42–0,44 четверти, что давало лишь 27,7–29,7% потребности в яровых хлебах. Даже после некоторого увеличения урожая в начале XX в. свой посевной клин стал обеспечивать потребности населения Онежского уезда в яровом зерне только примерно на треть (см. табл. 3).

Оценивая суммарное производство озимых и яровых в Онежском уезде, укажем, что в среднем по десятилетиям с 1785–1799 по 1821–1830 годы население обеспечивалось своими зерновыми примерно на треть, а через пару десятилетий и вплоть до 1901–1915 гг. – на 20 и менее процентов.

Из всех земледельческих культур жители Онежского уезда со своей запашки довольно хорошо обеспечивались только ячменем, особенно в первой трети XIX в., когда его чистые душевые сборы составляли 0,79–0,82 четверти, что было даже выше формальной

минимальной нормы. Затем, в 30–40-х годах XIX в., в уезде стали недобирать своего ячменного зерна примерно 10% от минимума. В последующем дефицит в уезде стал еще более ощутимым, но все же не таким большим, как озимой ржи и овса. Даже в неудачные для земледелия 1861–1880-е гг. своего ячменя в Онежском уезде собирали не менее половины от минимальной нормы и в среднем за 1901–1915 гг. – более двух третей минимальных потребностей (см. табл. 3). Подчеркнем, что «излишек ячменя» в первой трети XIX в. является относительным понятием – ячмень в этом случае покрывал часть дефицита других зерновых хлебов.

Уровень земледелия не был одинаковым в разных частях Онежского уезда. Материалы таблицы 4 наглядно иллюстрируют, что в 1866–1868 гг. наиболее высокие душевые посевы (озимых – 0,16 четверти и яровых – 0,21 четверти) по уезду наблюдались в Наволоцкой волости. Она являлась единственной из всех волостей Онежского уезда, в которой, скорее всего, практиковалась близкая к «правильному трехполью» система земледелия. При относительно хорошей урожайности в указанные годы на одного жителя.

Основные показатели уровня земледелия по волостям Онежского уезда в 1866–1868 годах

Волости	Озимые	Яровые	Всего зерновые	Картофель	Озимые	Яровые	Всего зерновые	Картофель
Посевы, четвертей на душу				Урожайность, «сам»				
Наволоцкая	0,16	0,21	0,37	0,029	4,6	3,8	4,2	3,2
Посадная	0,02	0,29	0,31	0,033	4,0	3,8	3,8	4,5
Мординская	0,04	0,26	0,30	0,038	4,6	3,8	3,9	3,2
Кокоринская	0,03	0,27	0,30	0,034	3,9	3,8	3,8	3,5
Савинская	0,06	0,20	0,26	0,022	4,3	4,3	4,3	4,5
Пурнемская	0,03	0,19	0,21	0,031	4,3	4,3	4,3	3,9
Кириловская	0,06	0,18	0,24	0,030	4,4	3,4	3,7	4,3
Кяндская	0,05	0,21	0,26	0,020	3,6	3,4	3,4	3,1
Ворзогорская	0,02	0,23	0,25	0,054	2,7	2,8	2,8	2,5
Вачевская	0,00	0,19	0,19	0,040	3,3	3,1	3,1	4,0
Золотицкая	0,00	0,10	0,11	0,005	4,0	3,4	3,4	4,3
Катанинская	0,00	0,11	0,11	0,018	3,5	2,5	2,5	3,6
В среднем по волостям	0,04	0,23	0,27	0,033	4,3	3,7	3,8	3,7
По г. Онега	0,02	0,08	0,10	0,021	5,0	5,0	5,0	3,8
В целом по уезду	0,04	0,22	0,26	0,032	4,3	3,7	3,8	3,7
Чистый сбор, четвертей на душу				Обеспеченность, %				
Наволоцкая	0,57	0,59	1,16	0,064	37,9	39,3	38,6	–
Посадная	0,06	0,83	0,89	0,114	3,7	55,6	29,7	–
Мординская	0,15	0,72	0,87	0,038	9,7	48,1	28,9	–
Кокоринская	0,09	0,77	0,85	0,084	5,7	51,1	28,4	–
Савинская	0,19	0,63	0,82	0,078	12,9	42,2	27,6	–
Пурнемская	0,09	0,61	0,71	0,090	6,2	40,9	23,5	–
Кириловская	0,19	0,44	0,63	0,102	12,6	29,6	21,1	–
Кяндская	0,12	0,51	0,63	0,040	8,1	33,8	20,9	–
Ворзогорская	0,04	0,41	0,45	0,082	2,4	27,4	15,0	–
Вачевская	0,01	0,39	0,40	0,120	0,5	26,1	13,3	–
Золотицкая	0,01	0,25	0,26	0,016	0,5	16,7	8,6	–
Катанинская	0,01	0,16	0,17	0,046	0,6	10,9	5,8	–
В среднем по волостям	0,12	0,62	0,74	0,087	8,1	41,5	24,8	–
По г. Онега	0,09	0,30	0,39	0,058	6,9	20,3	13,1	–
В целом по уезду	0,12	0,60	0,72	0,085	8,0	40,1	24,0	–

Примечания: 1. Тире (–) означает, что показатель не определялся.

2. Суммарные и выведенные автором показатели при одинаковых исходных данных могут не совпадать в связи с сокращениями цифр до десятых и сотых долей.

Составлено по: ГААО. Ф. 53. Оп. 1. Т. 2. Д. 402д, 577в, 690.

Наволоцкой волости приходилось чистых сборов озимых 0,57 четверти и яровых – 0,59 четверти, т.е. волость почти на 40% самообеспечивалась зерновыми. В Посадной, Мординской, Кокоринской и Савинской волостях своя пашня давала зерновых немногим меньше 30% от нормы. При этом в первых трех из перечисленных яровых в расчете на одного человека собиралось даже больше, чем в Наволоцкой волости – от 0,72 до 0,83 четвертей или около половины нормы. С другой стороны, в 1866–1868 гг. жителям Золотицкой и Катанинской волостей свое земледелие давало менее 10% необходимого хлеба, а озимых – и вовсе 0,5–0,6%. Душевые посевы в этих волостях практически сравнивались с посевами на пашне уездного города Онеги. Однако городское население за счет более высокой урожайности в среднем за 1866–1868 гг. получало со своих угодий по 0,39 четверти зерновых на человека или 13,1% нормы (см. табл. 4).

Данные таблицы 3 и 4 показывают, что земледелием занимались не только сельские, но и городские жители Онежского уезда. Естественно, душевые посевы хлебов у последних уступали их размерам в целом по уезду. В среднем по периодам за 1832–1904 гг. на одного жителя г. Онеги высевалось от 0,09 до 0,17

четверти зерновых. Напротив, урожайность хлебов на полях горожан почти всегда превосходила средние показатели как в среднем по уезду, так и по отдельным волостям. Связано это было с тем, что на единицу запашки в г. Онеге приходилось значительно больше скота, а значит и больше удобрений. С другой стороны, меньшие душевые посевы позволяли обеспечивать более тщательный уход за пашней (см. табл. 3, 4).

Понятно, что чистые душевые сборы зерновых у горожан (0,28–0,58 четверти), как правило, были ниже, чем в целом по уезду. Правда, и в этом случае наблюдались исключения, которые объяснялись, как упоминалось, более высокой урожайностью хлебов на городской запашке. Так, при равенстве душевых посевов ржи у горожан и сельчан Онежского уезда в 30–50-х годах XIX в., первые обеспечивались своим озимым зерном на 7,9–11,1%, а крестьяне – не более, чем на 5,8–9,2%. В среднем за 1871–1880 гг. душевые сборы и озимых, и яровых хлебов по г. Онеге были значительней, чем в среднем по уезду, и за 1866–1868 гг. превосходили показатели по Золотицкой и Катанинской волостям (см. табл. 3, 4). Иными словами, в конце XVIII – начале XX века жители г. Онега, как и

других уездных городов Архангельской губернии, были еще тесно связаны с земледелием [13; 16; 17; 23].

В конце XVIII – первой трети XIX в. основные показатели уровня земледелия в Онежском уезде были вполне сопоставимы с показателями в среднем по Архангельской губернии. В дальнейшем душевые посевы и чистые сборы зерновых в целом по губернии оставались, по существу, неизменными и стали превосходить аналогичные показатели по Онежскому уезду. Правда, это соотношение было характерно для производства озимых и зерновых в целом. Обеспеченность же населения своими яровыми хлебами в Онежском уезде и в среднем по Архангельской губернии практически не отличалась. Кроме этого, урожайность зерновых в уезде в некоторые периоды XIX в. была выше среднегубернской урожайности [20; 22]. По показателю урожайности хлебов Онежский уезд далеко не всегда «отставал» и от других губерний Европейского Севера, Северо-Запада и Северного Приуралья России. Однако последних душевые посевы и чистые сборы зерновых в конце XVIII – начале XX в. были на десятки, иногда на сотни процентов больше [4; 7; 9; 14; 19].

Земледелие в Онежском уезде не сводилось к производству только зерновых хлебов. Как и в других северных уездах, изначально здесь заметным явлением было выращивание репы и редьки. На Севере долгое время их посадки практиковались в паровом поле. Первые цифровые данные о сборах картофеля в Онежском уезде выявлены только за 90-е годы XVIII в. и в течение длительного периода эти сборы явно уступали сборам репы и редьки. С другой стороны, посадки репы устойчиво уменьшались, картофеля – увеличивались. Так, в среднем за 1792–1799 гг. валовые сборы картофеля в расчете на 100 жителей Онежского уезда составляли лишь 0,01 четверти, репы – 25,35 четвертей и редьки – 1,88 четверти; за 1821–1830 годы картофеля – 4,35 четверти, репы – 20,93 и редьки – 2,54 четверти (см. источники к табл. 3).

Перелом в развитии картофелеводства в России произошел после введения по указу от 16 февраля 1842 г. обязательных посадок картофеля на запашке у всех государственных крестьян страны – в Онежском уезде они составляли около 93% населения [29]. В результате картофель даже на Европейском Севере стал неотъемлемой частью посевов полевой запашки.

Материалы таблицы 5 показывают, что в течение второй половины XIX – начала XX в. душевые посад-

ки картофеля в Онежском уезде имели тенденцию к расширению. Они увеличились с 0,052 четверти в 1851–1860 гг. до 0,111 четверти в 1901–1910 гг. Некоторое сокращение этих посевов до 0,086 четверти произошло в 1911–1915 годах. Поначалу урожайность культуры в уезде снизилась с «сам 3,5» за 1851–1860 гг. до «сам 3,1» за 1861–1870 и 1871–1880 годы. Но в начале XX в. она вновь увеличилась и достигла показателей «сам 4,7–4,9». Естественным результатом описанной ситуации в Онежском уезде явилось возрастание душевых чистых сборов картофеля с 0,129 четверти в 1851–1860 гг. до 0,431 четверти в 1901–1910 годах (см. табл. 5).

Уже в 1851–1860 гг. душевые посадки и чистые сборы картофеля в Онежском уезде стали превосходить подобные показатели по озимым (см. табл. 4, 5). Затем, на рубеже 60–70-х годов XIX столетия, сборы картофеля в Онежском уезде уравнились с урожаями репы и в разы возвысились над сборами редьки. Так, в среднем за 1873–1875 гг. валовые сборы картофеля на 100 жителей уезда определялись в 17,41 четверти, тогда как репы – в 15,25 четверти и редьки – в 2,05 четверти (см. источники к табл. 3).

Между волостями Онежского уезда производство картофеля, как и зерновых, иногда разительно отличалось. Например, в 1866–1868 гг. в Золотицкой волости уезда высаживалось всего 0,005 четверти картофеля на одного человека и собиралось чистых сборов около 0,016 четверти, в Ворзоговской волости эти показатели составляли 0,054 и 0,082 четверти и в Вачевской волости, соответственно – 0,040 и 0,120 четверти (см. табл. 4).

Относительно успешно выращивался картофель на угодьях жителей г. Онеги. Правда, душевые посадки и чистые сборы культуры здесь не только уступали среднеуездному уровню, но и стали снижаться после 1870-х гг. С другой стороны, сообразно зерновым, урожайность картофеля у горожан («сам 4,3» – «сам 6,1») всегда была выше, нежели в целом по уезду (см. табл. 5). Отметим, что основные показатели уровня картофелеводства на запашке горожан были более значительными, чем по некоторым волостям уезда. В частности, в 1866–1868 гг. посевы и чистые сборы картофеля в расчете на одного жителя г. Онеги, не говоря уж об урожайности, превосходили аналогичные показатели по Золотицкой, Катанинской и Кяндской волостям Онежского уезда (см. табл. 4).

Таблица 5

Посевы и чистые сборы (четвертей на человека) и урожайность («сам») картофеля в Онежском уезде в 1851–1915 годах

Показатели	1851–1860 гг.	1861–1870 гг.	1871–1880 гг.	1881–1890 гг.	1891–1900 гг.	1901–1910 гг.	1911–1915 гг.
В уезде, включая г. Онегу							
Посев	0,052	0,057	0,088	0,102	0,096	0,111	0,086
Урожайность	3,5	3,1	3,1	3,3	3,9	4,9	4,7
Чисты сбор	0,129	0,117	0,188	0,236	0,274	0,431	0,318
В г. Онеге							
Посев	0,020	0,017	0,028	0,026	0,021	0,019	–
Урожайность	4,9	4,3	4,3	5,4	6,1	5,1	–
Чисты сбор	0,076	0,055	0,096	0,111	0,106	0,075	–

Примечания: 1. Нет данных: в целом по уезду – за 1851–1853 и 1869 годы; по г. Онеге – за 1869 и 1905–1915 годы.

2. Тире (–) означает, что нет сведений.

Составлено по: см. источники к табл. 2.

Таким образом, в 1785–1915 гг. население Онежского уезда получало со своей запашки даже в лучшие годы только около трети необходимого зернового хлеба. При этом результативность земледелия в уезде с конца XVIII по конец XIX в. имела тенденцию к ухудшению. Обеспеченность зерновыми жителями Онежского уезда в этот период уменьшилась более, чем на 40%. С другой стороны, в земледелии уезда проявились и некоторые положительные тенденции. В частности, на рубеже XIX–XX вв. наметилось увеличение урожайности зерновых и обеспеченность населения своими хлебами. Далее, в течение XIX в. расширились посевы овса, и в начале XX в. его чистые сборы уравнились с душевыми сборами озимых. И наконец, в посевном клине Онежского уезда укоренилась новая земледельческая культура – картофель. Основные показатели уровня производства картофеля с середины XIX в. стали превышать аналогичные показатели по озимой ржи, а его посадки начали вытеснять посадки репы. Однако в целом описанное выше свидетельствует, что при всей разнице по периодам в среднем по Онежскому уезду и по его волостям уровень земледелия не обеспечивал население даже половиной минимальной потребности в продуктовых хлебах. Поэтому огромное значение продолжали играть неземледельческие занятия и отходничество.

Литература

- Индова, Е.И. Урожай в Центральной России за 150 лет (вторая половина XVII – XVIII вв.) / Е.И. Индова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965. – Москва, 1970. – С. 141–154.
- История Коми с древнейших времен до современности. – Сыктывкар, 2011. – Т. 1. – С. 303–314.
- История Коми с древнейших времен до современности. Сыктывкар, 2011. – Т. 2. – С. 68–83.
- История крестьянства Северо-Запада России. Период феодализма. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 196–207, 243–254.
- История северного крестьянства. – Архангельск, 1984. – Т. 1.
- История северного крестьянства. – Архангельск, 1986. – Т. 2.
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. – Москва, 1989. – С. 278–282, 416–422.
- Камкин, А.В. «Недородные годы» в нижнем Подвине (комплекс источников 1766–1767 гг.) / А.В. Камкин // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера. – Вологда, 1992. – С. 54–73.
- Ковальченко, И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. / И.Д. Ковальченко // История СССР. – 1959. – № 1. – С. 53–86.
- Колесников, П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в. / П.А. Колесников. – Вологда, 1976.
- Котов, П.П. Вопросы изучения уровня земледелия в России конца XVIII – начала XX веков на примере Европейского Севера / П.П. Котов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2013. – № 13 (108). – Вып. 19. – С. 111–118.
- Котов, П.П. Материалы об общественной запашке удельных крестьян Европейского Севера России как исторический источник / П.П. Котов // Петербургские чтения – 97. Петербург и Россия. – Санкт-Петербург, 1997. – С. 453–457.
- Котов, П.П. Проблемы изучения уровня земледелия на примере Шенкурского уезда Архангельской губернии / П.П. Котов // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. – 2012. – № 1 (9). – С. 83–88.
- Котов, П.П. Результативность земледелия в удельной деревне Новгородской и Псковской губерний в первой половине XIX века / П.П. Котов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Вып. 12. Сер. Гуманитарные науки. – 2011. – С. 19–27.
- Котов, П.П. Роль законодательных актов Российской империи в изучении результативности земледелия в XVIII–XIX веков / П.П. Котов // История государства и права. – 2010. – № 22. – С. 12–14.
- Котов, П.П. Уровень земледелия в Кемском уезде в 1791–1915 годах / П.П. Котов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия: Общественные и гуманитарные науки. – 2011. – № 7 (120). – Т. 2. – С. 19–23.
- Котов, П.П. Динамика посевов и урожаев зерновых и картофеля в Пинежском уезде в конце XVIII – начале XX вв. / П.П. Котов // Проблемы археологии и источниковедения отечественной истории. – Вологда, 1999. – С. 86–106.
- Котов, П.П. Общественная запашка удельных крестьян Севера России (1828–1861 гг.) / П.П. Котов // История и культура Архангельского Севера (Досоветский период): межвузовский сборник научных трудов. – Вологда, 1986.
- Котов, П.П. Посевы и урожаи зерновых хлебов в Вологодской губернии в начале – второй трети XIX в. / П.П. Котов // Россия в девятнадцатом веке. Политика, экономика, культура. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 114–121.
- Котов, П.П. Производство зерновых и картофеля в Архангельской губернии в 1801–1890 гг. / П.П. Котов // Слово о людях и земле Поморской. – Архангельск, 1995. – Вып. 2. – С. 177–181.
- Котов, П.П. Хозяйство удельных крестьян Севера середины XIX века / П.П. Котов // Хозяйство северного крестьянства в XVI – начале XX вв. Межвузовский сборник научных трудов. – Сыктывкар, 1987.
- Котов, П.П. Уровень земледелия в Архангельской губернии в последней трети XVIII в. / П.П. Котов // Проблемы истории России XVIII–XX вв. Научные чтения памяти профессора Ю.Д. Марголиса. – Сыктывкар, 1997. – С. 25–45.
- Котов, П.П. Уровень земледелия в Холмогорском уезде Архангельской губернии в конце XVIII начале XIX веков / П.П. Котов // Проблемы региональной истории России. Сборник статей: в 3-х частях. – Липецк, 1997. – Часть I. – С. 119–127.
- Михайловский, В.Г. Урожай ржи в России в 1801–1914 гг. / В.Г. Михайловский // Бюллетень ЦСУ РСФСР. – 1921. – № 50. – С. 1–4.
- Нифонтов, А.С. Статистика урожаев в России в XIX в. (по материалам губернаторских отчетов) / А.С. Нифонтов // Исторические записки. – Т. 81. – 1968. – С. 216–258.
- Нифонтов, А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. / А.С. Нифонтов. – Москва, 1974.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург], 1899. – [Вып. 1]: Архангельская губерния: Тетрадь 1.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитетом М-ва вн. дел; под ред. Н.А. Тройницкого. – [Санкт-Петербург], 1905. – [Вып. 5]: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов.
- Полное собрание законов Российской империи: Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года] : [В 55-ти т. с указ.]. – Санкт-Петербург : Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1843. – Т. 17: 1842 : [В 2-х отд-ниях].

30. Резников, Ф.И. Земледелие в бассейне реки Северной Двины в XVII–XVIII вв. / Ф.И. Резников // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – Москва, 1960. – Сб. 4. – С. 67–104.

31. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1263. – Оп. 1–2. Журнальные статьи «Архангельская губерния».

32. Рубинштейн, Н.А. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. / Н.А. Рубинштейн. – Москва, 1957.

33. Урожай [1883–1892] года. – Санкт-Петербург, [1884–1893].

34. Урожай [1893–1915] года. – Санкт-Петербург, [1894–1915].

P.P. Kotov

GRAIN SOWING AND HARVESTING IN ONEZHISKY UYEZD OF ARKHANGELSK PROVINCE IN 1785–1915

The article analyzes the development of crops production in Onezhsky uyezd in a period of 130 years. It is based on a great number of archival sources. Petr Kotov suggests a unique method of processing digital data in order to receive an unbiased assessment of crops production effectiveness. The author also pays attention to the erroneous and inaccurate conclusions concerning the analysis of the level of crops production that are accepted in historical studies.

Archival sources, the level of crops production, cereal sowing and crops, supply of bread, consumption norms.

А.А. Стоян

Мурманский государственный технический университет

РОЛЬ ЛИЧНОСТНОГО ФАКТОРА В СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ СИНГАПУРА)

В статье проводится рассмотрение личности первого премьер-министра Республики Сингапур Ли Куан Ю (1923–2015) как выдающегося политического деятеля и главного творца «экономического чуда» страны. Исследование ведется с учетом важности личностного фактора политического лидера, готового проводить необходимые реформы. Именно сложность и противоречивость эпохи в период личностного становления, помноженная на блестящее образование и прекрасные управленческие и аналитические умения Ли Куан Ю, его непримиримость в достижении своей цели – все эти факторы явились залогом успеха и процветания бывшей колониальной территории без каких-либо природных ресурсов, ставшей всего за полвека развитой высокотехнологичной страной.

История современности, политика, личность, Сингапур, Ли Куан Ю, инновационная модель, «экономическое чудо».

Политический ландшафт после окончания Второй Мировой войны начал претерпевать значительные изменения. Поняв свою неэффективность, многие крупные территориальные империи пришли к выводу о необходимости выделения бывших колоний в отдельные государства с сохранением экономического и социально-политического влияния. Конечно, судьбу большинства новообразованных стран сложно назвать завидной: не обладая возможностью и знаниями консолидировать все имеющиеся ресурсы и максимально мобилизоваться для совершения рывка в развитии, местные элиты таких государств пошли по пути борьбы за власть и установления сменяющихся с огромной быстротой режимов. Это никак не решало вопрос улучшения жизни основной части граждан этих государств, а череда переворотов и политическая анархия негативно сказывались на темпах экономического роста, ввергая в пучину безвременного кризиса даже те страны, которые могли бы похвастаться значительными ресурсами.

Лишь небольшая прослойка новообразованных стран смогла мобилизоваться, используя имеющиеся ресурсы, помноженные на сильную политическую волю и эффективную властную структуру, для достижения первоочередных целей – становления и укрепления нового государства. Тем не менее пример появления Сингапура, создания и укрепления его государственности является особым исключением, своего рода парадоксом. Полностью лишенная каких-либо ресурсов, состоявшая лишь из нескольких рыболовецких деревушек новообразованная страна, по сути, меньше чем за полвека превратилась в технологически развитую страну с высокими темпами экономического роста, по праву входящую в клуб развитых стран.

Вся эта трансформация произошла за очень короткий по историческим меркам период, чуть больше пятидесяти лет, это сопоставимо с длительностью

человеческой жизни и, как ни странно, связана с именем одного человека – первого премьер-министра Республики Сингапур Ли Куан Ю (1923–2015).

Будущий творец «сингапурского чуда» родился в состоятельной семье выходцев из Китая. Обладая сильной тягой к образованию, Ли Куан Ю сначала отучился в сингапурском «Раффлз-колледже», а затем уехал в Великобританию, блестяще закончив Лондонскую школу экономики и Кембриджский университет. В 1949 году он вернулся на Родину, где вел адвокатскую деятельность. В 1954-м году стал у истоков основания «Партии народного действия», чья идеология была сосредоточена вокруг умеренных социал-демократических взглядов. Первый успех партии под председательством Ли Куан Ю пришелся на 1957 год на муниципальных выборах. Далее – триумф на всеобщих выборах Сингапура в 1959 году (уже тогда носившего статус «самоуправляющегося государства») с получением подавляющего большинства мандатов в парламенте страны. В этом же году Ли Куан Ю в возрасте 35 лет стал премьер-министром страны, которая через 4 года получила фактическую независимость [3, с. 239].

Свой пост Ли Куан Ю занимал до 1990 года, после чего в течение почти 15 лет исполнял роль старшего министра и советника в правительстве своего преемника – Го Чок Тонга. Вплоть до своих последних дней Ли Куан Ю играл важную роль в политической жизни страны, став ее символом и живой легендой.

Этот момент отображает определенные противоречия в личности первого премьер-министра Сингапура. С одной стороны – блестящий политик, патриот своей страны, обладавший прекрасными навыками видения перспективы на долгие годы вперед, считавший, что без развитой социальной сферы и образования речи о модернизации даже быть не может. С другой – авторитарный лидер, подавивший официальную

оппозицию, подмявший под себя профсоюзы и проводивший некоторые спорные решения без оглядки на мнение людей. Подобная противоречивость – прогрессивность взглядов и желание принести пользу своей стране, но проводя жесткую политику через авторитарные методы воздействия, – как нельзя лучше отображает сложность личности Ли Куан Ю. Этому есть определенные причины.

Личностное становление Ли Куан Ю приходилось на эпоху резкого противостояния двух идеологических систем – капитализма с его признанием «священности» права частной собственности и социализма, отрицавшего какую-либо необходимость консолидации объектов собственности в частных руках. Период образования и карьерного роста автора «сингапурского чуда» приходится в период второй половины 40-х – 50-х годов XX века, ознаменовавшийся началом Холодной войны и резкой эскалацией двух противоборствующих общественно-политических систем. Несмотря на полученное образование и опыт жизни в Великобритании, Ли Куан Ю отказался следовать какой-либо конкретной парадигме, приняв одну из сторон. Словно предугадывая будущие реформы Ден Сяопина, Куан Ю взял положительные черты как из капиталистической, так и социалистической систем.

Ставка была сделана на капиталистический способ производства, но с вмешательством государства. Этот фактор резко понизил риски появления элементов «дикого капитализма». Основу должны были составлять высокие технологии – на первом этапе заимствованные у более развитых стран, но постепенно с развитием своего комплекса НИОКР, при этом особое внимание уделялось образованию и развитию науки – как на прикладном, так и на фундаментальном уровне. Вместе с либерализацией условий для внешних инвесторов государство активно развивало социальный сектор, не пытаясь ограничивать его финансирование под предлогом принципов либеральной экономики. Фактически Ли Куан Ю является создателем первой комбинированной системы, когда на уровне производственных сил берутся постулаты капитализма, но упор также делается и на социальную сферу и усиление роли государства, как при социалистической модели [4, с. 175].

Сингапурское «экономическое чудо» претерпело четыре этапа трансформации. Так, профессор МИТ По Кам Вонг выделяет следующие этапы развития страны:

1. Фаза толчка (1965–1975) – развитие собственной промышленности с активным импортом иностранных технологий.

2. Фаза усиления (1975–1989) – быстрый промышленный рост, сопровождающийся развитием собственной технологической базы.

3. Фаза экспансии (1990–1998) – усиление научно-технической базы, импорт собственных технологий.

4. Фаза перехода (с 1999 по настоящее время) – ставка на высокотехнологичное производство, активное внедрение инноваций, развитие индустрий, связанных с прорывными научными исследованиями [1, с. 33].

Реализовать подобное за полвека удалось с помощью ряда шагов, на которые способны пойти далеко не все руководители, и в данном случае личностный фактор играет важнейшую роль.

Очень противоречивая тема коррупции в высших эшелонах власти, о которой не любят распространяться современные политики, для Ли Куан Ю имела единственное решение – непримиримая борьба. Первый премьер-министр Сингапура определил коррупцию как главного врага на пути к успешному развитию страны. Получив широкие полномочия, Куан Ю подчеркнул необходимость введения системного характера борьбы с коррупционерами. В соответствии с новым законом, строго каравшим взяточников в органах власти, было создано Бюро по расследованию коррупции. Именно Ли Куан Ю приписывают фразу: «Если не знаешь, с чего начать борьбу с коррупцией, посади трех своих друзей: и ты знаешь за что, и они знают за что». Любая крупная покупка лица, находящегося на госслужбе и превышавшая его доходы, становилась объектом тщательного расследования, под которое попадали даже самые высокопоставленные чины. Так, очень резонансным оказалось дело министра социального развития Те Чин Вана, который в 1986 году был обвинен в коррупции, изначально все отрицал, а после доказательства вины, во всем сознался и, ужасаясь своего положения, покончил жизнь самоубийством [2, с. 131].

Системный характер борьбы с коррупцией постепенно сдвигался с репрессивного вектора (наказание за последствия), затем начал активно меняться на предотвращение подобного. Развитие получили социальные программы, которые делали многие процессы понятными и прозрачными. Человек мог управлять своим доходом в зависимости от трудового участия, наличия достижений, что потом также отражалось в более высоких баллах при начислении пенсий. В сферах образования и здравоохранения коррупция была побеждена в первую очередь, после чего был проведен ряд реформ, благодаря которым появилась система «социальных лифтов». Любому человеку с тягой к учебе получал поддержку государства, спонсировавшего даже обучение за рубежом. Развитая и высокотехнологичная система медицинской помощи была направлена на все слои населения. Даже жилищную проблему взяло на себя государство, оказывая особую поддержку малоимущим семьям. Даже планирование городского пространства и социальной инфраструктуры было поставлено не на следование интересам предпринимателей, а на усиление комфортных условий для населения. Ли Куан Ю понял, что борьба с любым негативным явлением не должна проводиться только жесткими методами по вынесению наказаний, гораздо важнее бороться с предпосылками и уничтожать их на корню. Кроме того, работа в интересах населения велась с обозначением конкретных сроков, ведь важным фактором было видимое улучшение жизни людей, а не жонглирование абстрактными лозунгами и обещаниями построения «рая» для будущих поколений.

Другим важным элементом была трезвая оценка текущего состояния страны и понимание важности технологических инноваций. Ли Куан Ю произвел

реалистичную оценку возможностей страны, не обладавшей каким-либо полезными ископаемыми, сделав ставку на развитие технологий и производство высокотехнологической продукции. Понимая, что у Сингапура нет возможностей для резкого развития технологической базы, Ли Куан Ю предложил создать наиболее выгодные условия для привлечения внешних инвесторов, а получаемые средства – направлять на активный импорт иностранных технологий, которые должны были быть проанализированы и адаптированы под местную научно-техническую базу. Важно отметить: это должно было быть не бездумное копирование для сугубо коммерческого использования, а создание основы для проведения исследований и дальнейшего совершенствования технологий, доведение их до степени конкурентоспособности сначала на региональном, а затем и на мировом уровне. Куан Ю поставил четкую задачу по использованию модели импорта технологий как первичного этапа развития с дальнейшей целью по превращению в страну, ведущую экспорт технологических знаний.

Нельзя сказать, что идеи Ли Куан Ю изначально были одобрены: напротив, создание льготных условий для потенциальных инвесторов с привлечением их технологической базы в первую очередь было нацелено на транснациональные корпорации. Это произвело эффект «разорвавшейся бомбы»: первый премьер-министр Сингапура стал объектом жесткой критики со стороны оппонентов, пытавшихся доказать нежизнеспособность идеи, ведущей, по их мнению, к переходу только что получившей независимость страны под власть международного капитала, по сути, поощряя неокOLONIALИЗМ. Тем не менее здесь проявились сильные черты характера Куан Ю – упрямство и умение отстаивать свое мнение, невзирая на противоположное мнение большинства.

Изначально немногие корпорации решились на сотрудничество с бывшей колонией, однако огромные льготы по налогообложению, частичное предоставление производственных мощностей и дешевизна рабочей силы со временем создали прекрасные условия для притяжения международных инвесторов. Важным было и четкое видение со стороны Куан Ю по вопросам возможностей и перспектив развития сотрудничества, что со временем начало приносить положительные результаты [5, с. 146].

Когда начали поступать первые прибыли от взаимодействия с транснациональными корпорациями, государственные деньги не были направлены на проведение чемпионатов мира, спортивных состязаний и прочих «имиджевых» мероприятий. Вместо этого были созданы Национальный Совет по научно-техническому прогрессу и Совет по исследованиям, инновациям и предприятиям (последний по традиции курируется самим премьер-министром). Заимствовав организационно-плановую структуру социализма, эти Советы действовали в соответствии с утвержденными пятилетними планами по национальной технологизации. Постепенно расходы на НИОКР возросли до 3,7% ВВП страны. Понимая важность инноваций и взаимодействия всех общественных структур, была образована спираль национальных исследовательских систем, в основу которых входит государство, негосудар-

ственный сектор (частный бизнес), а также университеты, ставшие при должном финансировании научными центрами инновационного развития.

В то же время Ли Куан Ю умел действовать жестко, предпочитая точечные воздействия запретительному законодательству. Когда страну во второй половине 60-х годов охватили забастовки, Куан Ю достаточно жестко обошелся с бастующими, отдав приказ о лишении их рабочих мест. Была также аннулирована Федерация профсоюзов, а наиболее активные руководители профсоюзного движения, призывавшие к решению вопросов на улицах с помощью локальных акций неповиновения, были подвергнуты преследованиям.

Вскоре жесткая риторика была смягчена путем принятия законов «О профсоюзах» и «О гарантиях занятости населения», после гарантированной государством схемы возможности увеличения заработка путем повышения производительности труда, профсоюзное движение начало спадать, общество оказалось готово к подобному консенсусу, как итог – к началу 1970-х годов забастовок уже почти не было.

Конечно, методы Ли Куан Ю являлись по большей части авторитарными, ведь кроме профсоюзов, была сведена к минимуму деятельность оппозиционных движений, однако сам премьер-министр трактовал свою политику как «третий путь». Свою приверженность реализации смешанной модели заимствования капиталистической и социалистической систем Куан Ю объяснял следованием догматам китайской философии: либерализм с его свободным рынком знаменует мужское начало, тогда как социалистические элементы планирования и визуализации четкой перспективы – женское.

О роли личности в истории ведутся многочисленные споры: одни полагают, что роль человека переоценена – зачастую это череда случайностей, в которые вовлечены один или несколько людей, другие придерживаются точки зрения о важности личностных качеств, влияющих на глобальные процессы как минимум во властных делах в масштабе целой страны. Пример Сингапура все же дает больше аргументов приверженцам второй точки зрения. Не зря в начале статьи особое внимание было уделено метафоре, где срок становления Сингапура как развитого государства сравнивается с длительностью человеческой жизни. Ли Куан Ю, его личностные качества – готовность рисковать и понимание не только конечной цели, но и четкого планирования каждого этапа развития страны – свидетельствуют о важности фактора персональных свойств лидера, ведущего свою страну вперед.

Случай «экономического чуда» Сингапура в своем роде даже уникален: превращение бывшей колонии без природных ресурсов в развитую страну доказывает несостоятельность любых оправданий со стороны тех, кто не смог, находясь у власти, достичь успеха для своей страны. Ли Куан Ю оказался из тех, кто ищет средства, а не пытается оправдаться. Его деятельность была порой противоречива, авторитарные властные методы не всегда учитывали интересы народа, но приверженность своей стране, неприятие коррупции и многих других элементов, тормозящих развитие государства, а также высокий уровень обра-

зованности, дающий четкое представление о конечных целях и методах их достижения, помогли бывшему колониальному владению за относительно короткий срок войти в число мировых лидеров.

Литература

1. Жук, А.А. Реформа системы образования в Сингапуре и ее роль в развитии страны (1965 – начало XXI) / А.А. Жук // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – № 2/1. – С. 32–36.

2. Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «Третьего мира» в «Первый» / Ли Куан Ю. – Москва: МГИМО (У) МИД России, 2005. – 421 с.

3. Романов, Д.Б. Уроки новейшей истории Сингапура / Д.Б. Романов // Проблемы развития территории. – 2015. – № 6 (80). – С. 239–251.

4. Осипова, М.Г. Инновационная модель Республики Сингапур / М.Г. Осипова // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. – 2018. – № 2 (39). – С. 173–182.

5. Федотова, В.Г. Успешные уроки модернизации: как превратить слабость в силу / В.Г. Федотова // Политическая наука. – 2012. – № 2. – С. 135–158.

A.A. Stoyan

PERSONALITY FACTOR IN STATE REINFORCEMENT (ON THE EXAMPLE OF SINGAPORE)

The article is devoted to Lee Kuan Yew, the outstanding politician of Singapore and the primary miracle worker of the country's economic success. The study considers the importance of the political leader's personality, his readiness to carry out necessary reforms. The author describes the factors which were key to success and prosperity of the former colony without natural resources. Complexity and inconsistency of the time when Lee Kuan Yew matured, his excellent education and outstanding management and analytical skills, his personal intransigence in goal achievement are among the main factors. Thanks to them the country became a thriving economy built on high technology within half a century.

Modern history, politics, personality, Singapore, Lee Kuan Yew, innovation pattern, «economic miracle».

УДК 821.161.1

К.В. Бондарь
Тель-Авивский университет

ПСАЛТЫРЬ ФЕОДОРА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Евреи и славяне в средние века» Центра изучения диаспоры им. Гольдштейна-Горена Тель-Авивского университета

В статье обсуждаются вопросы кодикологии, палеографии, текстологии и языка *Псалтыри Феодора* – единственного в своем роде текста еврейско-славянской книжности, переведенного со средневекового еврейского на церковнославянский на территории Великого княжества Литовского. Затрагиваются обстоятельства появления этого текста и его спутника – *Послания Феодора*. Предлагается концепция современного научного издания памятника.

Псалтырь, перевод, «жидовствующие», Феодор, Ефросин, М.Н. Сперанский.

В статье рассматривается памятник, остающийся едва ли не единственным образцом «мирской» заказной литургической поэзии в древнерусской литературе – *Псалтырь Феодора*. По происхождению он является еврейским литургическим текстом, переведенным переводчиком-евреем (точнее, владевшим древнееврейским языком) для христиан в последней трети XV в. на церковнославянский язык. Этот сборник молитв был совершенно неизвестен в христианской среде, а между тем перевод, судя по колофону рукописи, был заказан митрополитом и посвящен великому князю. Предполагается, что Феодор («*Федор новокрещеный*») был жителем Киева, но в словарном составе и грамматике его перевода нет ярко выраженного сходства с еврейскими переводами на староукраинский и старобелорусский языки, сделанными в то время и позже в Великом княжестве Литовском. Согласно исследованиям К. Цукермана, сам факт перевода не был связан с какой бы то ни было ересью, не осознавался и не оценивался как отступление от православия. Он был лишь искусно стилизован под псалмы [10, с. 77–99]. *Псалтырь Феодора* демонстрирует один из путей проникновения еврейских текстов в русскую книжность – по официальным церковным и властным каналам. Тем более убеждает в правильности такой трактовки «Послание Феодора» [6], в котором он советует своим бывшим единоверцам-евреям пойти по его стопам и креститься.

Далее, «Книга глаголемая псалтырь», сохранившаяся в 2 списках XV в., в сборниках Ефросина, книгописца из Кирилло-Белозерского монастыря, представляет собой, вопреки названию, вовсе не *Псалмы Давидовы* из Ветхого Завета (или, в еврейской традиции, *Книгу Теилим*), но молитвы на Новый Год и Судный день средневекового восточноевропейского (ашкеназского) обряда, которые, конечно, в своем составе

содержат цитаты, вкрапления и перифразы из библейской Псалтыри. С самого начала исследования памятника появилась концепция, связывающая его появление с деятельностью еретиков-«жидовствующих». Об этом писали Н.С. Тихонравов и первый издатель текста М.Н. Сперанский. Этим предположениям, как кажется, противоречит тот факт, что Феодор осуществил свой перевод «милостью божией и здоровьем государя своего, великого князя Ивана Васильевича и благословением и приказанием Филиппа митрополита всея Руси» (М.И. Соколов – публикатор «Послания...») – утверждает, впрочем, только частичное совпадение молитв *Псалтыри* и еврейского молитвенника, который был ему доступен в русском переводе конца XIX в. [6].

Говоря о кодикологии памятника, следует отметить, что в рукописи № 6/1083 та тетрадь, в которой находится *Псалтырь Феодора*, претерпела изменения. Ее первые четыре листа заполнены окончанием *Псалтыри Феодора* (л. 273–276 об.), а вторая половина тетради оставалась пустой. Ефросин заполнил их чтениями из Пролога, а позднее вшил дополнительные листы. На основании филиграней (1477–1480 гг.) время создания списка в рукописи № 6/1083 определяется как 70-е гг. XV в.; в руки Ефросина он попал, вероятно, после 1475 г. В том году писец получил еще один список той же Псалтыри, не имевший начала и включенный им позднее в сборник № 9/1086. Этот список был вырван из другого сборника, и, вероятно, Ефросин искал недостающие части текста. Их он нашел в списке, дошедшем до нас в составе рукописи № 6/1083 [4, с. 24–25].

Несколько раз в своих работах обращался к памятнику А.А. Алексеев, пытаясь определить его место в истории еврейско-славянской книжности: ««Песнь Песней», сохранившаяся в Музейном списке, вместе с

“Псалтырью” Феодора Жидовина и глоссами в списках Пятикнижия, образует связующее звено между древними и поздними переводами с еврейских оригиналов» [1, с. 143]; «между двумя группами источников (ранними и поздними переводами. – К. Б.) существует несколько изолированных документов, переведенных с еврейского оригинала, и для них пока не найдено ясной связи с названными группами. Это т.н. “Псалтырь Феодора Жидовина”, которая появилась между 1466 и 1473 гг. в Киеве и представляет собой свободный перевод гимнов из книги Махзор. В отличие от всех других переводов с еврейского она написана на церковнославянском языке, который свидетельствует об участии в работе более опытного книжника» [2, с. 170]. Вопрос, предполагается ли тем самым участие в работе другого книжника, помимо Феодора, остается пока без ответа.

Позиции А.А. Алексеева, в общем, не противоречат мнению М. Таубе: «... (текст. – К. Б.) находится в составе сборников, содержание которых не имеет ничего несовместимого с учением православной церкви, так что не приходится говорить о том, что эти тексты были переведены евреями для своих внутренних нужд... Напротив, переводы еврейских книг предназначались для употребления в христианских кругах. Вместе с этим трудно представить себе существование переводов с еврейского, выполненных на таком высоком уровне, без обращения к помощи евреев. Представление о знакомстве западнорусских христиан с еврейским языком на уровне, позволявшем выполнять переводы столь высокого качества, выглядит не вполне обоснованным допущением» [9, с. 384].

Не следует забывать и о том, что «часть переводов с еврейского XV–XVI вв. выполнена представителями движения жидовствующих в Московской Руси, которые, очевидно, находились в идеологическом и культурном контакте с евреями Литвы» [5, с. 205–206]. Из концепции А.И. Грищенко, подкрепленной многочисленными наблюдениями над библейскими текстами, можно сделать вывод, что появление *Псалтыри Феодора* следует рассматривать в контексте работы киевского гуманистического переводческого кружка второй половины XV в. [3, с. 140–143].

Нуждается в дальнейшей разработке также вопрос о времени, предпосылках и историко-культурных обстоятельствах перевода, который был связан не только с личностью Феодора, но и с упоминаемыми в *Псалтыри* и *Послании* митрополитами Ионой и Филиппом. В свое время В.М. Лурье в частной переписке ставил вопрос о том, почему и как возник культ Ионы Московского, который вместе с митрополитом Алексием (ум. 1378) вытеснил постепенно в составе «святителей московских» Киприана и Фотия. В наших материалах Иона – «патриарх Киевский и всея Руси» – упоминается только в «*Послании Феодора роду юдейску*», как открывший ему свет веры истинной. Можно ли проследить связь между этими фактами: отсылкой к Ионе у «Феодора новокрещенного» и тем особым местом, которое занял в истории русской церкви скончавшийся в 1461 г. митрополит, после которого окончательно произошло разделение митрополичьих кафедр на «Московскую и всея Руси» и «Киевскую, Галицкую и всея Руси»? Ведь Иона, по-

сле получения грамоты константинопольского патриарха Дионисия в 1467 г., стал рассматриваться как предтеча конфликта, связанного с непризнанием законности московской митрополии Константинополем, затянувшегося до 1560 г., до признания Макария «патриаршим экзархом», а по сути разрешенного вместе с учреждением патриаршества в 1589 г.

Перспективы исследования *Псалтыри Феодора* обусловлены тем, что после единственного издания М.Н. Сперанского [8] прошло больше 100 лет, оно давно стало библиографической редкостью и нуждается в переиздании. Воспроизведение текста по изданию М.Н. Сперанского, со сличением по двум имеющимся рукописям (поскольку список № 9/1086 дефектный, в основу издания, как и у Сперанского, должен быть положен список № 6/1083), должно учитывать, что в обоих списках текст находится во вставных тетрадах. Поскольку в течение последних десятилетий (работы С.Н. Кистерева, О.Л. Новиковой, М.А. Шибаева) представления о текстологии и кодологии ефросиновских сборников сильно расширились, это может повлиять на издательские и комментаторские решения. В издании необходимо подведение параллелей из молитвенника на Новый год и Судный день ашкеназского образца (древнерусский и древнееврейский параллельные тексты будут сопровождаться английским переводом). Представляется продуктивным рассмотреть место памятника в творческой биографии М.Н. Сперанского: возможно, сохранились известия о его работе над книгой 1907 г. или о последующих обращениях к тексту. В свете проблемы еврейско-славянских языковых контактов в ВКЛ очень важно представить характеристику языка памятника (см. некоторые лингвистические наблюдения в Приложении). Обычно западнорусская лексика сочетается в текстах со значительным проникновением грамматических черт живой славянской речи, потому что знание церковнославянской грамматики в юго-западной Руси XIV–XVI вв. было слабым [7]; в это время там вырабатывается и вытесняет церковнославянский язык из письменного обращения «проста мова», и перевод с еврейского, который мог быть сделан в Киеве в это время, только подтверждает это наблюдение: в его языке церковнославянский текст сопровождают элементы старобелорусской и староукраинской речи.

Кроме того, издание *Псалтыри Феодора* будет неполным без *Послания Феодора Жидовина*, опубликованного в сборнике «О ереси жидовствующих» 1902 г. и сохранившегося в единственном списке XVI в. (РГБ, Унд., № 1254, л. 59 и след.) [6]. В *Послании Феодора*, который отождествляется со времен П.М. Строева с Феодором – переводчиком *Псалтыри*, содержится княжеская титулатура, которая предвосхищает позднейшую (великий князь Василий Васильевич назван «русским царем»), и рассуждение о «ветхозаветной» троице, явившейся Аврааму. *Послание*, как явствует из самого текста, является ответом на некое письмо о христианской вере, полученное прозелитом Федором. В своих рассуждениях об основах христианской веры он упоминает о выведенных Христом из ада героях *Книги Даниила*, отроках Анании, Азарии и Мисаиле, а в сюжете о явлении трех путни-

ков Аврааму строит свое опровержение иудейского понимания этого сюжета на том, что Создатель не послал бы ради смертного сразу трех ангелов. Напротив, он явил себя сам в своем триединстве. Здесь же описываются важные символические параллели: поднесенный Авраамом путникам хлеб «прообразует» просфору; совершенное им омовение ног – крещение, а приготовленный телец – воскресшего Иисуса.

Очевидно, что для решения поставленных вопросов необходимы дальнейшие исследования *Псалтыри Феодора* в широком историко-литературном контексте.

Литература

1. Алексеев, А.А. Песнь песней в древней славяно-русской письменности / А.А. Алексеев. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. – 238 с.
2. Алексеев, А.А. Русско-еврейские литературные связи Киевской эпохи. Результаты и перспективы исследования // Кенааниты: евреи в средневековом славянском мире / под ред. В. Московича, А. Торпусмана, М. Членова. – Москва; Иерусалим, 2014 («Jews and Slavs», vol. 24). – С. 166–183.
3. Грищенко, А.И. Правленое славяно-русское Пятикнижие XV века: предварительные итоги лингвотекстологического изучения / А.И. Грищенко. – Москва: Древлехрамнище, 2018. – 176 с.

4. Кистерев, С.Н. Из наблюдений над сборниками белоцерского писца Ефросина / С.Н. Кистерев // Кистерев С.Н. Лабиринты Ефросина Белоцерского. – Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2012. – С. 22–39.

5. Кулик, А. Евреи Древней Руси: источники и историческая реконструкция / А. Кулик // История еврейского народа в России: в 3 т. – Москва; Иерусалим, 2010. – Т. 1. От древности до раннего Нового времени. – С. 187–211.

6. Послание Феодора Жидовина // О ереси жидовствующих. Новые материалы, собранные С.А. Белокуровым, С.О. Долговым, И.Е. Евсеевым и М.И. Соколовым. – Москва, 1902. – С. 97–109.

7. Соболевский, А.И. Лекции по истории русского языка / А.И. Соболевский. – Киев, 1888. – 216 с.

8. Сперанский, М.Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора Еврея / М.Н. Сперанский. – Москва, 1907. – 80 с.

9. Таубе, М. Ересь «жидовствующих» и переводы с еврейского в средневековой Руси / М. Таубе // История еврейского народа в России: в 3 т. – Москва; Иерусалим, 2010. – Т. 1. От древности до раннего Нового времени. – С. 365–395.

10. Zuckerman, C. The «Psalter» of Feodor and the Heresy of the «Judaizers» in the Last Quarter of the Fifteenth Century / C. Zuckerman // Harvard Ukrainian Studies. – Vol. 11. – No. 1/2 (June 1987). – Pp. 77–99.

K.V. Bondar

THE PSALTER OF FEODOR: LINGUISTIC, HISTORICAL AND LITERARY ASPECTS

The article discusses the issues of codicology, paleography, textology, and language of *The Psalter of Feodor*. This one of a kind text of the Hebrew-Slavic writings was translated from medieval Hebrew into Church Slavonic in the territory of the Grand Duchy of Lithuania. The article deals with the circumstances of appearance both of this text and its companion, *The Message of Feodor*. The concept of the modern scientific publication of the monument is proposed.

Psalter, translation, Judaizers, Feodor, Efrosin, M.N. Speransky.

Приложение

Таблица 1

Элементы «простой мовы» в Псалтыри Феодора

«Псалом»	Лексема и синтагма	Примечание
1	Б(о)гъ велін <u>мочныи</u> и грозныи	Ср. псалом 30: г(оспод)ь ц(а)рь велін и мочныи и грозныи
3	И <u>што</u> гъ (спод)ство в роукѹ твоєю	Ср. псалом 24: што нам молитися и гл(агол)ати; Колофон: што привелъ о(т) еврѣиска языка на роукыи языкъ
22	Єсть на ни(х) <u>мочнѣишиа</u> силы	Ср. псалом 26: о(т) роукѹ мочнѣиш(аго)
23	<u>Радство и весельство</u>	
25	<u>Оцѣсти</u> (вар. – оцисти) моа сквернаѣ дѣла	Ср. псалом 47: Оцисти с(ε)р(д)ца наша
40	Бес починка и бес конца	
57	<u>Бытовѣство</u> нашо о(т) твоєи добродѣтели	
Заключительная песнь – «Г дв(ы)дова»	Зане ѡ <u>оумрыи</u> а ты вѣчныи а ѡзъз <u>роженъ</u> а ты безначалны	

Таблица 2

Староукраинские черты в Псалтыри Феодора

В тексте	Староукраинская форма	Великорусская форма
Строка 17	изгоры	Згоры
Строка 33	О с(вя)тии троици	О с(вя)тѣи
Строка 42	развие	Развѣ

УДК 821.161.1

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

О В.Г. ПЕРЕЛЬМУТЕРЕ

В.Г. Перельмутер, открывший С.Д. Кржижановского (1887–1950) для читателей, предоставил нашему журналу для публикации очерк «О польской новелле» Кржижановского. Вступительная к публикации статья посвящена Перельмутеру и его трудам.

В. Перельмутер, С. Кржижановский.

Рецензию на книгу Вадима Гершевича Перельмутера о стихах и прозе 2015 года я писала для журнала «Вопросы литературы» [1]. Удивилась не только разносторонности его дарований (поэт, эссеист, архивист, собиратель, издатель, художник-график), но и тому факту, что им подготовлены и изданы более 50 книг. Именно он извлек из забвения и ввел в читательский и научный оборот творческое наследие Сигизмунда Доминиковича Кржижановского (1887–1950):

- Кржижановский, С.Д. Воспоминания о будущем. Избранное из неизданного / С. Кржижановский; сост., вступ. ст., примеч. В. Перельмутера. М.: Московский рабочий, 1989. 463 с.

- Кржижановский, С.Д. Возвращение Мюнхгаузена. Повести. Новеллы. Воспоминания о С.Д. Кржижановском / С. Кржижановский; сост., вступ. ст., примеч. В. Перельмутера. Л.: Художественная литература, 1990. 576 с.

- Кржижановский, С.Д. Сказки для вундеркиндов / С. Кржижановский; сост., вступ. ст., примеч. В. Перельмутера. М.: Советский писатель, 1991. 698 с.

- Кржижановский, С.Д. Страны, которых нет. Статьи о литературе и театре. Записные тетради / С. Кржижановский; сост., вступ. ст., примеч. В. Перельмутера. М.: ТОО «Радикс», 1994. 156 с.

- Кржижановский, С.Д. Собрание сочинений в 6 томах / С. Кржижановский; сост., вступ. ст., примеч. В. Перельмутера. М.: Б.С.Г.-Пресс; СПб.: Симпозиум, 2001–2013.

- Кржижановский, С.Д. Штемпель: Москва / С. Кржижановский; сост., вступ. ст., примеч. В. Перельмутера. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2015. 456 с.

В настоящее время сочинения Кржижановского переведены на 14 языков. Вадим Гершевич консультировал авторов диссертаций, посвященных различным аспектам творчества писателя; диссертации защищены в университетах России, Англии, Германии, США, Японии.

В.Г. Перельмутер родился в 1943 году в Москве.

С 1965-го занимался журналистикой – работал в газетах.

Первые публикации относятся к середине 1960-х.

В 1971-м окончил Литературный институт им. М. Горького (Москва).

С 1978-го – с момента «возрождения» «Литературной учебы» и фактически со дня создания журнала заново – в течение 15 лет был сотрудником этого журнала: в первые два года – заведующий отделом поэзии, затем – редактор отдела теории литературы. В ходе работы возникло несколько долгосрочных проектов-рубрик, в частности проблема бытования художественного произведения в культурно-историческом пространстве-времени. Из опубликованных материалов впоследствии возникла книга «Игра пера и кисти»:

- Игра пера и кисти, или Рождение жанра / сост. и послесл. Л. Алексеевой. М.: Луч, 2014. 359 с.

В первой половине 1980-х началась работа над диссертацией «Эстетические взгляды П.А. Вяземского» (при Государственном Институте искусствознания, научный руководитель С.Т. Вайман), однако по независящим от В. Перельмутера причинам работа не была завершена – и трансформировалась в работу над книгой «Звезда разрозненной плеяды!..»:

- Перельмутер, В. «Звезда разрозненной плеяды!..» Жизнь поэта Вяземского, прочитанная в его стихах и прозе, а также в записках и письмах его современников и друзей. М.: Книжный сад, 1993. 365 с.

До того была издана лирика Вяземского:

- Вяземский, П.А. Лирика / П.А. Вяземский; предисл. и примеч. В. Перельмутера. М.: Детская литература, 1979. 207 с. (Поэтическая библиотечка школьника).

Детгизовскую книгу он стал делать, прочитав СС Вяземского и увидев, что поздний поэт исследователями обыкновенно упускался. Именно этим изданием он обратил внимание на эстетические взгляды и творческое наследие позднего Вяземского, т.е. второй половины жизни, которая прежде была заслонена его деятельным участием в событиях литературной жизни «пушкинской поры».

В 2017-м Перельмутер сделает еще одну книгу:

- Вяземский, П.А. Стихотворения 1837–1877. Допотопная или допожарная Москва. Листки из «Старой записной книжки» / П.А. Вяземский; выбор, сост., вступ. ст. В. Перельмутера. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2017. 320 с. (серия «Поэты Москвы»).

Первая книга (стихов) В.Г. Перельмутера вышла в 1985 году:

- Перельмутер, В. Дневник. Книга стихов. М.: Советский писатель, 1985. 88 с.

За ней последовали следующие авторские книги:

- Перельмутер, В. Стихо-Творения. М.: Издательское предприятие «Новелла», 1990. 238 с.

- Перельмутер, В. Пятилистник. Книга стихов. М.: Издательский дом Русанова, 1997. 256 с.

- Перельмутер, В. Пушкинское эхо. Записки. Заметки. Эссе. М.: Минувшее; Торонто: Library of Toronto Slavic Quarterly, 2003. 509 с.

- Перельмутер, В. Птичье ремесло. М.: Sam & Sam, 2006. 116 с.

- Perelmuter, V. Sonetti. Milan: Signum edizioni d'arte, 2000. 40 p.

- Перельмутер, В. Диалог / В. Перельмутер, предисл. автора; худ. О. Айзман. М.: Sam & Sam, 2010. 32 с. (Диалог поэта Вадима Перельмутера и художника Олега Айзмана – «стихографика».)

- Перельмутер, В. Дарённый конь. Книга о стихах и прозе. М.: ОГИ, 2015. 509 с.

- Перельмутер, В. Записки без комментариев. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2017. 384 с.

- Перельмутер, В. Мой выбор. Книга стихов: Б.С.Г.-Пресс. М., 2018. 368 с.

В.Г. Перельмутер вел семинар «Искусство медленного чтения (Анализ художественного текста)» в Государственной Классической Академии им. Маймонида (кафедра эстетики, проф. С.Т. Вайман).

Читал лекции и вел семинары во Франции (Сорбонна, Париж VIII, Институт восточных языков), Германии (Фрайбург, Университет Альберта-Людвига), Австрии (Университеты Вены, Зальцбурга, Инсбрука).

С 1997 года живет в Мюнхене.

В 2002-м вместе с Захаром Давидовичем Давыдовым (Торонтский университет) основал интернет-журнал «Toronto Slavic Quarterly», где в течение десяти лет вел несколько основных разделов: истории и теории литературы, культурологии.

Кроме того, он подготовил и издал **Константина Случевского (1837–1904)**:

- Случевский, К.К. Стихотворения / К.К. Случевский; сост., вступ. статья и примеч. В. Перельмутера. М.: Детская литература, 1983. 238 с. (Поэтическая библиотечка школьника. В «книжке для детей» Перельмутер напечатал с десяток стихотворений из «Загробных песен», полностью «Черноземную полосу» и «Мурманские отголоски».)

Сергея Шервинского (1892–1991):

- Шервинский, С.В. От знакомства к родству: Стихи, переводы, очерки, воспоминания / С. Шервинский; предисл. и сост. В. Перельмутера. Ереван: Советакан грох, 1986. 414 с. (Единственное прижизненное издание «Избранного» яркого и значительного деятеля русской культуры XX века – поэта, писателя, драматурга, переводчика.)

Владислава Ходасевича (1886–1939):

- Ходасевич, В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное / В. Ходасевич; сост. и подгот. текста В. Перельмутера; под общ. ред. Н.А. Богомолова; коммент. Е.М. Бенья. М.: Советский писатель, 1991. 683 с. (Первое издание – не только в России, – разносторонне представившее читателю классика XX века: стихи, критика, история литературы, мемуары. Н.Н. Берберова очень высоко оценила книгу: это – «лучший Ходасевич, какого она могла себе представить» [3].)

Георгия Шенгели (1894–1956):

сначала был Верлен в его переводах:

- Верлен, Поль. Избранное из его восьми книг, а также юношеских и посмертно изданных стихов, в переводе, с предисловием и примечаниями Георгия Шенгели, с добавлением фотографий и портретов Поля Верлена / Поль Верлен; сост. и послесл. В. Перельмутера. М.: Московский рабочий, 1996. 237 с., затем – его труды:

- Шенгели, Г.А. Иноходец. Собрание стихов. Византийская повесть «Повар базилевса». Литературные статьи. Воспоминания / Г. Шенгели; текстология, сост., вступ. очерк, коммент., подбор ил. В. Перельмутера. М.: Совпадение, 1997. 542 с.,

Нину Манухину (1893–1980) – она оставалась в истории литературы, прежде всего, как жена и муза Георгия Шенгели:

- Манухина, Н.Л. Смерти неподвластна лишь любовь. Стихотворения / Нина Манухина; сост., подгот. текста, послесл. В. Перельмутера; научн. ред. Е. Витковский. М.: Водолей Publishers, 2006. 80 с. (Малый серебряный век.)

несколько книг Аркадия Штейнберга (1907–1984):

- Штейнберг, А.А. К верховьям. Собрание стихов. О Штейнберге: Материалы к биографии. Мемуары. Заметки. Стихи / А. Штейнберг; сост., вступ. очерк В. Перельмутера. М.: Совпадение, 1997. 616 с.

- Штейнберг, А.А. Вторая дорога. Стихотворения. Поэмы. Графика [к 100-летию со дня рождения поэта] / А. Штейнберг, сост., вступ. ст. В. Перельмутера. М.: Русский импульс; Торонто: The University of Toronto, 2008. 335 с.

- Воспоминания об Аркадии Штейнберге. «Он между нами жил...» / сост. В. Перельмутер. М.: Русский импульс, 2008. 463 с.

- Штейнберг, А.А. Золотой мяч. Избранные переводы / А. Штейнберг; сост., вступ. очерк В. Перельмутера. М.: ИП Забозлаев А.Ю., 2014. 318 с.,

Валентина Катаева (1897–1986):

- Катаев, В. Избранные стихотворения / В. Катаев; вступ. ст. В. Перельмутера, ред. А. Алехин. М.: Мир энциклопедий Аванта+; Астрель, 2010. 255 с. (Поэтическая библиотека.)

Асара Эппеля (1935–2012):

- Эппель, А.И. Стихи / А. Эппель; сост., текстолог. подгот., вступ. очерк и примеч. В. Перельмутера. М.: ОГИ, 2014. 268 с.

Идея-концепция серии «Библиотека для избранных» принадлежала Перельмутеру. Серия была отмечена премией журнала «Новый мир» (2014) «За лучший литературно-издательский проект». В ней вышли Марк Тарловский, Георгий Шенгели, Валентин Пар-

нах, Велимир Хлебников, Сигизмунд Кржижановский, Юрий Домбровский, Аркадий Штейнберг:

- Тарловский, М.А.. Избранное / М. Тарловский; сост., вступ. ст., примеч. В. Перельмутера. М.: Sam & Sam, 2011. 258 с.

- Шенгели, Г.А. 77 сонетов / Г. Шенгели; сост., вступ. ст., примеч. В. Перельмутера. М.: Sam & Sam, 2011. 139 с.

- Парнах, В. Три книги / В. Парнах; сост., вступ. ст., примеч. В. Перельмутера. М.: Sam & Sam, 2012. 275 с.

- Шенгели, Г.А. Избранное / Г. Шенгели; сост., вступ. ст., коммент. В. Перельмутера. М.: Sam & Sam, 2013. 399 с.

- Хлебников, В. Избранное / В. Хлебников; сост., вступ. и заключ. ст. В. Перельмутера и С. Бирюкова. М.: Sam & Sam, 2013. 224 с.

- Кржижановский, С. Мысли разных лет / С. Кржижановский; сост., вступ. очерк, коммент. В. Перельмутера. М.: Sam & Sam, 2017. 256 с.

- Домбровский, Ю. Стихи. Свешников, Б. Графика / Юрий Домбровский, Борис Свешников; замысел, сост., вступ. очерк, примеч. В. Перельмутера. М.: Sam & Sam, 2017. 228 с.

- Штейнберг, А.А. Избранное / А. Штейнберг; сост. В. Перельмутера. М.: ООО «МАКС Пресс», 2017. 281 с.

Среди подготовленных книг также:

- Александр Пушкин (?). Конек-Горбунок. Русская сказка в трех частях / сост., подгот. текстов, примеч., статья В. Перельмутера. М.: Sam & Sam; РИК Русанова, 1998. 257 с. (Статья: «В поисках автора». С. 27–54.)

- Пушкин в эмиграции. 1937 / сост., коммент., вступ. очерк В. Перельмутера. М.: Прогресс-Тради-

ция, 1999. 799 с. (Замысел этой книги – один из победителей конкурса Фонда Сороса на лучшую книгу, посвященную 200-летию со дня рождения Пушкина.)

- Город и люди. Книга московской прозы [сборник] / сост. и коммент. Вера Калмыкова, Вадим Перельмутер; идея В. Перельмутера. М.: Русский импульс, 2008. 638 с. (Издательская программа Правительства Москвы.)

- Одесса – Москва – Одесса. Юго-западный ветер в русской литературе / сост. Вера Калмыкова, Вадим Перельмутер; вступ. и заключ. ст. В. Перельмутер и В. Калмыкова. М.: Русский импульс, 2014. 640 с. (Диплом Одесского книжного фестиваля «Зеленая волна» за лучший издательский проект.)

- ЗК. Русская антиутопия. Антология / сост., вступ. очерк В. Перельмутера. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. 636 с.

Израильская Академия присудила В.Г. Перельмутеру докторскую степень.

О собственной библиографии Вадим Гершевич не волнуется. Он знает о «книжках, вышедших “на языках”», но в его списке их просто нет: в письме он искренне отмечает, что ему «недосуг копаться в памяти и в завалах...» [2]. У него много планов. Иначе как успеть издать более 50 книг?

Литература

1. Егорова, Л. В.Г. Перельмутер. Дарёный конь: Книга о стихах и прозе. М.: ОГИ, 2015. 512 с. / Л. Егорова // Вопросы литературы. – 2017. – № 2. – С. 396–399.

2. Перельмутер, В.Г. Письмо от 22.02.2019. (Из личного архива автора.)

3. Перельмутер, В.Г. Письмо от 24.02.2019. (Из личного архива автора.)

L.V. Yegorova

ON VADIM PERELMUTER

In the 1990s, Vadim Perelmutter introduced readers to Sigismund Krzhizhanovsky (1887–1950). He presented Krzhizhanovsky's article «On the Polish Novella» for publication in our journal. An introductory article is devoted to Vadim Perelmutter and his works.

Vadim Perelmutter, Sigismund Krzhizhanovsky.

В.Г. Перельмутер
Мюнхен, Германия

О КНИГАХ, КОТОРЫЕ НЕ РОДИЛИСЬ

Об истории до сих пор не публиковавшегося очерка С.Д. Кржижановского «О польской новелле» 1948 года – очерка возникновения и органического бытования жанра в истории польской литературы.

С. Кржижановский, «О польской новелле», В. Перельмутер, М. Живов, Ю. Живова, новелла, рассказ.

Почти сразу по завершении Второй мировой войны, еще до начала Нюрнбергского процесса и – по согласованию с *союзниками* – перерисовки карты Европы, советское правительство принялось за «обустройство» будущего «социалистического лагеря». И начали с Польши. Вероятно, потому что она раньше и сильнее других будущих «социалистических стран» пострадала в войне. И значит, по логике *освободителей*, должна быть особенно им признательна. К тому же – не просто *славянская* страна, но и бывшая часть Российской империи, а с имперским сознанием у тогдашних правителей Советского Союза все было в порядке. В будущем успехе сей затеи заметная роль отводилась деятелям польской культуры, их *патриотизму*, читай – синониму поддержки большевиков.

Знакомством русского читателя со *знаковыми* для поляков фигурами и явлениями их литературы и предполагалось начать осуществление того замысла.

Правда, немедленно возникли сложности. После двух *волн* антипольских репрессий – середины тридцатых и начала сороковых годов – серьезных *полонистов*, т.е. литераторов, литературоведов и переводчиков, свободно владеющих обоими языками и хорошо ориентирующихся в польской литературе, классической и *новой*, осталось – по пальцам легко сосчитать. Потому масштабно задуманный *проект* поневоле пришлось весьма резко ограничить, во всяком случае, *для почина*, а там видно будет.

В сорок шестом (!) в Гослитиздате вышла книга стихов Юлиана Тувима, подготовленная литературоведом и переводчиком Марком Живовым. Он родился в Гомеле, закончил русскую гимназию в Варшаве, русские, польские, еврейские литература и театр с детства были, так сказать, его *средой обитания*. Среди переводчиков, привлеченных им для работы над книгой, был и Сигизмунд Кржижановский.

Они познакомились в первой половине тридцатых, когда Кржижановский был, если не популярен, то весьма заметен в московских литературных и театральных *кругах*. Теперь он, у кого родным языком был польский (в семье говорили по-польски; внучатая племянница Кржижановского Ирина Михина (Костецкая) поведала мне, в частности, что ее бабушка Юлия, старшая из сестер Сигизмунда, и в старости говорила с заметным польским акцентом и любила

вечерами собирать у себя польских подруг – пообщаться на родном языке), а мать, Фабиана Станиславовна, урожденная Пашута, музыкантша и книжница, собрала обширную библиотеку, так что сын с юных лет на отлично знал *родную* литературу, о чем можно судить хотя бы по «упоминательной клавиатуре» в единственной его прижизненной книжке «Поэтика заглавий», теперь он, повторю, стал поистине незаменимым сотрудником-союзником Живова в начатом деле.

Лет пятнадцать назад я несколько раз беседовал с дочерью Живова, Юлией Марковной. От нее знаю про историю того *проекта*. И про то, что ее отец предложил Кржижановскому полностью подготовить к изданию две следующие книги: впервые представить русскому читателю «Польскую новеллу» и том классика XIX века, комедиографа – «польского Мольера» – Александра Фредро. В конце сорок восьмого она, отучившись в университете, поступила («с подачи отца» – ее слова) на службу в Гослитиздат. И первыми редакторскими ее работами были те две книги. От нее знаю и про то, каковы они были, и про их драматическую судьбу.

Для первой Кржижановский подобрал и добыл тексты, замечательно (по оценке Юлии Марковны) перевел несколько новелл, в частности «Клуб шахматистов» особо ценимого им Александра Свентоховского, отредактировал – вместе с Живовой – работы других переводчиков, написал краткие справки об авторах. И предварил книгу очерком «О польской новелле». Не *статьей* – именно *очерком* возникновения и органического бытования жанра, о котором речь, в истории польской литературы. Внятно, лаконично, убедительно. Этаким краткий путеводитель по книге. «Статей премногих тяжелей»...

Солидный том Фредро он, если верно помню, и вовсе перевел целиком. И предварил полусотней страниц, которые, опять-таки, рука не хочет поименовать *статьей*, верней сказать, что это – нечто вроде конспекта монографии о жизни и творчестве любимого поляками драматурга.

К концу сорок восьмого работа была завершена. Пришла пора сдавать толстые папки машинописей в типографию.

Но... *политический ветер* к той поре успел перемениться.

А если без метафор, то выяснилось, что отнюдь не все деятели польской культуры, не только писатели, готовы к тому, чего ожидают от них Сталин и его присные. Что именно их *патриотизм* мешает им приветствовать более или менее восторженно превращение Польши в один из первых барачков «социалистического лагеря».

(Позже Станислав Ежи Лец обронит-запишет строку о том, что «Польша – самый веселый барак в социалистическом лагере».)

Они, понятно, были благодарны за освобождение от нацизма. Однако в благодарности этой не безогляды, не беспамятны. Они помнили не только о вычитанных из школьных учебников истории пресловутых «трех разделах» Польши, но и – лучше, подробней – о событиях последнего десятилетия.

О советских гонениях на живших в СССР поляков.

О том, что в тридцать девятом войну против Польши начала не одна страна – две.

О Катыни.

О том, что, советские войска в сорок пятом, находясь неподалеку от польской столицы, не поддержали восставших, хотя Сталин и его военачальники были подробно информированы о планах руководителей восстания и о том, что их удар в тыл немцам должен был послужить сигналом к штурму Варшавы Красной Армией. И тогда немцами пришлось бы сражаться «на два фронта» (кстати сказать, в этом случае потери Красной Армии при штурме были бы значительно меньше, чем в итоге оказалось). Не пришлось... А изрядное число этих самых деятелей культуры были участниками польского Сопротивления и знали о причинах катастрофы не от советских историков войны. Кто *не в теме*, советуя посмотреть фильм Анд-

жея Вайды «Канал» (1957), особенно пристально – финальные кадры.

Ну, и о судьбах своих друзей и коллег, воевавших в Армии Крайовой (поддерживаемой западными союзниками СССР, в отличие от возникшей «под крылом» советским Армии Людовой), они тоже знали не из книг. (См. фильм того же режиссера «Пепел и алмаз», 1958).

Понятно, что повели они себя в конце сороковых совсем не так, как ожидали советские власти.

И руководителям Гослитиздата было велено от издания подготовленных книг отказаться. А те со страху, тоже понятного, не в архив обе машинописи отправили – уничтожили. Так в сорок девятом погибли переводы Кржижановского (он среди бумаг своих переводов, в отличие от собственных прозы и надиктованных машинисткам размышлений о литературе, не хранил). Остались лишь два очерка, о коих рассказано.

Вместо двух загубленных книг издательство срочно, в пятидесятом, выпустило «аварийно» переведенный роман коммуниста и «соцреалиста» Леона Кручковского, ставшего первым секретарем созданного новой властью – по советскому образу и подобию – союза польских писателей, и будущего – через пару лет – Лауреата Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Юлия Живова заказала предисловие к той книге Кржижановскому, но сочиненное им издательскому начальству *не подошло*...

Сборник комедий Александра Фредро впервые был издан по-русски четыре десятка лет спустя.

А с прозой большинства авторов «Польской новеллы», в частности Александра Свентоховского, русская читающая публика не встретила и по сию пору...

V.G. Perelmuter

ON BOOKS THAT HAVE NEVER SEEN THE LIGHT OF THE DAY

About the history of the still-unpublished 1948 essay by Sigismund Krzhizhanovsky «On the Polish Novella»: a sketch of the origin and organic development of the genre in the history of Polish literature.

Sigismund Krzhizhanovsky, «On the Polish Novella», Vadim Perelmuter, Mark Zhivov, Yulia Zhivova, novella, short story.

С.Д. Кржижановский

О ПОЛЬСКОЙ НОВЕЛЛЕ

Среди древнегреческих философских фрагментов находим отрывок такого содержания: сперва был «дождь атомов»; они падали, не задевая друг друга – и мира не возникало; один из атомов отклонился от своего пути, ударился о другой, тот – о соседний – и возникла жизнь (схема).

Слово *novella*, можно думать, впервые появляется у римлян для обозначения дополнительной правовой нормы, вводящей нечто новое в систему законодательства.

В самом общем своем значении, литературная «новелла» и является тем отклонившимся атомом, нарушающим – если уж говорить образами – параллели чернильного дождя, вводящим новое, своеобразное в установившийся мир рассказов, движущихся по привычным линиям повествования. Новелла (*novella*), по сравнению с объемно-близким ей рассказом (*opowiadanie*), не является первичной формой: в пользу этого говорит уже то обстоятельство, что структура ее много совершеннее. Новелла, если она заслуживает этого имени, невелика, подвижна, четко-сюжетна и, главное, имеет свои строго обозначенные начало, середину и конец. Этого нельзя сказать о рассказе, который не только «параллелен» жизни (этого мало), а (если он реалистичен) идет по одной с ней линии, непосредственно за ней, как капли «дождя атомов», скользящие друг за дружкой.

Следует ли из сказанного, что новелла как таковая отклоняется от действительности, чуждается жизни? Отнюдь нет. Скорее наоборот. Для безымянного автора фрагмента, указанного выше, «отклоняющийся атом» сугубо жизнен, создает бытие, движется в полноту его из пустоты.

Но ближе к конкретности. Для посетителя лаборатории естествоиспытателя она – на первый взгляд может показаться самым «неестественным» изо всего, что он когда-либо видел. В самом деле: ему покажут здесь одни объекты, нагретые до двух и трех тысяч градусов выше нуля, другие – подверженные давлению в несколько сот атмосфер, хотя в обычной обстановке наш посетитель знает лишь атмосферу, колеблющуюся около единицы, а жару, подбирающуюся к пятому десятку градусов готов назвать «сверхъестественной».

Не перебрасывая мостиков от аналогии к предмету нашего внимания, можно сказать, что автор новеллы, как и естествоиспытатель, друг естества, но, вдобавок, и его «испытатель», т.е. экспериментатор.

Если рассказ может быть лишь «куском жизни», сохранять в себе некоторую аморфность, элементы случайности и незавершенности, то от новеллы мы

вправе требовать целостности и как бы кристалличности ее строения. Это – никоим образом – не должно ограничиваться формой. Нет – новелла отличается от рассказа (и повести) – как эксперимент от наблюдения. Оба эти метода служат одной и той же цели: познанию реальности. Разумеется, «чистых новелл», строго адекватных предложенному определению, не так-то и много, в литературной практике обращаются, главным образом, или рассказы, или смешанные формы, но именно польская новелла, которой посвящен настоящий сборник, отличается некоторыми особенностями, заслуживающими пристального внимания советского читателя. Добавлю: и советского писателя. Есть полшутливая русская поговорка: «у поляка и приказ – рассказ». Строится она на игре слов: польское *rozkaz* (росказ) означает «приказ», «команда». Допустим, что иным польским приказам, директивам свойственно многоглаголанье, но, приняв это, нельзя не согласиться и с тем, что в мире польских рассказов мы наблюдаем ясную тенденцию к конденсированию и кристаллизации в виде новеллистического жанра.

Правда, наряду с этим устремлением не следует умалчивать о прямо противоположном процессе. Я говорю о перерастании новеллы в повесть. Так, еще Генрик Ржевуский, импровизировавший к концу тридцатых годов целый ряд мелких старшыхлетского стиля новеллистических миниатюр (*szkicy*¹ 1830–31 гг.), после слил их в единое крупное произведение «Памятные записки Северина Соплицы» (*Pamiętki Pana Seweryna Soplicy, cześnika parnawskiego*. 1839).

Для Коженевского, по утверждению Хмелевского (IV «История польской литературы»), некоторые его рассказы были лишь «приготовлением» (*przegotowanie*) к повести.

Беру пример ближе к нашему времени. Станислав Пшибышевский, прибегавший к разным жанрам, так и не написал ни одной новеллы (в строгом смысле этого слова). Причина в разгонистости самой манеры его письма: река во время паводка теряет берега, – новелла же без берегов... как бы это сказать... Впрочем, пусть лучше говорит сам Пшибышевский: объясняя «непомерную слабость земной фабулы в моем творчестве», – пишет он, – «кто и дело случается, что какой-нибудь жизненный анекдот, услышанный или прочитанный, является лишь предлогом для раздвигания далеких перспектив, выхода за пределы мира явлений, растворения его в темных морях предощу-

¹ Очерки.

щаемого бытия». Смысл такого «манифеста» понятен и без комментариев.

Талантливый Вацлав Берент, несмотря на большую сюжетную изобретательность (см. хотя бы его *Zywe Kamienie* – «Живые камни», 1918), даже в тех немногих случаях, когда он, наряду с произведениями крупной формы, пишет свои яркие «биографические рассказы» (*bijgrafej nagasujne*), остается все же за порогом новеллистической литературы: новелла сюжетна (точнее: односюжетна), его же относительно короткий рассказ всегда многосюжетен, переходит черту не «числом знаков» (это не так-то и важно), а числом значимостей, является своего рода «уравнением со многими неизвестными».

Но если вернуться к доподлинным новеллистам Польши, то окажется, что и количество и литературное качество их произведений достаточно велико и высоко. Это течение и является основным, направляющим.

2.

Логика и технология новеллы говорят автору: если ты хочешь «сдвинуть препарат»², ввести нечто необычное в обычные рамки жизни, то –

А. делай это в минимальной степени; в целях краткости – в завязке; с таким расчетом, чтобы «завода» хватило на всю новеллу;

Б. выбери, с какого конца вводить такое «отклонение» – а) со стороны субъекта или б) со стороны объекта?

А) Искусство новеллы, прежде всего, заключается, как учит нас творческий опыт лучших ее мастеров, в том, чтобы при минимуме отклонения от привычных жизненных путей достигнуть наибольшей ее литературной результативности. Ошибкой Герберта Уэллса в его «Чудесном посещении» (новелла, перерастающая в повесть) является слишком большой угол отклонения от реальности в завязке этого остроумного памфлета: ангел, пролетая небесными сферами, попадает в круг земного притяжения; здесь – волею английского кодекса приличий – ангелу обкарнали крылья, непристойную наготу прикрыли долгопятым сюртуком и, вообще, обработали «сына эфира» по всем правилам конвенциональности. Но пороком произведения является то обстоятельство, что, выведя (в завязке) мир из колеи посредством «чуда», т.е. художественной условности, Автор должен ввести его в колею, в конце памфлета, тоже посредством второго уже чуда. Не слишком ли много чудес?

Польские новеллисты в завязке (напоминающей шахматный гамбит, где жертвуют кое-чем, чтобы выиграть все, т.е. партию) довольствуются очень скромной «жертвой» со стороны привычного, повседневного уклада жизни. Обычно, скажем, в Польше 70-х гг. профессора читают свои лекции в университетских городах, в медвежьих же углах протекает глухое житейское бытие обывателя, – но вот Болеслав Прус пишет новеллу «Профессор философии в провинции». Он ничего не меняет ни в характеристике типичного профессора, ни столь же типичных провинциалов, но достаточно маленькой перестановки персонажей

(в пространстве), – и происходит всякого рода *qui pro quo*, создающих написанную в свете мягкого юмора новеллу.

Оставляю на сюжетной шахматнице основную фигуру – «философ» Адольф Дыгасинский пишет новеллу: «Философ и прачка». Обычно никаких интересов, кроме стирки и ее оплаты, у названных людей нет и быть не может (если учесть эпоху и среду). Но стоит добавить «интерес» философа к прачке как к женщине – и этот привесок наклоняет новеллистические весы. В дальнейшем читатель следит, у кого же из двоих – у прачки или у философа больше подлинного, философски широкого охвата живой жизни.

Но иногда зачины новелл у польских писателей как будто перегибают палку, слишком сильно отклоняются от нормы. Так, например, Густав Даниловский в изящно написанной фантазии «Пан Тонкий» говорит об изобретении прибора для чтения мыслей. При этом пользоваться прибором можно незаметно для «человека-текста». Не переутончил ли автор, не слишком ли далеко ушел он от реального мира в мир беспочвенных выдумок?

Пусть отвечает самое развитие новеллы. Прибор сконструирован. Его пускают в ход, но странно... чувствительная стрелочка машины для чтения мыслей неподвижна. Почему? Конструкция неисправна? Нет, в порядке. Неисправны лишь человеческие умы, разучившиеся мыслить. Чьи умы? Автор молчит, но молчит он очень красноречиво. Очевидно, перед нами злая и горькая сатира на польское интеллигентское общество 90-х годов, забредшее в интеллектуальный тупик декадентства, асоциальных теорий искусства и аморальности. Г. Даниловский прибег на этот раз к крутой условности ради проповеди безусловной для него социальной правды³.

М. Горький в новеллах «О чорте» и «Еще о чорте» описывает серого пошляка, решающегося, подобно Фаусту, продать душу чорту. Чорт, вскрыв психическое содержание продающегося мозга, отказывается от сделки: сколько ни плати – переплатишь. Здесь мы видим сходный прием условной завязки, вполне оправдываемой социальной направленностью новеллы⁴.

Естественный вывод: в новеллистическом нарушении жизненного уровня, привычной ее меры, необходимо соблюдать меру.

И в французской новелле «Ожерелье» (Мопассан), и в польской «Истории нитки жемчуга» (Макушинский) – как потерянный для действующего лица, так и найденный им жемчуг оказывается – в конце концов – фальшивым, почти нулем в мире вещных ценностей, ничего в нем не сдвигает, но в мире психологических оценок – в обоих случаях – приводит к роковому концу.

Б) Примеры, только что указанные, столь же естественно ставят вопрос о субъективных и объективных изменениях, как бы прерывающих общий жизненный «континуум».

³ Конец этой вещи несколько испорчен новеллистом.

⁴ Следует отметить, что не только в новеллистике Польши, но и во многих ее жанрах, богато развита тема о продаже души дьяволу (т. наз. *Sylograf*). Особенно в череде вариантов о пане Твардовском.

² «Сдвинутый препарат» — заглавие одной из новелл Г. Уэллса.

а) Романтики начала прошлого века настойчиво выдвигали в литературу так называемого странного человека. Это был или (по слову Пушкина) «чудак печальный», чаще всего байроновского стиля, или просто чудак, а то и «чудачина», пригодный для гротеска или бытового рассказа.

В предлагаемом сборнике читателю не будет показано «странного человека» той далекой литературной эпохи, но он убедится – на ряде новелл – в живучести этого типа.

Во вторую, послеромантическую половину минувшего века, в период развития реалистических течений в польской литературе, никак не разминешься (даже при желании!) с этого рода образом-отклонением, выбивающимся из общей, окружающей его среды. Странен он не по-байроновски, не выпенне, не культивирует в себе своей необычности, не гордится ею. Скорее, наоборот.

Остановим внимание хотя бы на «Глупом Франеке» (М. Конопницкая) и прусовском «Михалко», которого тоже вся его деревня прозвала «глупым». Обоим героям новелл, глазам и «глупым» умам Михалко и Франека мир предстает (каждому по-своему) совсем не так, как их односельчанам или рабочим, в среду которых попадает Михалко.

Науке известны факты психологического замещения, определяемые ею как «викариат чувств»: у человека, скажем, теряющего зрение, заостряются слух и осязание и т.п.

Аналогичного рода перестроение происходит в душе Франека и Михалка: природа притупила Франеку его здравый смысл, но зато заострила чувство ее, природы, подняла в нем – над линией средней меры – ощущение прекрасного. Михалко запутался в улицах и переулках столицы, но его не запутаешь на путях правды.

И симпатия читателя, после трех-четырёх страниц, переходит на сторону ущербно-странных персонажей, простецкий ум которых, создавая новую точку зрения на мир, расправляет его моральные и эстетические тупики и закоулки.

Конечно, такого рода новация в субъекте-персонаже может быть как отрицательной, так и положительной. «Пан Тонкий» (Г. Даниловский) может быть примером не притупления и не упрощения, а переутончения, заостренности умственного аппарата, что чревато сюжетными последствиями.

б) Но польские новеллисты относительно редко прибегают к психологическому отклонению в субъекте. Вся история Польши, ее социальная жизнь, слишком богаты сдвигами, переворотами, катастрофами, чтобы нужно было уходить в поисках новеллы, ее сюжетности – от объективной действительности к какому-то «отклонениям». По восточному изречению: «тому, кто тонет в реке, все равно – идет ли дождь» (добавлю: хотя бы и «дождь атомов»). Оглядка на исторический путь Польши: частая смена династий, бескорольевье, двоевластие, выборный король, дестронация; *liberum veto*, одним голосом перечеркивающее все голоса сейма; многократные вторжения чужеродных сил, приводящие к ряду «разделов»; череда восстаний, почти ничего не восстанавливающих и т.п.

Это только начало списка, он не закрыт. Но уж ясно, что такого рода движение распадается на сдвиги, перестроения, т.е. то, что в миниатюрном мире новелл мы называли «отклонением».

Неустойчивость исторического равновесия Польши отразилась во всех жанрах ее литературы. Достаточно указать на «Пана Тадеуша» (Мицкевич) или «Бенёвского» (Словацкий): судебная тяжба в юридической практике других государств, не Польши, обычно приводила к так называемому исполнительному листу, осуществляющему решение; здесь же лист замещается мечом, судебный исполнитель – «наездом» (*najazd*), введение во владение – боем⁵. Та же «смещенность» права, т.е. самого нормативного начала на земле, проникает и «Бенёвского».

В исторической же новелле эта специфичность польского стиля жизни сказывается определенной образом. Достаточно прочесть «Барственные слезы» (Хойновского) или «Пани Теодору» Вейсенгофа, чтобы убедиться в этом (последняя новелла особенно интересна сдвоенным действием пунктов а) и б)).

Однако провести четкую линию между элементом историческим и неисторическим в польской литературе трудно. Почему? Потому что движение, состоящее почти сплошь из сдвигов, подобно сдвигам в жизни геологических пластов, приводит к «выходу» древних или старых – и пластов, и исторической эрозии. Не изжившее себя до конца прошлое народа, опровергнутое вторжением нового, как бы «заживо похороненное», оказывается очень беспокойным мертвецом, пробует приподнять свое могильное новообразование.

Эта жизнь «недожитков» то и дело вторгается снизу, из исторических глубин, в самые обыкновенные – казалось бы – бытовые польские рассказы. Духовная привычка, привитая в литературе еще Мицкевичем, болеть не только своей малой болью, но и болью «миллионов» (см. так называемую импровизацию Конрада) является отличительной особенностью польского литературного героя. Объясняется она тем, что настоящему поляку история его народа не дает пощады, – прошлое настигает его на всех перекрестках жизни, хотя бы перекрещивались – по внешней видимости – и узкие, личные интересы.

У Выспянского два или три раза жгущее память поляка «Тарговица» (*Targowica*) пишется с маленькой буквы «*targowica*», замещая слово «*Targowisko*» (т.е. *tor*) – в повседневном, рыночном его бытовании.

Этот низкий «исторический потолок» нависает над многими новеллистами нашего сборника.

1795–1798 по 1807 – 1812 – 1848 – 1863: вот основные даты восстаний – на польской и на чужой земле («за вашу и нашу свободу» – надпись на знаменах легионов), но всегда, в конечном счете, во имя своей. Этим датам довольно строго соответствуют: возгорание, вспышки и затухание польского романтизма. Самый романтизм – в польской его интерпретации – восстание против этого мира во имя того. В здоровых его формах романтизм устремляется в

⁵ Подзаголовок «Пана Тадеуша»: *Ostatni Najazd na Litwe* – «Последний наезд (т.е. вооруженное самовведение во владение) в Литве».

прошлое или в будущее, примыкающие к настоящему; в тех же случаях (нередких в истории польской литературы), когда романтика слишком далеко отрывается от сегодняшнего дня – уходя в отдаленное прошлое или туманное будущее, она неизбежно приобретает или отстало консервативные или мистически-мессианистические черты. Метафизика, с ее трансцендентным (потусторонним) миром, и религия, с своим «тем светом», из гостей превращаются тогда в хозяев искусства.

Гигантские масштабы романтизма такого рода раздвигали, в своих «прометеевских» устремлениях, не только стены идей, но и границы форм. Господствовали запросы на темы «дальнего следования». Рассказ, особенно новелла, эти самоограничивающиеся жанры, уступали место поэмам, эпопеям, полилогиям (обычно, трилогиям).

Однако и в эту пору отыскивается – совершенно неожиданно – маленькая новелла Юл. Словацкого, одно из очень немногих его произведений, писанных прозой. Она тем более ценна⁶, что, рожденная в тяжелые годы политического и идейного кризиса, хранит в себе богатейшие запасы фантазии и оптимизма – доброе предзнаменование на дальнейшем нелегком пути польской литературы.

Январское (1863) восстание было последней попыткой политического романтизма. Попыткой с негодными средствами. Это поняли даже «крайние». Романтизм (всяческий: и в политике, и в литературе) спустил знамя. Наставал тридцатилетний период так называемого позитивизма.

Он был связан некрепкими, легко рвущимися нитями с учением французского философа Огюста Конта (1798–1857), давшего ему это имя. И – все-таки – связан. Конт отбрасывал религиозную и метафизическую интерпретацию мира, замещая бога идеей «человечества», а потустороннее «этосторонним», стоящим на позитивных, а не «негативных» (дело у философов-романтиков доходило ведь до «негативного богословия») предпосылках; новая его «классификация наук» была лестницей знаний, ведущей не «ввысь», а спускающейся вниз – от предельно-абстрактного (математики) к предельно-конкретному, к «социологии» – науке, впервые так названной О. Контом, но очень слабо им разработанной. Можно сказать, что эта «ступень» шаталась у него под ногой и по-настоящему была закреплена лишь К. Марксом.

Но польская литература и идеология вообще не разглядела этого и держалась довольно долго на своих позитивистских позициях.

На место проповеди великих, но туманных свершений пришла, вместе с позитивизмом, пропаганда так называемых малых дел. Именно в это время Ал. Фредро пишет (но не публикует) свою, по существу, грустную комедию: «Великий человек на малые дела» (*Wielki czlowek do malych interesow*).

Критика, направленная «позитивистами» против сбоем отступивших романтиков, сводилась к следующему: политически-поэтическое «опьянение», экстаз необходимо ведут и привели к трезвому взгляду на

вещи и здравому холодному рассудку; лучше реально делать малое, чем «взывать» к великому, лучше сильное, чем сильное, остающееся в трансценденте, в мире грез, а не в этом положительном, позитивном мире. Уже позднее, оглядываясь на этот период здравого рассудка, с его идеей «труда у основ», более того – «органического труда», Юр. Жулавский писал: «Jeden marzy, drugi na mądrej wszystko wladzie wadze» («Один мечтает, другой всё мудро взвешивает на весах», ст. «Две силы»).

Взвешивание отнесяло «взвешенную» лишь в эфире мечту. И безусловно положительным, в эпоху «меры и веса», надо признать большое уважение к труду, пусть посильному, малому по своим возможностям, но все же труду. Именно в эти десятилетия малых дел и получает свою культуру, тщательную, я бы сказал, трудовую обработку малое по объему литературное дело: новелла.

Она находит своих больших, подчас и великих мастеров. Помещенные в этом сборнике произведения Эл. Ожешко, Бол. Пруса, М. Конопицкой, написанные в 70-х – 80-х гг. говорят сами за себя.

«А... В... С...» – Ожешко начинает с простейшего, азбучного; герои Пруса и Конопицкой тратят свои силы, а то и жизнь, не на широком «поприще», а у фабричной топки, в школе глухой деревни. Самые литературные герои делаются как будто ниже ростом. Это не вожди, не поэты, не пророки, а скромные врачи, педагоги, техники, вообще – труженики. Но моральная их «малорослость» иллюзорна: их согнуло трудом, нуждой, но стоит им распрямиться – и перед нами человек в полный рост. Самое это «распрямление» происходит – чаще всего – лишь к концу новеллы, такой, как она писалась в годы «позитивизма»⁷.

Это вполне согласуется с определением Эйхенбаума: новелла – short story (англ.: короткий рассказ) «с сюжетным ударением на его концовке». Определение это, правда, звучит запоздало: польская новелла 90-х гг. XIX в. и начала XX в. показала, как сделать это «ударение» подвижным.

Еще зачинатели и завершители «позитивизма» неоднократно противопоставляли друг другу два древних мифа: о Прометее, похитившем у неба для людей священный огонь и гордо переносящем за это великую муку, и Сизифе, терпеливо вкатывающем на гору камень, с тем, чтобы, когда камень скатится снова к подножью, снова же начинать свою бесплодную работу «у основ». Достаточно указать на мелькающие заглавия популярных в ту пору книг «Труды Сизифа» (*Sizyfowe prace*) и «Прометей и Сизиф» (*Prometeum i Szyf*) и много других, ведущих за собой целый ряд сходных и названий, и смыслов, чтобы понять предвестие и самое появление (к концу века) «неоромантизма», перебрасывающего мост через позитивистское тридцатилетие к романтизму великих польских романтиков и их ближайших последователей.

Закрепляется (в критике) термин «прометеизм». Он то и дело повторяется в новых литературных органах: «Жизнь» (*Życie*), позднее «Химера» (*Chimera*).

⁶ Ею открываем наш сборник.

⁷ Интересно, что прием этот переходит – как бы по наследству – к новому писательскому поколению. Характерный пример: «Доктор Петр» Жеромского.

Не требует долгих объяснений, что теория и практика «малых дел» и жизни «у основ» критически расценивается теперь как сизифов труд и фатальное его возвращение к «подножию».

Именно в этот переходный момент появляется источающая желчь новелла Стефана Жеромского – «Расклюют нас воробы и вороны» (*Rozdziobią nas kruki i wrony*. 1895). В концовке ее мы видим брошенный в поле труп повстанца последнего восстания; на труп слетелось воронье: «воробы чрезвычайно раздумчиво, с тактом, положительною, терпеливо и с тонкой дипломатией придвигались все ближе и ближе и, выкручивая шеи, внимательно изучали ситуацию». И несколькими строками ниже: «эта (ворона)... уже успела благополучно добраться до головы и стала остервенело проклевываться внутрь черепа, в эту последнюю цитадель польского восстания».

То, что позитивисты считали решенным и похороненным, предлагается: оторвать и перерешить. В борьбе возвращающегося, но преображенного романтизма, атаковавшего, подчас слишком горячо, «долговременные фортификации» позитивистов, много сказано несправедливых, «неуважительных» слов. Но иные стрелы попадали в цель. Так, представитель «Молодой Польши» Артур Гурский писал, адресуясь к поздним «позитивистам»: «Вы смотрите на литературу глазами кухарки, попавшей в ботанический сад. Прежде всего она ищет в нем своей программы: капусты, помидоров, репы и т.п. ...» («Жизнь», 1898).

Критика Гурского верна в общем, но не в целом. Мне припоминается страница из монографии, принадлежащей перу Гийо. Молодой философ в своих туристских блужданиях по Нормандии набрел как-то на обработанный под огород участок, находящийся на высоком берегу, над самым морем. Гийо интересовал не огород, а влекло море. Обращаясь к крестьянину, хозяину участка, он несколько раз воскликнул: «Какая красота!» «Но я не сразу заметил, – пишет философ, – что... хозяин, соглашаясь со мной, – при каждом моем восклицании восторга – поворачивался лицом к огороду и спиной к морю». И Гийо, и Гурский, и их ирония слишком рано празднуют победу: для огородника (да и позитивистской «кухарки») в его малый кусок почвы вложен великий труд. «Малые» каждодневные дела (и дела кирпичи, и дела мысли), накапливаясь, вырастают в нечто если не великое, то большое, заслуживающее всяческого уважения.

Так или иначе, «Молодая Польша» одержала победу. На каких местах страны – я говорю без всяких иносказаний – закрепились молодая польская новелла? Не стану писать о борьбе за приоритет двух школ: краковской и варшавской. Это превратило бы мой краткий очерк в большую статью. Редко затрагивается и вопрос о своего рода «землячествах» польских новеллистов. Эти группировки ищут, добывают и обогащают свои сюжетные находки, как и польские горняки, в определенных *koralniach* – шахтах тем.

Еще в конце 90-х гг. С. Пшибышевский, как теоретик (не слишком последовательный), пытался объединить «куявяков», писателей из куювской области, в которой тянутся «целые мили ничего», проще говоря, однообразной степи, но в центре которой озеро Гопла,

месторождение народных легенд и мифов, неиссякаемых для питания фантазии писателя.

Чуть подробнее о так называемой татшанской группе поэтов и новеллистов, тяготеющих к Татрам, польским Карпатам, где и по сей час сохранился своеобразный «гуральский язык»⁸, особый склад быта, где еще не так давно гнездилась «разбойничья правда», судившая судей долины, куда обиженный люд нес свои жалобы и отточенные косы, призывал горы мстить за несправедливость долинному панскому кривосудию.

Новелла Татр, подкрепленная их живописным горным пейзажем, насчитывает довольно много мастеров. В настоящем сборнике читатель найдет ее представленной – в эпическом плане в лице К. Тетмайера и др., в комически-пародийном освещении у В. Оркана.

События Русской Революции 1905 года, вызвавшие в Польше сильное и многократное эхо, последовавшая затем Первая мировая война, оставившая кровавый след по всей стране, – все это очень много изменило в польской литературе. Испытания же Второй великой войны, перепахав всю культурную почву Польши, привели далее к революционированию ее, к новому, широко развернутому посеву демократизма. Это предмет для исследования, не входящего в задачу настоящей статьи.

3.

К. Тетмайер дает своему этюду «Скульптор Мартен» (1894) подзаголовок: «Контур для новеллы».

Но если пуститься – против течения времени – в поиски за первыми «контурами» этого жанра, за прановеллой, путь приведет к народным устным формованиям. Мы не знаем дат их рождения, известны лишь даты их записи. Вот живой пример, взятый из книги Быстроны *Megalomania narodowa*, названный им (народ не дает – в данном случае – и заглавия) – «Крестьянский Лир»:

Жили-были отец да три дочки при нем.
День за днем, день за днем – вот и замуж всем трем.

И четыреста злотых, червонных, отец
Дал в приданое старшей: «Иди под венец».

Триста злотых он дочери средней отдал,
Чистоганом все триста он ей отчитал.

А как время пришло замуж младшей идти:
«Вот сто злотых, – сказал он, – и больше не жди».

Тут и старость на двор. Путь один старикам,
Взял клюку да мешок и ступай по дворам.

Был он стар, стал он дряхл. К старшей дочке стучит.
– Так и так, приюти, – ей отец говорит.

Та на мельницу, жернов тяжелый несет:
«На, отец, утопись, с ним никто не спасет».

⁸ Язык жителей Татр резко обособлен от польского литературного. Передать это двуязычие, к которому прибегают писатели-татшанцы, в русском переводе чрезвычайно трудно.

К дочке средней идет престарелый отец:
«Вспомни, дочь, как тебя снаряжал под венец».

– Как не помнить? На память веревку возьми.
И уйди, как пришел... И не стой под дверьми.

И осталось лишь к дочери младшей своей
Постучать старику у закрытых дверей.

Услыхала, открыла. Несет погребец.
– Вот хлеб, соль. Ешь и пей. Гостем будь нам, отец.

А тех двух позабудь, больше к ним не ходи.
За добро бью челом. Бью сто раз до земли.

(Перевод – как и последующие – мой. – С. К.)

Перед нами завершенная новелла. Правда, в ритмической песенной форме. Безымянный автор из народа не мог подвергаться влиянию литературных рецензий, поскольку, наверное, не знал грамоты – и не только английской, но и польской. Обращаясь к собственно литературным источникам, находим уже у Миколая Рея (1507–1569) ряд рассказов со строго сюжетным содержанием (*Przypowiesci przypady* – рассказы к случаю). Например, «Татарин слушал мессу», «О человеке, хотевшем выбросить за борт свою жену», «Немец в кругу поляков» и др. Но все эти остроумные вещицы заключены в стихотворную форму, причем умещаются (почти все) – каждая в восьми строках. Надо понять: в те давние времена «художественной» считалась только стихотворная форма, рифмы «держались за руки», были смежными, словно боясь потерять друг друга в потоке скандированной речи.

Ян Кохановский тоже наивно отождествлял поэзию и стих (так же как мы никак не согласны, чтобы новелла надела на себя стиховое платье).

Дидактическая поэма Кохановского *Szachy* («Шахматы», 1566) – рифмованная новелла, с очень четким сюжетом (шахматная партия меж неким Федором и королевой, где ставка – любовь)⁹.

Среди знаменитых его *Fraszek* (шуток), как это ни странно, на первый взгляд, – около половины содержится в себе... эпитафии. Это короткие – в четыре-шесть строк – концовки жизней. Фантазии читателя остается дофантазировать начало. Иной раз эпитафии эти сами простираются в новеллу. Хотя бы:

Надгробие Розине

Жизнью сыта, спит Розина. Она
Жизнью сыта, но жжет жажда вина.
Что ей ваш реквием, звон похорон?
Жбан бы зеленый, да полный вином.

Любопытно, что открепление чисто прозаического (хотя и художественного) сюжета от стиховой формы задерживается на долгое время. Так, даже к концу первой половины 19-го века у Винченца Поля маленькие поэмы отбивают от новеллы ее сюжетную собственность: об избирателях, с которых, предвари-

тельно напоив их, политические противники их стаскивают штаны, лишив возможности придти на голосование... в костел («Сейм в Судной Вишне»), или о распре, разросшейся из спора о том, как именовать некоего имярека – «Минишхом» или «Мнишком» (монахом) («Сенаторский мир»).

Но отойдем на шаг назад. В конце 18-го века пишет свои исполненные оригинальности басни Игнатий Красицкий. Это необычайно компактные новеллы, сжатые лишь в условные архаические двустипшия. Например:

Скупой

Талер скупец потерял. Остается: в петлю.
Стóит веревка, все ж, грош. «Нет, ее не куплю –
Много дешевле украсть», – он сказал... И украл.
Но на скупого донос. Присужден он «на-пал»¹⁰.
Все вокруг жалеют скупца. Он же весел в тюрьме:
«Пусть там казнят-расказнят,
а ведь грош-то при мне».

Понадобится около восьми десятков лет, чтобы эти басенного склада образы развернулись, как пресловутые «японские цветы», брошенные в воду, в пестрые сатирического стиля новеллы-басни у, скажем, Адольфа Дыгасинского (см. в сборнике «Автобиография осла» и ряд рассказов в его книге «Волки, собаки и люди», 1878).

4.

Несколько слов о стиле.

Уже в конце 18-го века так называемый *staropolski* (старопольской), конкретнее – *staroczlachetski* (старошляхетский) стиль, – как называли его впоследствии, стал уступать новым веяниям.

Выдвигался «контушовый» (*kontusyowy*) стилистический лад: яркий и праздничный, отливающийся блесками и языковыми переливами, как парадный шляхетский кафтан (иначе – контуш).

Но – как в политике – «контушовой шляхте» противопоставляется скромная «шарачковая» (*czaraczkowa*), то есть серая, обрабатывающая свое поле – рядом с «хлопами»¹¹ – шляхта, так и в литературе, к началу периода позитивизма, выдвигается этот сухой, гравюрно-четкий, простой по внешности, но сложный по внутреннему своему движению, язык.

Попытки возродить «контушовую» стилистику натываются на нетерпимое: *trup w kontuszu* (разодетый труп).

Неоромантизм (90-е годы и позднее) открывает двери стилям-пришельцам. Польская художественная литература наполняется немецкими, французскими словечками и, как ни странно, средневековой латынью. Вспомнился (вышел он, так, в 1910 году) сборник «молодых»: «*Frustra*» («Тщетно»).

Журнал-глашатай, к началу нашего века, называет себя: «*De arte et studio*» («et studio» вскоре отпадает, как явно излишний привесок).

¹⁰ польск. - *na pal* - на-кол.

¹¹ Здесь примеч. В. Перельмутера: «хлоп» – крестьянин (*chlup* – польск.).

⁹ Аналогичная тема бытует в русских народных сказках и песнях.

Однако даже «формизм» (нечто соответствующее русскому футуризму), экспрессионизм, имажинизм и откровенное «декадентство» принесли в польский неостиль некоторые обогатившие его элементы. Не буду брать крайних примеров. Но вот образчик так называемого рефрена, словесного повтора, взятого из более позднего произведения К. Тетмайера:

«...но с человеком случается иной раз, как и со щукой: в хребет вопьётся отломившаяся от древка острога и – с железом в теле она бросается то на середину пруда, то подплывает к берегу, пока, наконец, где-нибудь не подохнет».

И далее рефрен трижды (на протяжении пяти страниц) возвращается, слегка лишь варьируя очертания: «в глубину» (вместо «на середину») и «в такую минуту, пока не издохнешь, всюду одинаково грустно и одиноко» (тут уж речь – как будто – не о щуке...).

В. Берент, писатель очень осторожный в своих выводах, говорит – устами одного из персонажей, – правда, не о стиле польской новеллы, а о стиле в схватке клинка с клинком: турок, рубя, тянет лезвие на себя – русский ударяет сверху вниз – поляк бьет крест-накрест, наискосок.

Над этой словесной «диаграммой» стоит подумать.

Важнейший вопрос о роли так называемого чистого искусства в истории польской новеллы опровергается – почти начисто – ее практикой, точнее – тщетными попытками практики. В вечно «взбаламученном

море» польского искусства что-то не припоминается периодов абсолютного штиля, чистой, отцеженной поэзии. А. Дыгасинский так и писал на грани 20-го века: «У нас не было на это времени», а один из поэтов той же поры рифмовал в минуты отчаяния: «*evviva l'arte*» с «*Zycie nie me warte*» («да здравствует искусство» – подразумевается самозаконное – и «жизнь ничего не стоит»).

Но как только момент бездвижия, пауза бытия проходила и жизнь начинала чего-то «стоять», она овладевала и искусством.

Наша относительно небольшая по объему «Польская новелла» не имеет возможности предпринять литературные раскопки, заняться, так сказать, археологией вопроса. Что до новелл самого нового времени, то, остановившись у начала Второй Великой Отечественной войны (далее читателя поведут особые публикации Гослитиздата), мы дополним вводную статью лишь краткими справками о польских авторах-новеллистах в соответствующих местах сборника.

7.XI.1948

S.D. Krzhizhanovsky
ON THE POLISH NOVELLA

В.Г. Перельмутер

Мюнхен, Германия

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА О С.Д. КРЖИЖАНОВСКОМ И «О ПОЛЬСКОЙ НОВЕЛЛЕ»

Продолжение разговора об опубликованном очерке «О польской новелле»: почему очерк не был включен в СС Кржижановского; сохранилась ли рукопись с его почерком; все ли из наследия было опубликовано, и если нет, что и почему?

С.Д. Кржижановский (СДК), «О польской новелле», Собрание сочинений (СС) Кржижановского, почерк Кржижановского.

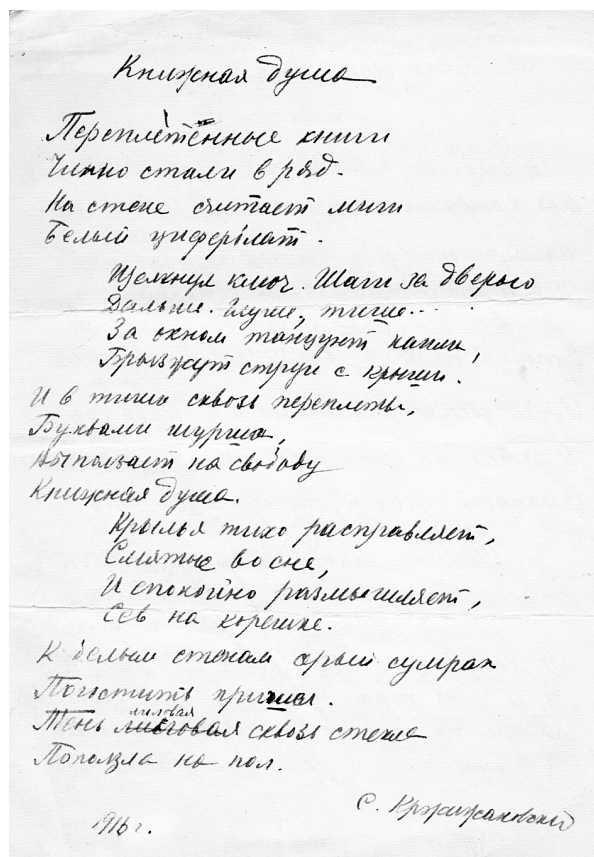
Л. Е. Очерк мне представляется столь много говорящим, что не могу не спросить, а почему Вы не включили его в Собрание сочинений?

В. П. Причины – самые разные. Прежде всего – «полное собрание» и не задумывалось. Первоначально намечалось 4 тома, потом стало 5, потом нашелся «Киевский архив-призрак», который искался четверть века, и там многое, чего нет в ЦГАЛИ-РГАЛИ, так что пятый том собрал более тысячи страниц, и его, естественно, разделили надвое. Из статей я целиком дал только шекспировские – в память об А.А. Аниксте, который считал это обязательным, и пушкинские. Далее пришлось выбирать: «Одноактная пьеса», будучи опубликованной, уступила место ненапечатанному (к тому же в Собрание не вошла ни одна одноактная пьеса самого СДК, потому было не очень логично печатать «результат» без его «происхождения»). «О польской новелле» долго думал и все-таки склонился к тому, что для «широкого читателя», под-разумываемого, конечно, эта вещь – без текстов, на которые ссылается автор, потому как его будущий читатель будет их иметь перед глазами, – будет сложноватой в восприятии, ну, и так далее.

Л. Е. Мне представляется, что даже без текстов очерк чрезвычайно любопытен, но прежде чем перейти к обсуждению, хочется переспросить. Сохранилась машинопись? Я правильно предполагаю, что прозу Кржижановский писал от руки, а размышления о литературе диктовал машинисткам? Или все диктовал? Мы знаем его почерк?

В. П. С почерком – сложнее: никаких рукописей прозы и статей у него не бывало, он диктовал (кстати, думаю, что привычка эта, естественная для того, кто «начинал стихами», но редчайше сохраняющаяся в дальнейших занятиях прозой), иногда – нечасто – правил по машинописи, но в «Новелле» правки нет – только вписанные им от руки польские слова и фразы. «От руки» в архиве – только Записные тетради (я их некогда отксерил, «позаимствовав» на несколько часов в Киевском Архив-музее), однако воспроизвести с ксероксов для СС оказалось делом бессмысленным – старая, пожелтевшая бумага, полустертый карандаш etc, некоторое количество стихов и несколько «дело-

вых» записей, ну, и, разумеется, письма. У меня есть только подаренные мне вдовую И.Н. Розанова несколько стихотворений СДК, выведенные им на бумаге специально для «коллекции» Ивана Никаноровича. Листок странным образом затерялся среди розановских бумаг, «в коллекцию» при жизни коллекционера не попал. И много лет спустя, когда я стал заниматься СДК, Ксения Александровна Марцишевская мне эти стишки подарила. Иллюстрацией почерка СДК это стать не может, почерк у него был «сложный», а тут он как бы вспомнил гимназические годы... Если сочтете интересным, можно дать.

Да, хотел Вам сказать, что именно после «О польской новелле» я стал именовать сочинения СДК (кроме повестей, каждая из коих, по-моему, независимо от

количества страниц, – роман) «новеллами». Ибо они совершенно соответствуют его собственному определению новеллы. Так что очерк, сочиненный, когда прозы уже не было, можно понимать как «автокомментарий».

Л. Е. Здесь, действительно, сошлось многое:

- автокомментарий – без кавычек, по-моему: автокомментарий для умеющего слышать,
- исторический комментарий: и время прекрасно ощущается, и звучит тема памяти,
- историко-литературный,
- историческая поэтика, о которой мне бы хотелось Вас расспросить.

Кржижановский знал об «Исторической поэтике» А.Н. Веселовского? Очевидно, что Сигизмунд Доминикович предельно скромн: «Наша относительно небольшая по объему “Польская новелла” не имеет возможности предпринять литературные раскопки, заняться, так сказать, археологией вопроса». Но как много он извлек!

Продуктивен его поиск первых «контуров» жанра – прановеллы: находки народных устных формообразований.

Он выходит к стихотворной форме: «Надо понять: в те давние времена “художественной” считалась только стихотворная форма, рифмы “держались за руки”, были смежными, словно боясь потерять друг друга в потоке скандированной речи».

Интересуется задерживающимся на долгое время «откреплением чисто прозаического (хотя и художественного) сюжета от стиховой формы».

Насколько я поняла, для Кржижановского рассказ, в отличие от новеллы, – первичная форма. А какие еще формы первичны для него?

Как я поняла, для него рассказ и новелла близки по объему, но существенное отличие в том, что рассказ движется по привычным линиям повествования (он «параллелен» жизни), новелла же, отклоняясь от действительности, вносит большее своеобразие. Ее тенденция – к эксперименту, к конденсированию, кристаллизации.

Дальше, если честно, я немного потерялась в его ощущениях. С одной стороны, рассказ для Пшибышевского и для Кржижановского – «жизненный анекдот, услышанный или прочитанный», не так ли? С другой – даже короткий рассказ для Кржижановского и для Ванцлава Берента многосюжетен. (Новелла односюжетна.)

Рассказ «переходит черту не “числом знаков” (это не так-то и важно), а числом значимостей, является своего рода “уравнением со многими неизвестными”». Но не много ли значима и новелла? Да, я помню его комментарий: «Рассказ, особенно новелла, это самоограничивающиеся жанры». Следовательно, новелла превосходит рассказ в самоограничении. Но, это «малое по объему литературное дело» ведь получается не менее многозначным и многоосмысленным?

В. П. Мне очень нравится, что – и как Вы прочертили. Подобное относится не только к «Новелле» – просто у него был такой – стереофонический (или полифонический) образ мысли. И, что меня когда-то особенно поразило, мысль его, как бы ни разветвлялась, все равно сходится в одно древо.

У меня при перечитывании новеллы возникло соображение, которое почему-то прежде в голову не приходило. Верней назвать – ассоциация: он упоминает «сюжетные ходы» или образы некоторых авторов – и я вижу, что вариации на темы этих ходов и образов (иначе, по-своему обдуманые) возникали в собственной прозе СДК. Например, про машину, которая может читать мысли, – тут и часть «антиутопия» в «Клубе убийц букв», и «абсорбатор злости» (и его вынужденная остановка) в «Желтом угле» и т.п. То есть речь идет, не больше и не меньше, о том, как «родная литература» (в данном случае польская, читанная СДК в довольно-таки раннем возрасте, по большей части в отрочестве) потом «влияет» на сочинения, созданные на языке «выученном» и ставшим «писательским». Я когда-то писал, что писатели, сочиняющие на «выученном», изначально «неродном» языке, часто становятся замечательными стилистами, потому что, выучивая язык, обращают внимание на некоторые его особенности, которые для «носителей языка» с детства сами собой разумеющиеся. Но здесь, по-моему, случай уникальный. Любопытно было бы в этом ракурсе поглядеть, например, на сочиненное Аполлинером или Конрадом.

Л. Е. Да, с Кржижановским любопытно во многое углубиться.

Собрание сочинений делалось с приключениями?

В. П. Я давно заметил, что, когда всерьез влезешь в какую-то работу, то постепенно возникает нечто вроде магнитного поля, в которое втягиваются как бы сами собою события и вещи, нипочем не случившиеся, ежели искал бы их специально. И в этом поле подчас происходит то, что «не могло бы», то бишь находится, например, выход из тупика. «Киевский архив» СДК – его бумаги, которые жена увезла в начале 60-х в Одессу, искали с начала 80-х, не только я. Было точно известно, что он существовал, что после смерти жены был передан ее сестрой в Одесское отделение Литфонда СП Украины и... все. Ни следа – ни в Одессе, ни в Киеве.

Осенью 2005-го, заканчивая подготовку пятого тома, я стал собирать картинки для вклейки, и мне понадобилась фотография артиста и режиссера В. Сладкопещева, некогда весьма известного. В Москве таковой не нашлось, и я позвонил из Мюнхена в Киев своей приятельнице в Булгаковский музей, попросил заглянуть в Архив-Музей, поискать фото, а заодно, коли будет четверть часа свободная, пролистать алфавитный («упоминательный») каталог – вдруг в каких-нибудь фондах есть упоминания СДК или, скажем, письма его. Он ведь со многими знаменитыми киевлянами был знаком-связан. Вечером открываю почту – и получаю вопрос: не хочется ли мне ознакомиться с... фондом С.Д. Кржижановского, который – по записи – был передан в Архив-Музей в 1972 году женой СДК А.Г. Бовшек. Последнее – «в стиле СДК»: Анна Гавриловна умерла в 71-м. Но мне уже не до деталей (позже – по совету моему – дату поправили), спрашиваю: нет ли там, часом новеллы «Красный снег»? На следующий день – есть! И приложена полная опись фонда. Стало быть, надо ехать: куча того, о чем даже не слыхивал. Весной 2006-го, собираясь в Москву на

презентацию 4-го тома, договариваюсь с издателем – и меня по приезде уже ждет билет в Киев, на три дня, а там, – опять же, по моей просьбе, Мирон Петровский сумел сделать так, что к моему приходу в читальном зале уже лежали все заказанные «номера».

Когда отобрал – для копирования – все, что мне было нужно для работы, выяснилось, что за один день (третий оказался коротким – канун Пасхи) они не могут столько накопировать, их «техника» не пригодна к таким скоростям. Ну, я и вынес все это в сумке («чтобы милиционер дежурный не заметил») – будто победать вышел. Дальше – всякие забавные подробности, которые тогда вовсе не казались мне забавными, ведь в сумке полтыщи страниц неизвестного СДК, а скопировать – где? В итоге все машинописные тексты были скопированы мне на ксероксе... Верховной Рады, а Записные Тетради – на Главпочтамте (то бишь – на Майдане Незалежности).

Или такой – попроще – случай. В 98-м просиживал я днями в Баварской библиотеке – готовил книжку «Пушкин в эмиграции. 1937». Как-то пришел работать – и нет заказанных текстов. Извинились, погуляйте, говорят, минут двадцать, исправимся. И пошел я по полупустому в полдень читальному залу. По пути на краю одного из столов – подшивка ЛГ на 1941 год. Присел, полюбопытствовал – распахнул наугад. И... первое, на что попал – заметка о том, что С.Д. Кржижановский читал свои рассказы в ЦДЛ на заседании «секции рассказчиков» Союза Писателей. В марте. Об этой читке – нигде и ни малейшего упоминания. Никто бы не нашел – просто потому, что не стал бы искать...

Я намереваюсь в книжке сделать отдельную главу про такие вот случаи-как-бы-случайности, которые сопровождали меня почти все три десятилетия занятий СДК, стойкое ощущение, что он мне помогал-соучаствовал. Этакий приключенческий жанр в литературоведении...

Л. Е. Да, я люблю это Ваше слово: литературоведение. И Стихо-Творения. Из Вашей последней книги многое запомнилось, например, «...зубы злобы дня легко ломаются и быстро выпадают...», «“Вместо мудрости – опытность...” С возрастом граница как будто стирается. И хочется поделиться. Но ни мудрость, ни опыт делением не размножаются» [1, с. 338]. Автор, похоже, влияет на своего исследователя. Я различаю в Вас то, что от Кржижановского. Вы все опубликовали или что-то осталось?

В. П. Ну, я уже говорил, что Собрание сочинений изначально не мыслилось как «полное». Это занятие «академическое», которое мне неинтересно. Напечатать *полностью* мне хотелось только прозу, которая, во-первых, практически была не знакома даже его современникам-читателям, шесть новелл и маленькая повесть, врасыпную мелькнувшие в периодике двадцатых и начала тридцатых годов, – не в счет. Тем более что самых *зрелых*, лучших его вещей среди опубликованного не было.

И я думаю, что он и уцелел в годы репрессий, скорей всего, именно потому, что его не печатали. Потому что, будь опубликованы «Боковая ветка»,

«Клуб убийц букв», «Возвращение Мюнхгаузена», «Воспоминания о будущем», автор неизбежно очутился «на виду», стал бы *слишком* заметен. А в конце тридцатых к этому легко приплюсовали бы, на это «мастеров» в НКВД хватало, и то, что ходил читать свои сочинения к жившему в соседнем доме Л.Б. Каменеву, с которым еще и сотрудничал в издательстве «Academia» – при подготовке Собрания сочинений Шекспира, правда, то сотрудничество *печатного* результата не дало – из-за сокращения заявленного поначалу издательством количества томов, тем не менее оказалось – для Кржижановского – плодотворным: отсюда взяла начало вся шекспириана его; и то, что в числе ближних друзей Кржижановского был Михаил Левилов, высоко ценимый Н.И. Бухариным в «Известиях» и – одновременно – Каменевым в «Academia».

Я сказал «скорей всего», но сам-то – уверен. Потому что именно такая судьба постигла современника и хорошего знакомого Кржижановского – Михаила Козырева. Его повесть «Ленинград» (которую, кстати, мне тоже удалось впервые напечатать – в издававшемся лет тридцать назад альманахе фантастики «Завтра») не была опубликована. Однако автор не раз и не два читал ее – на заседаниях «Никитинских субботников», в московских издательствах, где иногда собирались писатели и критики послушать неизданные («пока» или «еще») сочинения. Он пытался опубликовать «Ленинград». Безуспешно, относительно вегетарианские времена к концу двадцатых закончились. Однако повесть была известна многим, ее слышавшим. И даже удостоилась напечатанной большой рецензии, написанной одним из самых известных литературных критиков тех лет. В июле сорок первого, то бишь через шестнадцать (!) лет после завершения повести, был арестован. За то, что, как сказано в его энкавешеском *деле*, «написав в 1924 г. повесть “Ленинград” с контрреволюционным содержанием, хранил ее до момента ареста его и распространял среди знакомых» (отмечу, что им, в НКВД, не до «деталей» было, нам же стоило бы сказать, что на самом деле – написал в 1925-м, под впечатлением от *переименования* Петрограда), дальше можно не цитировать, оно – *стандартно*, как в мириадах подобных «протоколов». И в начале сорок второго был забит насмерть в Саратовской тюрьме (или, как сказано в официальном документе, «не вернулся с допроса»).

Я неизбежно отвлекся – меня уже много лет спрашивают, в самых разных аудиториях, почему он, Кржижановский, уцелел...

Возвращаюсь к Вашему вопросу. Прозу в СС удалось напечатать полностью. И тоже – *чудом* (о других *чудесах* уже упоминал).

Сперва в Киеве обнаружилась новелла «Красный снег». О ней было известно, что – завершена. Упоминается и самим СДК, и его женой – в воспоминаниях. Однако текста не было. Прочитав эту вещь, я понял – почему Анна Бовшек не рискнула отдать ее в ЦГАЛИ. Да и, насколько могу судить по машинописи, сам автор не рискнул диктовать ее профессиональной машинистке, то бишь человеку *чужому*. Машинопись явно непрофессиональная, с ворохом, на машинке же, неловко правленных опечаток и, вероятно, «ослышек».

Там же, в Киеве, нашлись две маленьких поздних – послевоенных – новеллы. И «пробные» главы двух романов, ненаписанных, потому как издательство, ознакомившись с этими «заявками» (и, добавлю, представив себе – что за сим может последовать), от дальнейших «дел» с таким автором отказалось.

А шестой том СС, уже готовый к печати, пришлось переверстывать, потому что в последний момент, буквально – накануне подписания книги в печать и отправки в типографию, нашлась новелла «Невольный переулочек», которая считалась... ненаписанной. Впрочем, про это я подробно писал в комментариях к шестому тому, повторяться не стоит.

Итак, три тома прозы. Том статей – у них судьба была поблагополучней. Большинство печаталось, специалистам было неплохо известно, ну, скажем, Дмитрий Урнов и Марк Соколянский мгновенно среагировали на упоминание мною статей СДК о Шекспире. А из неопубликованного в том не попали, как уже сказано, «польские» работы и еще несколько, на мой субъективный взгляд составителя, либо варьирующих уже более или менее сказанное в других статьях, либо не особенно интересных сегодняшнему читателю, не знакомому с тем контекстом времени, в котором они возникали. Кое-что мне было жалко оставлять вне СС, но том-то не резиновый. А «заезжать» в следующий означало порушить изрядно, так сказать, композицию замысла...

В пятом томе предполагалось поместить две наиболее ярких пьесы СДК (то бишь дать некоторое представление о Кржижановском-драматурге), Записные Тетради (полный текст которых тоже был найден в Киеве), переписку Кржижановского и Бовшек, воспоминания о нем. А также, с самого начала, с первого разговора с издателем, я решил, что завершать издание будет работа В.Н. Топорова «“Минус”-пространство Сигизмунда Кржижановского», которую я и теперь считаю лучшим, что написано об этом художнике. Тогда же, в девяносто девятом, Владимир Николаевич дал мне согласие на эту публикацию – перепечатку из его книги «Миф. Образ. Символ» (хотя обычно, как сказал мне, был категорически против перепечатки уже им опубликованного).

Длинный получается ответ. Расшифровка лаконичного – «опубликовано не всё». Могу и еще немного уточнить. Сейчас, готовясь писать книгу о Кржижановском, я подсчитал – по скопированным описям архивных фондов, что вне Собрания сочинений осталось примерно восемь сотен страниц этого автора. Так что, ежели когда-нибудь будет затеяно издание «академическое», шести томов для него будет маловато...

Л. Е. Спасибо Вам! И за публикации, и за разговор.

Литература

1. Перельмутер, В.Г. Записки без комментариев / В.Г. Перельмутер. – Москва: Б.С.Г.-Пресс, 2017. – 384 с.

V.G. Perelmuter, L.V. Yegorova

CONTINUING THE DISCUSSION OF SIGISMUND KRZHIZHANOVSKY AND HIS ESSAY «ON THE POLISH NOVELLA»

Continuing the discussion of the previously unpublished essay «On the Polish Novella»: why was it not included in Krzhizhanovsky's Complete Works; has a manuscript in his own hand survived; what items that he left have been published, or, if not, what has not been, and why not?

Sigismund Krzhizhanovsky, «On the Polish Novella», Krzhizhanovsky's Complete Works, Krzhizhanovsky's handwriting.

О.В. Лескова

Информационно-методический центр, Вологда

**ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ГЕРОЯ ВОСПОМИНАНИЙ П.В. ЗАСОДИМСКОГО
ОТ ПОСТАНОВКИ ПЬЕСЫ «ВОЛЧИХА» В ВОЛОГОДСКОМ ТЕАТРЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВЫ «В ВОЛОГДЕ И В ЛЮБАНИ», «МОИ СКИТАЛЬЧЕСТВА»)**

Воспоминания писателя и публициста П.В. Засодимского являются кладезем исторических фактов, подтверждением многих общественно-политических и культурных событий Вологды и Русского Севера второй половины XIX века. Среди событий, нашедших отражение в мемуарах писателя, есть постановка пьесы П.В. Засодимского «Волчиха» в вологодском театре. Процесс постановки и игра актеров на сцене театра, зафиксированные в воспоминаниях П.В. Засодимского, – неценное писательское наследие автора мемуаров, позволяющее по истечении полутора столетий воссоздать атмосферу театральной Вологды XIX века.

Театр, воспоминания.

Влияние театра на общественную жизнь невозможно переоценить. В театре зрителя привлекает возможность непосредственно пережить события, происходящие на сцене, увидеть их без прикрас, оценить демократичность этого вида искусства. Театр влияет не только на развитие культуры, но и определяет, пусть и опосредованно, принципы общественно-политической жизни. Заметный рост просветительского значения театра, в особенности провинциального, можно констатировать во второй половине XIX века.

В Вологде, в губернском центре, история театра берет начало еще в 90-х годах XVIII века. Тогда в здании Общественного призрения (современный адрес – ул. Галкинская, 1) открылся первый городской общественный театр, просуществовавший вплоть до 1819 года. В репертуаре первого театра Вологды были комедии Д.И. Фонвизина, пьесы А.А. Шаховского, словом, классический набор постановок для русских театров начала XIX века. После того, как здание первого городского общественного театра передали в ведение гимназии, новая труппа, возглавляемая антрепренером Н.И. Ивановым, стала давать спектакли в доме откупщика В.А. Кокорева на ул. Кирилловской (современная ул. Ленина). Вторая попытка существования театра в Вологде закончилась в 1843 году, когда театральное помещение передали под жилье. По утверждениям краеведов, в частности исследователя А. Бунцельмана (1946), до 1849 года Вологда жила без этого вида искусства [1].

В 1849 году театр Вологды получил новое здание – на пересечении улиц Гостинодворской и Малой Благовещенской (современный угол проспект Победы и ул. Батюшкова), и именно этот год многие исследователи считают точкой отсчета в истории существования вологодского театра. Возглавил театр Борис Соловьев. Через десять лет пожар не пощадил дощатое здание, и с 1863 года новым адресом для вологод-

ских театралов стал дом купца Грачева на Большой Архангельской улице (современная ул. Чернышевского). В апреле 1874 года здание на Б. Архангельской снесли, а на восточном краю Плацпарадной площади (ул. Зосимовская, 5) построили новый театр. Основной принцип работы театра 70-х годов XIX века в Вологде заключался, как пишет издатель «Северной Земли» и «Вологодского листка» А.А. Галкин, в том, чтобы «поменьше истратить, побольше получить» [2, с. 52–53]. Этот принцип работы распространялся на театральные постановки Вологды еще несколько десятилетий, все чаще вместо постановок с участием постоянной местной труппы сцену предлагали под сезонные антрепризы. Так, во время сезонной антрепризы Корсакова в 1891–1892 гг. на сцене вологодского театра была поставлена пьеса П.В. Засодимского «Волчиха». О постановке сохранились замечания, нашедшие отражение в воспоминаниях писателя.

Мемуары П.В. Засодимского «Из воспоминаний» и «Мои скитальчества», которые, как правило, исследователи объединяют в одно произведение «Из воспоминаний», охватывают временной период с 1843 по 1892 гг. в самых разных его проявлениях. Здесь собраны откровенные и исповедальные воспоминания эпохи последнего пятидесятилетия XIX века. Произведение «Мои скитальчества» было опубликовано в 1908 году в Типографии Т-ва И.Д. Сытина в Москве. В сюжете второй части мемуаров описаны события двух последних десятилетий жизни автора. Мемуары Засодимского являются исторически интересным размышлением над эпохой благодаря изображению колорита нации через призму северных и северо-западных регионов России, через облик Вологодской губернии 1860–1870-х гг., через личностный анализ общественно-литературных веяний второй половины XIX века.

В «Моих скитальчествах» П.В. Засодимский пишет о премьеры «Волчихи» в вологодском театре.

Описание подготовки к премьеры и рассказ о самом спектакле в тексте мемуаров присутствуют лишь на нескольких страницах, но позволяют не только установить конкретную дату спектакля, но и имена актеров, задействованных в постановке. Дата премьеры – 3 декабря 1891 года. «3 декабря шла моя пьеса», – пишет в мемуарах П.В. Засодимский. Место премьеры не указано, информацию о нем можно лишь частично восстановить из контекста воспоминаний. Автобиографический герой незадолго до премьеры подхватывает «жестокую инфлюэнцу» [3, с. 30], и единственная характеристика здания вологодского театра, которую получает читатель от героя мемуаров, такова: «Вследствие болезни я не мог бывать на репетициях моей пьесы. Но на последнюю репетицию я решил непременно пойти, хотя с моей стороны было довольно рискованно: едва оправившись и еще ни разу не выходя из дому, идти в театр (в холодный сарай), на сцену, со всех сторон продуваемую сквозняками. Но этот выход сошел для меня благополучно, без возврата инфлюэнцы» [3, с. 31].

Рассказ о спектакле у героя мемуаров основан на рефлексии и самокритике. При этом появляется, если точнее выразиться, двойная рефлексия: получается, герой анализирует состоявшуюся постановку через семнадцать лет. При этом читатель не сразу угадывает эту мистификацию мемуариста: в начале рассказа складывается ощущение, что автобиографический герой именно в этот момент следит за разворачиванием последней сцены спектакля в вологодском театре. В анализе пьесы употреблены глаголы несовершенного вида, что также подчеркивает незаконченность действия: «Только теперь, когда пьеса разыгрывалась на сцене, я увидел все ее слабые стороны, – длинноты некоторых монологов, неуместные паузы и т. д.» [3, с. 31].

Автобиографический герой П.В. Засодимского не упоминает в театральных воспоминаниях имени автора «Волчихи» и вообще всячески старается отстраниться от славы писателя. Герой мемуаров после спектакля говорит о драматурге в третьем лице, однако, практически сразу употребляя притяжательное местоимение «моя» по отношению к постановке. «Публика дружно вызывала артистов и автора, – автора-то, вероятно, не за пьесу, а просто из чувства патриотизма, как земляка... Немного позже, 26 декабря, моя пьеса шла в Москве на сцене одного частного театра и еще где-то» [3, с. 31], – поясняет герой мемуаров.

В рассказ о театре П.В. Засодимский, как и в других структурных частях воспоминаний «Мои скитальчества», вводит имена реальных персонажей культурного общества Вологды в 1891–1892 гг. Это театральный антрепренер Н. Корсаков (руководил «товариществом драматических артистов») и фельетонист А. Федоров («ученик А.Н. Майкова, близкий друг И.А. Бунина, приятель А.П. Чехова, А.И. Куприна, литературный наставник К.И. Чуковского и

В.П. Катаева» [4, с. 171]). Имя артистки, сыгравшей главную героиню пьесы, «Волчиху», не названо. «Игрой же артистов я остался вообще доволен. «Волчиха» была недурна, хорош был и Корсаков в роли Митюхи и А. Федоров в роли молодого ямщика» [3, с. 31], – пишет Засодимский.

После рассказа о вологодской премьеры герой мемуаров вспоминает еще об одной декабрьской постановке «Волчихи» в 1891 году. «Немного позже, 26 декабря, моя пьеса шла в Москве на сцене одного частного театра и еще где-то» [3, с. 31], – рассказывает автобиографический герой. Вслед за уточнением даты московской постановки герой признается от имени автора: «Это был мой единственный серьезный опыт на поприще драматургии» [3, с. 31]. Искренность повествования об истории создания пьесы «Волчиха», переделанной из повести для театральной актрисы П.А. Стрепетовой, стирает границы между автобиографическим героем и автором драматического сценария, на первый план выдвигается реальная история написания «Волчихи». «Эта пьеса – переделка из моей же повести: я вздумал написать пьесу по совету одного нашего уважаемого драматического артиста и покойной, но незабвенной П.А. Стрепетовой, причем я пользовался ценными указаниями и советами ее и А.Н. Плещеева. Кроме Стрепетовой, с моей пьесой был знаком М.И. Писарев, а Плещееву я сам ее читал летом 1886 года, когда Ал. Ник. жил на даче (близ ст. Ушаки). Роль «Волчихи» предназначалась Стрепетовой, но я не решился представлять свою пьесу на суд литературно-театрального комитета, ввиду страшных слухов об этом грозном ареопаге, – и пьеса моя осталась под спудом (на сцене народных театров она была запрещена)», – пишет П.В. Засодимский.

Театральные впечатления автобиографического героя П.В. Засодимского неразрывно связаны с авторскими впечатлениями. В воспоминаниях герой мемуаров и автор взаимодействуют как дистанционно, так и довольно близко. Временные отношения героя и автора выстраиваются через рефлексивный творческий процесс, в мемуарах дается своеобразная оценка театральных нравам Вологды.

Литература

1. Бухцельман, А. Театральная культура в Вологде в конце XVIII и первой половине XIX века [Электронный ресурс] / А. Бухцельман. – Режим доступа: <http://rgali.ru/object/236460962> (дата обращения: 08.11.2018).
2. Ильин, Б.В. Вологодский театральный календарь. Справочник 1914–1917 / Б.В. Ильин. – Вологда, 2000. – С. 52–53.
3. Засодимский, Павел. Мои скитальчества (1891–1892 г.) / Павел Засодимский. – Москва: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908.
4. Сырова, Ю.Н. О литературном наследии Александра Митрофановича Федорова / Ю.Н. Сырова // Филологические этюды. – Саратов, 2006. – Вып. 9.4.1 – С. 170–174.

O.V. Leskova

**THEATRICAL IMPRESSIONS OF THE PLAY «THE WOLF» AT THE VOLOGDA THEATRE
(on the material of chapters «In Vologda and Lyuban», «My Roving» from the memoirs by P.V. Zasodimsky)**

The memoirs by P.V. Zasodimsky, the writer and publicist, are rich in historical facts. They confirm many social, political and cultural events happened in Vologda and the Russian North in the second half of the 19th century. The staging of the play “The Wolf” by P.V. Zasodimsky at the Vologda theater is one of them. The description of staging and acting in the memoirs by P.V. Zasodimsky is invaluable literary heritage which makes it possible to restore the atmosphere of theatrical Vologda of the 19th century after a century and a half.

Theatre, memoirs.

А.В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет

ДВОЙНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ: ЛИРИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЖ ДРАГОМОЩЕНКО И ЭРМИТАЖНОЕ СОБРАНИЕ ИСПАНЦЕВ

В статье доказывается, что в стихотворении Аркадия Драгомощенко «Быстрое солнце» дано косвенное описание как эрмитажной картины «Петр и Павел» Эль Греко, так и вообще испанской коллекции как некоего целого, так что ряд ассоциаций в этом стихотворении объясняется соседством в Эрмитаже тех произведений, на которые и сделан намек. При этом Драгомощенко не просто воспроизводит сюжеты картин, но сопоставляет свои поэтические приемы с живописными, наблюдая за развитием действия и соотношением реального и фантастического в этих произведениях живописи. Метафорическая поэтика Драгомощенко, отрицающая как сведение вещей к объектам, так и понимание их как исключительно изменчивых, обращается к испанской живописи Контрреформации как достаточно фантазийной и косвенно продолжившей францисканское понимание телесного и вещественного мира.

Поэзия и живопись, экфрасис, музейные собрания, музейные впечатления, лирический персонаж, живописные мотивы, образ художника, Драгомощенко, Эль Греко, испанская живопись, Контрреформация.

Кондратий Теотокопулос – сквозной персонаж лирической книги Аркадия Драгомощенко «Ксении» [1, с. 62–64], которого предварительно можно определить как alter ego или лирический голос поэта. Уточнить дистанцию между лирическим персонажем и суммой лирических высказываний, «суммой поэтики», как это называет Александр Скидан, один из самых преданных толкователей Драгомощенко [11], возможно только если понять, как выходит данный персонаж за пределы замысла книги. Этой дистанции не могло не возникнуть там, где «телесный опыт <...> одновременно есть опыт лингвистический» [10, с. 75], иначе говоря, где телесное переживание видимого и ощущаемого и есть выработка языка, тогда как странность в языке означает только взгляд с непривычной позиции уже на увиденное. Действительно, новый взгляд на уже увиденное, претендующий и на истолкование сложной гаммы визуальных впечатлений, встречается и в следующем сборнике Драгомощенко «Фосфор» [2, с. 241–242], в котором воспроизведено, со значительными сокращениями и редакторской проясняющей правкой, стихотворение «Быстрое солнце», своеобразный эстетический манифест в составе и первого, и второго сборника. Вместе с образностью в нем остался и Теотокопулос как персонаж, медитирующий и определяющий своей медитацией порядок действий и саму возможность помыслить действия как некоторые картины.

Объяснения такого нового взгляда в драгомощенковедении давались разные, в частности, в них видели самораскрытие в поэзии структуры эссе как демифологизации бытового опыта и одновременно обобщения интеллектуального опыта [9, с. 166], как самораскрытие поэтической образности, например воды, в самой структуре текста (текучесть) с соответствующими последствиями для лирического сюжета

[5, с. 167], как намеренное преодоление представлений о мимолетности творческого акта и творческого восприятия [7, с. 270–271]. Но эти объяснения скорее моделируют поэтику Драгомощенко, показывая ее отличие от поэтик других современных поэтов, чем объясняют ее внутреннее развитие. Поэтому нам надлежит сделать шаг вперед в сравнении с уже сделанным.

Фамилия лирического персонажа Драгомощенко совпадает с фамилией знаменитого греко-испанского живописца Доменикоса Теотокопулоса (1541–1614), в российской историографии упоминающегося прежде всего под псевдонимом Эль Греко (Грек). Этот персонаж – грузчик, работник склада, с францисканской нежностью относящийся к товарам, милостивый. Такая францисканская милость очень важна для понимания функции этого персонажа для строения лирического высказывания: историческое францисканство привело к реформе живописи, которая перестала быть совокупностью поучительных моментов и стала сплошным впечатлением [6, с. 52–55]. Сплошная роспись стен «кадрами» Джотто, развитие сложных высоких алтарей, обживание пространства подражаниями, начало которому положил вертеп самого св. Франциска, – все это говорит о том, что Теотокопулос видит в вещах не просто важные для него события, но определенные визуальные впечатления, способствующие его самоопределению.

Мы предполагаем, что появление имени Теотокопулоса не сводится только к южному или черноморскому колориту стихотворений, но имеет в виду именно Эль Греко как художника. Если обратиться к ранним работам Доменикоса Теотокопулоса, когда он еще был иконописцем, видно, как пространство иконы его стесняет, ему хочется вместить больше людей и больше архитектурного декора в ограниченное пространство. В некотором смысле когда он был иконо-

писцем, он был более «ренессансным» художником, чем когда как испанский живописец он вернулся к некоторым «византийским» особенностям, прежде всего, условностям в изображении лиц, если под ренессансными чертами понимать «разнообразие», стремление схватить множество явлений как часть одного и того же переживания пространства и тем самым пережить многослойность пространства культуры [3, с. 70–79].

Но также мы предполагаем, что если для Драгомощенко важна встреча с организованной культурой и что он поэт не отдельных впечатлений, а жизненно-го мира, то его обращение к Эль Греко было связано и с глубоким переживанием этих образов, причем как некоторого комплекса внутри маршрута встречи с Эль Греко, как возможны и другие маршруты встреч сразу с несколькими произведениями искусства в исповедальной лирике [8, с. 69–70]. Настоящий Эль Греко есть в нашей стране в Эрмитаже – это «Петр и Павел», картина, поступившая в Эрмитаж только в 1911 году как дар П.П. Дурново, и «Святой Бернард», трофейная картина, ставшая доступной зрителю только в постсоветское время. До дара Дурново Эрмитаж хотел гордиться наличием в нем Эль Греко, поэтому приписал Эль Греко приобретенный Александром I портрет Алонсо Эрсилья-и-Сунига. Хотя эта атрибуция и сохраняется во многих справочниках, она невероятна для любого зрителя, хоть немного разбирающегося в истории искусств. А.Н. Бенуа, преодолевая смущение, говорил, что «великий художник... представлен посредственным портретом поэта Алонсо Эрсилья-и-Сунига, и отдаленно не намекающим на страстность, на изумительный зеленый колорит этого дикого фантаста» [4, с. 70]. Фантастом он называет эпика за его небывалые приключенческие сюжеты, в которых, конечно, ничего дикого не было, одни только условности и ожидаемые топосы.

«Петр и Павел» представляют собой по сути диптих: резкая смена фона разделяет по вертикали картину на две равные части, и оба апостола предстают каждый на своем фоне. Атрибут апостола Петра, ключ, наполовину спрятан под его одеждой, что указывает на неявленность судеб будущего века, в противовес кальвинистскому учению о предопределении, тогда как книги апостола Павла раскрыты прямо перед читателем, делая тем самым каждого зрителя читателем, и опять же преодолевая протестантское учение о том, что только текст Писания, но не какое-либо изображение, способен сообщать откровение. Таким образом, перед нами типичное произведение Контрреформации: сами персонажи, их позы, их атрибуты подбираются так, чтобы опровергнуть как особенности протестантского вероучения, так и протестантское недоверие к образам.

Если брать развеску Эрмитажа советского времени, до появления «Святого Бернарда» из запасников, то рядом с Петром и Павлом, как и сейчас, находился ложно атрибутированный портрет Алонсо Эрсилья-и-Сунига, а с другой стороны – тоже изображение поэта, но кисти другого художника, портрет Лопе де Веги, созданный Луисом Тристаном как раз в год смерти Доменикоса Теотокопулоса. Эти портреты будут тоже истолкованы по ходу стихотворения.

Эпиграф к исследуемому стихотворению «Быстрое солнце», *the sun moves so fast*, взят из новеллы Гертруды Стайн «Миссис Рейнольдс» (1952) и контекст отзывается в начале стихотворения: в новелле Стайн героиня, прежде открыв разнообразие качеств и свойств вещей мира, открывает их временность, что невозможно не быть вовлеченным в мир вещей, если ты его видишь. Именно эти переживания героини Драгомощенко передает в первых строчках: изумление тому, что не только вещи меняются со временем, но и что ты меняешься вместе с ними:

Никто не ждет ее,
однако звучит – вот, наступает осень,
misterium fascinatum, и завесы косых холодов, туманы,
вскипающие к чаше вещей
из створов птичьих зрачков, глядящих долу,
развернутые паруса плодов,
почернелые фасольевые стручки,
несмутные небесные головы в летейских нимбах ботвы
вернут вновь очарование низинам.

Такой осенний пейзаж как «фасцинирующая (религиозно изумляющая) мистерия» передает некоторые образы Гертруды Стайн, но пересекается с тем, как Бенуа описал другое испанское произведение, также купленное Александром I для Эрмитажа, «Поклонение пастухов» Хуана-Баутиста Дель Майно. Бенуа считает, что это произведение – уникальный случай караваджизма, ориентированный не на позднего, а на раннего Караваджо, на более легкую, прозрачную и красочную гамму. «Эрмитажная картина Майно вся светится, вся в рефлексах и не будь какой-то беспомощности в композиции, чего-то чересчур наивного в позах и в пестроте красок – это было бы первоклассное произведение. Кусочек “мертвой натуры” на первом плане достоин самых первых мастеров живописи» [4, с. 69]. Иначе говоря, в этом произведении Бенуа усматривает сочетание пейзажа и натюрморта, что соответствует последней строке в экспозиции стихотворения Драгомощенко: действительно, плоды возвращают «очарования низинам», благодаря тому, что наверху есть «небесные головы» ангелов, более того, ангелы просто переполняют небо.

Тема поклонения волхвам продолжается дальше, когда с пятнистых холмов спускаются «некие путники»:

Словно некие путники, опускаясь с пятнистых холмов,
рты чьи светлы смолистой сухой пустотой,
на короткое время оживут за спиной
(рассохшейся крови подобно в висках
или, как пальцы, что, не касаясь ни плоскости,
завершающей вещь, ни листа,
сливаются в узел усилия,
начал приостанавливая насилие), чтобы
вовлечь в тонкорунную речь сизых стеклянных игл,
равно как ровного звучания восточного ветра
среди виноградно горящих снопов,
читающего по дискам выпуклым глины.
Избирается сеเปีย, серп, пурпур, багрянец и рек узкая магма.

В последней строке описана нижняя часть картины, с алыми и коричневыми одеждами, магмой земли, глиной. Но в этом отрывке преобладает довольно подробный экфрасис другого произведения испанского зала, продолжающего сюжетно «Поклонение пастухов»: «Бегство в Египет» Бартоломе Кардуччо,

флорентийского художника, работавшего при испанском дворе. Следует заметить, что холмистый пейзаж господствует в испанской части Эрмитажа на еще одной картине – «Чудо с хлебом и рыбами» Педро да Оренте, но там никто не спускается с холма, хотя цветовые решения исключительно интересны. Кардуччо изобразил, как святое семейство спускается с холма, вниз, по направлению к зрителю, и за ними ангелы на фоне фантастических деревьев кажутся уже не принадлежащими небесной области, как в Рождестве, но спустившимися в мир разноцветных холмов, с разными цветами и растениями, весьма фантастически тоже подобранным. Они как раз находятся за спиной Марии с Младенцем, они молчат, губы их плотно сомкнуты, в отличие от поющих ангелов Рождества. Узел усилия Иосифа, одновременно сжимающего палку, несущего котомку под мышкой и сопровождающего осла, противостоит насилию Ирода.

Пальцы Иосифа, напряженного и ушедшего в себя, не касаются плоскости, не соприкасаются с ангельским миром, в отличие от Рождества, где мы именно видим набор плоскостей, ангельской, пейзажной, жанровой и натюрмортной, так что все жанры соприкасаются. Тут только нужно полагаться на уверенность пальцев. Наконец, если метафорическое описание холода и холодного ветра в приведенном отрывке понятно даже тому читателю, который никогда не ставил целью разбираться в метафорах Драгомощенко, хотя бы потому, что бегство в Египет должно было быть сразу после Рождества, то виноградные снопы мы узнаем только при взгляде на картину, где видим, как ангелы парят над фантастической пальмой, плоды которой напоминают не то грозди, не то снопы. И тогда понятно из этого описание и внимание к смоле, к блеску картины, как бы горящая смола, но и к глине, масляным краскам – вспышка Рождества не может быть высказана беженцами в Египет, даже ангелы о ней молчат, об этом мировом пожаре, но ангелы присутствуют в фантастическом пейзаже, который становится как реальный, как выпуклая глина масляных красок.

Но мировой пожар (экипирис) – тема Гераклита, как и тема постоянного течения мира, постоянной изменчивости вещей как реки, уносящей отражения имен:

В которой, однако, снова однообразно звучит
то, как «вода, уносящая отражения,
льнушим вдохом травы приблизится к сердцу».

Тема изменчивых вещей и ненадежных имен как отражений неизвестно чего рассмотрена в диалоге Платона «Кратил», которым и заканчивается все стихотворение. Кратил – ученик Гераклита, и как раз об именах как отражениях отражений идет основная речь в диалоге. Но пока на него дан только намек, отчасти проясняющий, почему вторая часть подверглась редактированию. Проанализируем вторую часть, отметив квадратными скобками опущенное во второй редакции, а угловыми – добавленное.

Стяжений расшатаны скрепы. Рот – литера О.
[Мысль пьет из впадины тени, отрекаясь от слова.
Слева яснеют к ночи в купели огни,
себя расточившие в близости, в расстоянии.]

Снова[, если стопа находит ступень,]
тело, исполняясь белыми днями,
считывается безмянно, как тень, – облако
слистывается с луны, тяжелы корою кусты и изморось
проникает в дом.

Как мы видим, во второй редакции исчез сюжет «Кратила», отношения мысли и слова, и одновременно ступеней познания, о которых говорит Сократ, остался только условный пейзаж. Здесь уже появляется голос, и уже переживаются не имена вещей, а их звучание, слистывание, изморось, некоторые следы вещей:

Исцеление кремня, воды, ресниц,
соломы блуждающей, крон. Никто не взмахивает рукой,
как <принято> при отплытии [, – нет, никто,]
указуя на возможный якобы путь, которым
двигаются времена года
или раскрытых кругов оперенная ртуть.
[Но] не вестник,
коршун [один], надламывая светом крыло, сопровождает[,
стиснувшем жажду серпом.] Гелиоса темную колесницу.

Здесь круговорот времен года сравнивается с испарением ртути, с движением темной колесницы Гелиоса и с другими круговоротами, которые скорее происходят во тьме, иначе говоря, время приходит из тьмы и выхватывает вещи из тьмы. И как раз здесь закономерно ожидать появления Петра и Павла, единственного полностью «караваджистского» из испанских произведений Эрмитажа (подражающего именно позднему Караваджо с его радикальными спецэффектами), где фигуры высвечены подсветкой из тьмы, и более того, сам сюжет не дает никакой возможности естественной подсветки.

Смерть приговаривает к любви.
[«Мало кто избежал этой участи», – этот] фрагмент
вписывается в другой.
[По влажным зубам провести языком
и угадать, откуда вьется излом,
переплывая алмазную грань: шелест определения.]

Сознание N остановилось на том, как само оно, –
ком, – в постоянство связуя единства,
потоком сносимо, не меняет ни места, ни времени
отражения, отражающего отражение.]

Во второй редакции осталось только соотношение фрагментов, любви и смерти, иначе говоря, учения апостола Павла о любви и напоминания апостола Петра о смерти. Апостол Петр, как помнит любой читатель посланий, сравнил плоть с травой, а апостол Павел любовь – с тусклым стеклом. Иначе говоря, апостол Петр дает строгие определения, а апостол Павел смотрит, при каких условиях наше познание не будет просто отражать отражения. «Шелест определения» сразу напомнит, что одежды Петра кажутся шелестящими, его положение левой руки такое неустойчивое, что кажется, будто сейчас он его изменит и шелковые одежды зашелестят. Тогда как Павел стоит как лектор, уверенно, указывает на предметы и опирается на книгу, связует единство. Книга апостола Павла открыта и лежит на другой книге, возможно, на Евангелии или посланиях Петра, так именно фрагмент вписан во фрагмент, и в значении фрагмента картины (по отношению не только к ее целому, но и к

половине мысленного диптиха) и в значении фрагмента повествования.

Также «в постоянство связуя единство» – намек на определение поэзии в «Поэтике» Аристотеля как «подражания действию законченному», иначе говоря, как законченности, воспроизводящей законченность, а «отражение, отражающее отражение» можно понять как подражание природе, которая, в свою очередь, отражает идею, по Платону, или творческую волю богов. Тогда понятно, что подражание действию, как относящееся к драматической поэзии, будет напоминать о Лопе де Вега, а подражание природе, как принадлежащее прежде всего искусствам, будет относиться к Алонсо Эрсилья-и-Суниге, в соответствии с тогдашними барочными поэтиками, в которых эпос признавался главным зеркалом природы (прежде всего, в «Поэтике» Хуана Луиса Вивеса). Тогда эти строки будут означать: «Призывы к спасению и призывы к любви определяют друг друга, когда обрамлены и настоящим раскрытием человеком собственной природы, и настоящим завершенным драматизмом». Далее как раз является Теотокопулос, грузчик, который вдруг становится художником, потому что он уже не произносит слова, а следует готовому значению вещей:

Я, Теотокопулос,
по привычке, вглядываясь ни во что,
постепенно прекращаю произносить слова, к которым
приучен был родом и обстоятельствами рождения,
сведя, таким образом, [утраченное] <утраченную способность> к обязательству
следовать значению [впереди на значение]
<на значение впереди>.

Теотокопулос (как лирический персонаж и как Эль Греко) оказывается явно самым молчаливым из всех художников, и более того, мотивацией поведения лирического персонажа оказывается биография самого Эль Греко, который не мог в Испании говорить на языке, к которому «приучен был родом и обстоятельствами рождения», на греческом языке, хотя на итальянском, который знал с детства, пожалуй, мог. Но если мы поймем эти строки как относящиеся к эрмитажному «Петру и Павлу», сразу станет понятно, что речь идет с одной стороны о Павле как фарисее и римском гражданине по рождению, пережившем обращение, а с другой стороны, о Петре как первоизбранном апостоле. Иначе говоря, Павел как лектор говорил слова, но в конце концов, всех ждет страшный суд, и утраченная способность к красноречию позволит следовать значению в смысле решения на страшном суде. В первой редакции утрата риторических способностей была пластически выражена невнятистью последней фразы, во второй редакции было объяснено, что настоящее значение, иначе говоря, приговор на Страшном суде, всегда впереди. Далее выясняется, как именно эта утрата риторических способностей происходила у Эль Греко, которому пришлось перейти от иконописного фона к темному, и ощутить, как тает его «местоимение» (не в грамматическом смысле, а в смысле псевдонима «Грек», иначе говоря, его ренессансная виртуозность), когда ему приходится действовать не в рамке византийской иконы, но в рамке станковой живописи, где все далеко, где ничего не может быть воспринято как «близкое», в отличие

от иконописного пространства, приближающего изображенное к изображаемому:

[Что было дано, – луна над кровлями тьмы,
горизонт черной листвы,
белого скольжения ступеней, –

к полюсу плыть на свету, псов лай в округе, –
суть ответвления чисел, подобные намерениям,
обрамляющим наваждение: я
не произнесу более: «близкое».]

Поздно учиться читать [книги огня и воды] <разное>
или прикладывать ладонь ко лбу скалы –
[остается настойчивое видение:] кисти неуловимый
взлет, как пар тающего местоимения,
затылок, попадающий в поле зрения[,
словно порог, предстающий мне наяву...]

Во второй редакции Драгомощенко исключил строки и полустроки со своими любимыми поэтизмами, такими как «наваждение» или «числа», которые были обычно синонимами сна и яви. Иначе говоря, во второй редакции есть стремление освободить стихотворение от необходимости квалифицировать, сон это или явь, иначе говоря, раскрыть мысль об уже произошедшем в живописи. Хотя кисть и осталась неуловимой, но изображение уже существует.

Апостолы уже все прочли и все пережили, поэтому они стоят под кистью неуловимой. В первой редакции было понятно, что речь идет об испытаниях, прохождении через огонь и воду, равно как и о способности рассказать о пережитом, перейти этот порог молчания. Во второй редакции уже нет никаких указаний на те испытания, которым подвергались именно апостолы, которым Христос велел в речах вдохновляться Святым Духом, а не опытом, и которые имели свои видения: Петр был освобожден из темницы, перейдя порог, а Павел – из плена заблуждений и видел третье небо не то во сне, не то наяву.

Во второй редакции при всем сокращении вполне остались намеки на соседние эрмитажные картины. Слова «прикладывать ладонь ко лбу скалы» сразу напоминают о находящемся на боковой от «Петра и Павла» стене «Пригвождении к кресту» Франсиско Рибальта (1582), полотне тоже из покупок Александра I, и тоже, как и все названные прежде картины со сложной композицией, имеющем плоскость натюрморта на переднем плане. Именно там распятие происходит не на Голгофе, а на фоне фантастического пейзажа со скалой и гротом, косвенно восходящего к таким опытам, как «Мадонна в скалах» Леонардо да Винчи. Протягивает ладонь ко лбу скалы, точнее ко гроту как началу покатої лобовой части скалы, персонаж в белой одежде. Именно там мы видим «затылок, попадающий в поле зрения», иначе говоря, затылок палача, стоящего на переднем плане, попадающего поэтому прямо в поле зрения зрителя.

И <еще> этот <...> [–] на раковине [– недоумения легкий] рисунок,
впитывающий прощание Сократа с Кратилом.

Чтобы понять эти строки, как в полной, так и краткой редакции, необходимо вспомнить диалог Платона «Кратил». В этом диалоге Гермоген настаивает на полной условности имен, тогда как Кратил,

ученик Гераклита и один из учителей самого Платона, уверяет, что имена появляются вместе с вещами: раз все изменчиво, все течет, то мы не можем изобрести имена, которые остановили бы эту изменчивость, а значит, имена появляются из самой природы вещей. Сократ, чтобы примирить спорщиков и пойти дальше них, переводит внимание с разговора о вещах и именах на разговор об именовании как инструменте. Это именование спародировано в стихотворении словом раковина, обозначающим как предмет природы, так и ушную раковину слушателя, инструмент слышания. Ясно, что инструмент не может полностью вытекать из природы вещей, но также не может изобретаться кем угодно и когда угодно, по случайности, но только профессионалом, изобретателем имен. Сократ настаивает, что только он может объяснить, что такое правда: ведь если бы имена происходили из вещей, то уродливые вещи породили бы уродливые имена, тогда как мы знаем, что можем даже уродливые вещи описывать правильными и точными именами, но и если бы имена изобретал кто угодно и когда угодно, было бы допущено много ошибок.

Но Сократ идет еще дальше и в конце говорит Кратилу, что позиция Гераклита неверна не только по отношению к уродливым вещам и именам, но и по отношению к любым вещам и именам. Ведь если вещи меняются все время, то у нас нет надежного знания, которое позволит говорить о каких-либо вещах, любое наше знание – незнание. Мы тогда как бы забываем галерею вещей. Вполне может быть, замечает Сократ на прощание Кратилу, что вещи увлекаемы каким-то вечно изменчивым потоком, но чтобы говорить об этом, нужно еще приобрести знания, которых у Кратила нет. Прощание оказывается очень ироническим: Кратил как будто пропустил мимо ушей все, что сказал Сократ, и замечает, что он продолжает наблюдать за вещами, и склоняется к позиции Гераклита. Иначе говоря, Сократ упрекнул его в том, что он молод и не научился думать достаточно отвлеченно, а Кратил наивно полагает, что если он любит думать и полюбил подолгу размышлять о вещах, то он может говорить о вещах. Сократ велит Кратилу научить его в следующий раз, по возвращении из деревни, когда он будет не забывать, а вспоминать, а Кратил не замечает и этой насмешки над путем в деревню, и велит Сократу тоже поразмышлять над научными вопросами.

Как заметил А. Скидан об авторедактуры Драгомощенко: «Исчезла пронзительная интимность бормотания; от “наваждения” с его путаностью не осталось и следа; “утраченное”, во избежание разночтений, превратилось в “утраченную способность” (“произносить слова”; тогда как в первом варианте оно виртуально вбирало в себя, затягивая в воронку расставания, разлучения, ничто, заодно еще и все следующие строки). Вместо них – подчеркнутая сдержанность, сухость, почти брезгливость» [11]. Иначе говоря, Драгомощенко проделал то же самое, что Кратил, которого Сократ сначала заставил почувствовать сомнительность его этимологий, не объясняющих, как в принципе возможны не только вещи,

но и качества, а затем уйти с поля боя, ощутив брезгливость по отношению к вещам, которые оказываются как бы некачественными, уже не имеющими имен. Так и Драгомощенко разоблачает недостаток качеств в образном переживании даже самых общих вещей, как пространство и время, и уходит с поля боя, но не с гордостью Кратила, а со смирением способного сократить свое стихотворение.

Итак, для Драгомощенко было важно умение видеть вещи как галерею образов, а не как поток изменений или, наоборот, как устойчивые объекты, к чему и подводит Сократ, утверждающий, что только наша память, а не оценка имен или качеств, может научить нас настоящему соотношению вещей. В этом ему помогла как францисканская реформа живописи, так и та проблематика философии Гераклита, которая вполне была раскрыта в диалоге «Кратил». Поэтому он легко обратился к барочной живописи, и мы видим, что самые общие впечатления от живописи барокко в Эрмитаже помогают реконструировать и созданный им сюжет любовного кризиса как воспоминания о смерти, *memento mori*, и показать, как именно возможна работа с таким сюжетом изнутри поэтики, когда казалось бы, все уже сказано и изображено.

Литература

1. Драгомощенко, А. Ксении: [Тексты] / А. Драгомощенко. – Санкт-Петербург: Митин журнал; Борей ART, 1993. – 80 с.
2. Драгомощенко, А. Фосфор: [Проза, статьи, эссе, стихи] / А. Драгомощенко. – Санкт-Петербург: Северо-Запад, 1994. – 284 с.
3. Баткин, Л.М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления / Л.М. Баткин. – Москва: Искусство, 1990. – 415 с.
4. Бенуа, А.Н. Путеводитель по картинной галерее императорского Эрмитажа / А.Н. Бенуа. – Санкт-Петербург: Издание общины св. Евгения, 1911. – 586 с.
5. Ваньке, А.В. Как можно было бы помыслить тело? Рец. на: К опыту исследований телесности в немецком языковом пространстве: Чувство, тело, движение / под ред. К. Вульфа, В. Савчука. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011; Körperwissen/Hrsg. R. Keller, M. Meuser. Wiesbaden: VS / А.В. Ваньке // Социологический журнал. – 2011. – № 3. – 164–172.
6. Данилова, И.Е. Джотто / И.Е. Данилова. – Москва: Искусство, 1970. – 70 с.
7. Заломкина, Г.В. *Autres horribles travailleurs?* Когнитивная трансценденция современных русских поэтов в свете эстетики «ясновидения» А. Рембо / Г.В. Заломкина // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 3. – С. 266–286.
8. Колотаев, В.А. Логика визуальных репрезентаций в искусстве: от иконописного пространства и архитектуры к экранному образу: коллективная монография / В.А. Колотаев и др. – Москва: РГГУ, 2019. – 376 с.
9. Северская, О.И. Эссеистическая поэтика (На материале русской литературы рубежа XX–XXI веков) / О.И. Северская // Общественные науки и современность. 2006. – № 3. – С. 162–168.
10. Скидан, А. Слепое пятно / А. Скидан // Скидан А. Сопротивление поэзии: Изыскания и эссе. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 71–78.
11. Скидан, А. Сумма поэтики [Электронный ресурс] / А. Скидан // Русский журнал. – 2001. – 16 января. – Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/kniga/20010116-pr.html>

A.V. Markov

**DOUBLE INCARNATION:
THE LYRICAL CHARACTER OF DRAGOMOSHCHENKO
AND THE HERMITAGE COLLECTION OF THE SPANIARDS**

The article proves that the poem «The Fast Sun» by Dragomoshchenko contains an indirect description of both the Hermitage painting «Saints Peter and Paul» by El Greco and the Spanish collection as a whole. Thus, a number of associations in this poem are explained by the proximity of the works hinted at in the Hermitage. At the same time Dragomoshchenko not only reproduces the plots of the paintings, but compares his poetic techniques with the painting techniques. The poet oversees the action development and the balance between real and fantastic in these pictures. The metaphorical poetics of Dragomoshchenko, who denies both understanding of things as objects and understanding of them as extremely changeable, refers to the Spanish painting of Counter-Reformation as rather fancy and indirectly following the Franciscan understanding of physical and material world.

Poetry and painting, ecphrasis, museum collections, museum impressions, lyrical character, pictorial motifs, artist's image, Dragomoshchenko, El Greco, Spanish painting, Counter Reformation

Л.А. Мельникова

Балашовский институт (филиал Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского)

РУССКИЙ ГЕРОЙ В СИСТЕМЕ ПЕРСОНАЖЕЙ РОМАНА Э.М. РЕМАРКА «ЖИЗНЬ ВЗАЙМЫ, ИЛИ У НЕБА ЛЮБИМЧИКОВ НЕТ»

Статья посвящена осмыслению особенностей репрезентации образа русского белоэмигранта Бориса Волкова в романе Э.М. Ремарка «Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет», а также выявлению его места и роли в художественном мире данного произведения. Проведенный образный анализ позволил установить, что названный герой, являясь второстепенным, в первую очередь, способствует раскрытию характеров главных персонажей – Лилиан и Клерфэ, с которыми он оказывается связан системой сложных взаимоотношений. В то же время русский герой является предметом отдельного интереса автора в романе, поскольку воплощает собой образ Другого, динамика развития которого прослеживается посредством совмещения внешних точек зрения на его личность, а также использования внутренних монологов и выразительных психологических деталей.

Персонаж, автор, роман, Лилиан, Клерфэ, Борис Волков, Другой, эмигрант.

Творчество Э.М. Ремарка пользовалось большой популярностью в нашей стране на протяжении многих десятилетий. Интерес к его произведениям сохраняется и у современного читателя, о чем свидетельствует, например, один из последних отчетов Российской книжной палаты, согласно которому по итогам прошедшего 2018 года Э.М. Ремарк вошел в 20-ку наиболее издаваемых в России авторов [7]. К числу наиболее читаемых произведений этого немецкого писателя традиционно относят и роман «Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет», первый сокращенный журнальный вариант которого был опубликован в 1959 году под названием «Geborgtes Leben», отдельным изданием он был издан два года спустя под заголовком «Der Himmel kennt keine Günstlinge». Исследователи отмечают, что одна из главных особенностей его поэтики заключается в том, что «типичная, повторяющаяся во многих произведениях автора сюжетная коллизия – любовь в ожидании скорой смерти героини – подается в романе не только как полное драматизма приключение <...> она обогащена размышлениями над метафизическими проблемами бытия, его протяженности во времени, его насыщенности духовными и физическими переживаниями, понятными простым неискушенным в философских мудрствованиях читателям» [6, с. 695].

Данное произведение примечательно и наличием в системе его персонажей образа русского белоэмигранта Бориса Волкова, тесно связанного с развитием центральной сюжетной линии романа – истории взаимоотношений пациентки санатория для больных туберкулезом «Белла Виста» Лилиан Дюнкерк и гонимца Клерфэ. Все вместе перечисленные герои образуют своеобразный любовный треугольник. Следует отметить, что образы Бориса и Лилиан выступают организаторами кольцевой композиции в романе: в начале произведения Дюнкерк впервые появляется перед Клерфэ в сопровождении Волкова, он же в финальной сцене склоняется над ее бездыханным телом.

Первоначально Клерфэ воспринимает Волкова и Дюнкерк в свете их национальной принадлежности, констатируя, что Лилиан – «нервическая бунтарка, бельгийка с русскими причудами», а ее поклонник – «неприятный русский зазнайка». Возможно, одним из факторов сближения этих персонажей действительно стал факт наличия у каждого из них русских корней. Обращаясь к Лилиан, Борис иногда называет ее русским словом «душа». Это позволяет предположить, что использование писателем подобной детали подчинено цели показать, что каждому из названных героев оказывается присуща так называемая «русскость»: Волков – русский белоэмигрант, Лилиан – бельгийка, но мать у нее русская. Понятие «душа» можно считать ключевым для русской ментальности [3, с. 5], посредством его употребления писатель затрагивает проблему загадочной русской ментальности, которая не получает однако широкого освещения в романе, но отчасти находит выражение в образе Дюнкерк, сочетающей в себе черты двух национальных характеров, что во многом объясняет противоречивость ее поведения, на которую ей указывают окружающие, например Шарль Ней, уговаривающий ее попрощаться с одной из уезжающих из санатория пациенток: «Хоть на один вечер забудь свою русскую хандру, вспомни жизненнолюбивый нрав твоего валлонского папаши!» [5, с. 85].

Между Борисом и Лилиан царит видимое взаимопонимание, которое отмечает последняя: «Ты слишком хорошо понимаешь меня, я тебя, и в этом наша беда» [5, с. 72]. Но по факту у Дюнкерк и Волкова диаметрально противоположное отношение к жизни. В характере Лилиан присутствует бунтарское начало, философия же Бориса заключается в том, чтобы не сопротивляться обстоятельствам, не противопоставлять себя им, а «попробовать приспособиться, сжиться» [5, с. 73]. Такая позиция вызывает у героини недоумение: «Почему меня так раздражает в нем это смирение пленника, который, сидя в темнице, благо-

дарит Бога за то, что его не убили – в то время, как я этого Бога готова возненавидеть за то, что меня лишили свободы?» [5, с. 74]. Волков достаточно умен, хорошо изучил ее нрав и заботится о ней. Но его забота напоминает Лилиан о болезни и неотвратимости скорого конца, поэтому она спешит с головой окунуться в жизнь, одной из активных форм проявления которой становятся для нее отношения с Клерфэ.

Фигура Лилиан выступает в качестве связующего звена между Клерфэ и Волковым. Описание первой встречи этих героев задает вектор их последующего восприятия как антиподов: Клерфэ управляет машиной, Борис – санями, запряженными лошадьми, которых первому приходится останавливать силой во избежание столкновения. В контексте дальнейшего развития событий этот поступок приобретает символическое значение: останавливая лошадей, везущих Лилиан, Клерфэ впоследствии отношениями с ней словно на время тормозит, нарушает заданную траекторию движения ее жизни, диктуемую болезнью и распорядком дня в санатории. В дальнейшем антагонизм и мотив противостояния между мужскими персонажами усиливается.

С первого взгляда между героями возникает неприязнь, одной из причин которой служит высокомерие Бориса, что и фиксируется в восприятии немецкого персонажа: «Вскинув глаза, Клерфэ узрел над собой надменную физиономию и встретил холодный взгляд, в котором явно читалась легкая издевка, лишь для вида сохраняя учтивость, возница явно потешался над никчемным геройством. Даже и не припомнить, когда в последний раз он видел человека, до такой степени неприятного с первого взгляда» [5, с. 12]. Одной из особенностей представления образа русского эмигранта в некоторых романах Э.М. Ремарка является «доминирование психологического портрета над внешним» [2, с. 161]. Справедливо это утверждение применительно и к портрету Волкова, который в анализируемом произведении дается схематично: «Рослый крупный мужчина в черной меховой папаше» [5, с. 11]. Развернутое описание внешности персонажа отсутствует, его заменяют выразительные психологические детали. Впоследствии они дополняются характеристикой, данной ему другом Клерфэ Хольманом, раскрывающей подробности истории эмиграции Волкова: «Его папаша исхитрился вовремя открыть счет в Лондоне и не вовремя оказаться в Москве, где его и расстреляли. Жена и сын сумели выбраться. Она, по слухам, зашила в корсет несколько изумрудов, каждый с орех величиной» [5, с. 18].

Борис незримо присутствует между Лилиан и Клерфэ даже в моменты своего физического отсутствия. Он становится для Клерфэ своеобразным катализатором, провоцирующим его на решительные поступки. На прогулку с Лилиан, которая впоследствии станет толчком для развития их отношений, он, к примеру, соглашается из-за азарта соперничества с Борисом.

Взаимная неприязнь героев, внешне объясняемая их борьбой за внимание Лилиан, на самом деле имеет более глубокие причины. Борис признается Лилиан, что Клерфэ раздражает его из-за того, что чем-то напоминает его самого. Волков участвовал в Первой

мировой войне, пострадал от революционных событий 1917 года, затем был вынужден эмигрировать – все это, по-видимому, оставило серьезный отпечаток на его психике. Как справедливо отмечается в исследовательской литературе, Борис «подобно другим представителям так называемого “потерянного поколения”, утратил интерес к жизни, ощущал себя “тенью” в мирных условиях» [4, с. 167]. Образ жизни Клерфэ в момент их встречи с Волковым схож с тем, который вел русский герой в довоенный период и возврат к которому для него теперь невозможен ввиду болезни и статуса эмигранта. Это вызывает у него чувство досады и злости, маскируемые высокомерным отношением.

Возникший параллелизм между этими персонажами впоследствии усиливается посредством использования мотива игры, но в то же время с помощью последнего осуществляется и их противопоставление. Играя в казино, Клерфэ девять раз подряд ставит на «красное» и каждый раз выигрывает. Один из очевидцев этого – Фиола – восторженно констатирует, что ему «только раз в жизни довелось видеть нечто еще более поразительное. Двенадцать раз “черное”. Но это еще до войны <...> Он вдобавок и на “тринадцать” ставил, так и еще и “тринадцать” пять раз выпадало <...> За одну ночь он сорвал банк дважды» [5, с. 334–335]. Этим человеком был Волков, характеризующий Фиолой как последний из «игроков с настоящим размахом», превосходный стрелок, любительский участник гонок, который «горазд был выпить».

По набору фактических достижений Борис превосходит Клерфэ: «черное» выпадает 12 раз, «красное» – 9. Игру в рулетку можно трактовать как игру героев со смертью, которой каждый из них подвергал себя во время гонок. Борису оказывается отмерено в романе чуть больше времени, чем Клерфэ. Семантика цветовых и числовых обозначений в данном случае требует дополнительного комментария. Число 12 в нумерологии считается счастливым. В древней астрономии, астрологии и хронологии – это основное число, символизирующее пространство и время, в иудейской и христианской традициях оно было числом избранных [8]. В романе оно подчеркивает исключительность Волкова в ряду других персонажей. Число 9 – это полнота, исполнение, достижение, начало и конец, целое, число небесное и ангельское, рай на земле (Там же). Благодаря отношениям с Лилиан Клерфэ ощутил полноту жизни, в то же время их любовь занимала определенный период времени, который имел свое начало и завершение. Особое значение в данном эпизоде получает и символика цвета. Красный цвет означает активность, насильственность, возбужденность, страстность. Черный – поглощение, материальность, беспросветность, тяжесть [1, с. 165]. Они отражают доминирующие черты поведения Волкова и Клерфэ, подчеркивают контрастность последних в их отношении к Лилиан: каждый из них по-своему любит ее, однако первый апеллирует к ее разуму, второй – к чувствам. Таким образом, можно утверждать, что Борис и Клерфэ соотносятся и с Лилиан, и друг с другом по принципу взаимной дополненности.

Все герои, составляющие любовный треугольник (Клерфэ, Лилиан, Борис), претерпевают эволюцию

своих жизненных взглядов благодаря друг другу. Образ Бориса представлен в романе преимущественно во взаимодействии с Лилиан и Клерфэ, причем первая в своих оценках делает упор на внутренней сущности Волкова, а второй – преимущественно на внешних формах ее проявления. Такое соотношение взглядов, а также использование внутренних монологов и выразительных психологических деталей способствует познанию русского как Другого одновременно и «извне», и «изнутри», что позволяет сформировать целостное представление о нем. В итоге перед читателем предстает образ русского аристократа-эмигранта, сохранившего манеры и деньги, тоскующего по родине и настоящей любви.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что в данном романе образ русского белоэмигранта Бориса Волкова, являясь второстепенным, играет существенную роль как в раскрытии характеров главных персонажей Лилиан и Клерфэ, так и во фрагментарном освещении проблемы русского национального характера, получающей в художественном мире анализируемого произведения имплицитное выражение.

Указания на национальную принадлежность Волкова и его эмигрантское положение, призванные подчеркнуть его статус Другого, первоначально вызывают в некоторой степени предопределенный «горизонт ожидания» описания типичной судьбы русского эмигранта в послевоенной европейской действительности. Однако по мере развития действия в образе этого персонажа автором акцентируются не типические, а исключительные черты, выделяющие его из повседневной обыденности и касающиеся как внешности («рослый, крупный мужчина») и финансового положения («даже не беден»), так и поведения («в порядке исключения не зовет себя великим князем») последнего. Необычность Бориса подчеркивает и блестяще проведенная им игра в казино, о которой с таким восторгом спустя много лет вспоминает Фиола.

Поскольку любовная проблематика является в романе преобладающей, то основное внимание автор сосредотачивает на психологических переменах, происходящих с персонажами. В соответствии с этим

Э.М. Ремарком упор делается не на внешней (социальной, связанной с отрывом от родины), а на внутренней (психологической) трансформации Волкова. Гордость и самолюбие, до этого доминирующие в характере данного героя, в финале, после измены Лилиан, неожиданно для него самого сменяются способностью и умением прощать. С одной стороны, такая метаморфоза является обусловленной болезнью и пониманием близости скорой смерти, с другой – она продиктована любовью. Первоначально показанный как преимущественно рациональный, вызывающий исключительно к благоговению в финале данный персонаж предстает преображенным, способным на искренние чувства.

Литература

1. Кошеренкова, О.В. Символика цвета в культуре / О.В. Кошеренкова // Аналитика культурологии. – 2015. – № 2 (32). – С. 163–169.
2. Мельникова, Л.А. Образ русского эмигранта в романе Э.М. Ремарка «Три товарища» / Л.А. Мельникова // Материалы итоговой Международной научно-практической конференции за 2017 г. «Интеграция теории, методологии и практики в современных науках и образовании» (28 февраля 2018 г.). – Армавир: РИО АЛСИ, 2018. – С. 153–162.
3. Перевозникова, А.К. Концепт душа в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01 / Перевозникова А.К. – Москва, 2002. – 184 с.
4. Похаленков, О.Е. Образы русских в романах Эриха Марии Ремарка / О.Е. Похаленков // Известия Смоленского государственного университета. – 2013. – № 1 (21). – С. 162–170.
5. Ремарк, Э.М. Жизнь взаимы, или У неба любимчиков нет / Э.М. Ремарк. – Москва: АСТ, 2018. – 384 с.
6. Седельник, В.Д. Эрих Мария Ремарк / В.Д. Седельник // Литературный процесс в Германии первой половины XX века (ключевые и знаковые фигуры). – Москва: ИМЛИ РАН, 2015. – С. 673–699.
7. Статистические показатели по выпуску печатных изданий. 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bookchamber.ru/download/stat/stat_2018.pdf (дата обращения: 12.02.2019).
8. Энциклопедия знаков и символов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.symbolarium.ru/index.php (дата обращения: 12.02.2019).

L.A. Melnikova

THE RUSSIAN HERO IN THE SYSTEM OF CHARACTERS IN THE NOVEL «HEAVEN HAS NO FAVOURITES» BY E.M. REMARQUE

The article is devoted to understanding the peculiar representation of the image of the Russian white émigré Boris Volkov in the novel «Heaven Has No Favourites» by E.M. Remarque. It also reveals the role of this character in the imaginary world of this work of fiction. The character analysis enables to find out that this hero being a secondary one helps to understand the personalities of the main heroes, Lillian and Clerfayt. It also discloses a system of complex relationships between all of them. At the same time, the Russian hero is of special interest to the author of the novel because he embodies the image of the Other. The dynamics of his development can be traced with the help of some external points of view on his personality, as well as the use of internal monologues and expressive psychological details.

Character, author, novel, Lillian, Clerfayt, Boris Volkov, the Other, émigré.

Е.Н. Иванова

Вологодский государственный университет

СЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО КОРНЕВОГО ГНЕЗДА С ПРАСЛАВЯНСКИМ КОРНЕМ *-PI- В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье характеризуется лексический состав исторического корневого гнезда с вершиной *пити* в древнерусском литературном языке, выявляются культурно-исторические факторы, определившие специфику семантических процессов в исследуемом историческом корневом гнезде.

Историческое корневое гнездо, лексико-семантическая зона, древнерусский литературный язык.

Историческое корневое гнездо (далее ИКГ) с вершиной **piti* сформировалось в праславянский период. В древнерусский период под влиянием экстралингвистических и собственно лингвистических факторов лексический состав исследуемого ИКГ подвергся количественным и качественным изменениям. В статье дается описание функционально-семантической дивергенции слов с праславянским корнем **-pi-* в древнерусском литературном языке. Под функционально-семантической дивергенцией вслед за Л.Г. Яцкевич понимаем развитие у производных слов разных лексических значений в разных номинативных сферах функционирования и формирование на этой основе в структуре исторического корневого гнезда особых лексико-семантических зон (далее ЛСЗ). ЛСЗ составляют слова с одним этимологическим корнем, имеющие в содержании своих лексических значений интегральную сему [5, с. 77]. Основным источником для восстановления семантической структуры ИКГ в древнерусский период послужили данные «Словаря русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв.).

Согласно концепции А.М. Камчатнова, в начальную эпоху древнерусской письменности существовал единый литературный язык со сложной функциональной дифференциацией. Исследователь выделяет три основных стиля древнерусского литературного языка: сакральный (книги Священного Писания, богословские сочинения, проповеди, жития святых), славяно-русский (оригинальные произведения светской литературы) и деловой [2, с. 53]. Возникновение дивергентных процессов связано со стилистическим расслоением лексики древнерусского языка. Результатом данных процессов является формирование в структуре ИКГ с вершиной *пити* новых ЛСЗ.

В древнерусский период в составе исследуемого ИКГ самой многочисленной является ЛСЗ «Питье, поглощение жидкости (о человеке)»: *попоити* ‘дать напиток’, *пиво* ‘то, что пьют; питье, напиток’, *питий* ‘пригодный для питья, питьевой’. Производные слова,

соотносящиеся с данной номинативной сферой, функционируют в текстах разных стилей и жанров. Лексемы, входящие в ЛСЗ «Питье, поглощение жидкости (о человеке)», активно развивают переносные значения, в результате в сакральном стиле древнерусского литературного языка складывается ЛСЗ «Преисполнение чувствами, мыслями»: *напаяти, напаявати, напоити* ‘насыщать, преисполнять’: *Яко же бо источникъ всюю испльняа въселеную, напои жаждьныя словесе бж҃іа*. Похвальное слово Кириллу и Мефодию, Успенский сборник, XII–XIII вв. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 182).

Формирование данной ЛСЗ обусловлено процессами семантического калькирования с греческого. Как отмечает М.М. Копыленко, кальки с греческого «прибавляют к славянским словам добавочные значения, которые переносят их из бытового плана в план более высокий, в сферу научных, культурных, мировоззренческих ассоциаций» [3, с. 142]. Под влиянием греческой метафоры расширяется круг существительных, которые выполняют функцию дополнения при глаголах, изначально обозначавших процесс поглощения жидкости: *Источникъ учения напоева цр҃квьное лице*. Обиход церковный, XIII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 181), *Дѣа, бж҃ствѣнымъ поима писаниемъ, напоиться и плодъ зърѣтъ дастъ*. Богословие Иоанна Экзарха, XII–XIII вв. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 182). Новые метафорические значения в текстах сакрального стиля развивают и производные от данных глаголов лексемы: *Образънѣже се бѣаше море – водѣ облакъ – духу, манѣна – жизньнууму хлѣбу, поение – божествѣнааго пития*. Слово Григория Назианзина, XI в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 16, с. 91); *Духовнымъ пивомъ напоившаго жаждущая душа*. Слово похвальное Варлааму Хутынскому, XV в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 44).

Особое место в лексико-семантической структуре ИКГ занимают устойчивые словосочетания, в состав которых входит словообразовательный старославя-

низм *испити*: *испити Христову чашу* ‘страдать так, как страдал Христос’: *Въ святителѣхъ и въ мученицѣхъ подобнь бысть, прѣподобьне, вѣрнь явися пастырь, и Христову испивъ чашу, тѣмъ же обоуду угоднь бывъ самому Богу*. Стихирарь, XII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 272). По мнению А.М. Камчатнова, употребление старославянизмов в текстах сакрального стиля древнерусского языка непосредственно связано со средневековыми представлениями о символическом характере слова и языка [2, с. 57]. В сознании средневекового книжника *чаши* является символом Иисуса Христа, принявшего на себя крестные страдания и заключившего новый завет человека с Богом: *ѿ ѿ чаши нѣвыи злѣтъчъ моею крѣвюю, ѿже злкъ прѣлнѣѣтъчъ* (Лк. 22, 20).

В текстах сакрального и славяно-русского стилей отмечено устойчивое сочетание *испити чашу смертную* ‘умереть, погибнуть’: *Изопью чашу смѣртную за стѣбя бжѣиа цркѣви*. Повесть о Николе Зараском, XVI в. ~ XIV в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 272). Выражение *испити чашу* восходит к Библии и фиксируется в старославянских текстах: *чашѣ оубо ѿже азъ пию (испытѣ)* (СС, с. 267). Уже в старославянском языке лексема *чаши* развивает метафорическое значение ‘судьба, доля, участь’: *о<тъ>че мон • дште възможно есть • да мимо идетъ отъ мене чаша си* (СС, с. 777).

В текстах славяно-русского стиля под влиянием фольклорной традиции происходит семантическая трансформация библейского образа-символа, устойчивое сочетание *испити чашу смертную* употребляется в значении ‘погибнуть в бою’: *И не оста во граде ни един живых, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша*. Повесть о разорении Рязани Батыем (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 272). Как отмечает В.П. Адрианова-Перетц, «*смертная чаша* в русских воинских повестях, начиная с повести о Рязанском разорении, – это употребление книжного образа в картине, которая опирается на устно-поэтическую традицию» [1, с. 52].

В произведениях светской литературы в результате расширения сочетаемости старославянизма *испити* возникает новый образ-символ: *Хошу бо, – рече, – копие приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шелоомъ Дону*. Слово о полку Игореве (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 6, с. 272). В тексте «Слова» семантически связанное сочетание *испити шелоомъ Дону* приобретает символическое значение ‘одержат победу в битве’.

В праславянский период в структуре ИКГ с вершиной **piti* сложилась ЛСЗ «Орошение, увлажнение». Развитие у глагола **piti* значения ‘впитывать какую-либо жидкость, становиться влажным (о земле)’ и формирование самостоятельной ЛСЗ обусловлено синкретизмом мифологического мышления и является отражением языческого культа земли. Как отмечает В.Н. Топоров, «в большинстве наиболее важных контекстов, обнаруживающих глубинные смыслы этого образа, перед нами не просто земля (апеллятив), но именно Земля, имя собственное, относящееся к пер-

сонифицированному образу земли» [4, с. 245]. В сознании древних славян наиболее важная характеристика земли – ее сырость, «влага, как вещество жизни, воплощаемое Землей и на земле живущей, играет настолько важную роль, что входит в традиционное именование Земли – Мать-сыра Земля» [4, с. 251].

Данная ЛСЗ представлена и в древнерусском фрагменте ИКГ: *напаяти, напояти* ‘орошать, поливать, увлажнять, напитывать влагой’, *напаяние* ‘орошение’, *напиватися* ‘пропитываться, насыщаться (влагой)’. Языковое сознание средневековья основано на уподоблении, поэтому лексемы, составляющие ЛСЗ «Орошение, увлажнение», в текстах сакрального стиля развивают новые оттенки значения и входят в ЛСЗ «Преисполнение мыслями, чувствами»: *Суштую же дрѣвле неплодну въселеную... многоплодну явить есть влѣка, бжѣими точении напоение нанесь*. Чудовская псалтырь, XI в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 10, с. 182).

В праславянский период на базе лексем, производных от девербатива **piti*, сложилась ЛСЗ «Пиршество, празднество». В древнерусский период в данную ЛСЗ активно включаются слова, образованные по старославянским словообразовательным моделям: *пирие* ‘собр. к *пир*’, *пирение* ‘пир, пиршество’, *пиршество* ‘пиршество, празднество’. В результате семантического переноса лексемы со значением ‘пиршество, празднество’ расширяют сочетаемость и входят в ЛСЗ «Преисполнение мыслями, чувствами»: *Да не отидеть алчющъ, но насыщеся дхѣвнаго пира учения сего*. Измарагд, XVI в. ~ XIV в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 48); *Праоць бу Иакимъ нынѣ предълежитъ намъ на пирение дхѣвное, въсеславье*. Минея, сентябрь, 1096 г. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 47). В текстах славяно-русского стиля трансформация ЛСЗ «Пиршество, празднество» связана с влиянием устно-поэтической традиции: *Ту пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попиоша, а сами полегоша за землю Рускую*. Слово о полку Игореве (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 15, с. 47). Как отмечает В.П. Адрианова-Перетц, фольклорная метафора *пир-битва* является типичной для воинских повестей XII–XIII вв. [1, с. 52].

В праславянский период в структуре ИКГ начинается формироваться ЛСЗ «Всасывание жидкости (о насекомом или животном)»: **pijavъka, *pijavica* ‘пиявка’ (Фасмер, т. 3, с. 271). В старославянских текстах зафиксировано устойчивое словосочетание *крѣвнижъ питомъ* ‘кровожадный’ и употребляющееся в том же значении прилагательное *крѣвопнѣвъ* – калька с греческого *αιματοφης* (СС, с. 295). В древнерусских текстах XII–XIII вв. сложные лексемы *кровопиець, кровопийца, кровопивецъ, кровопивица* могут называть не только кровожадного зверя, но и жестокого человека: *Хуляхуть, глѣюще сквернии кровопивецъ*. Пчела, XIV–XV вв. ~ XIII в. (СлРЯ XI–XVII вв., вып. 8, с. 64). В составе устойчивого словосочетания *пити кровь* ‘мучить, притеснять кого-либо’ и производных от него лексем глагол *пити* утрачивает свое первичное номинативное значение. В результате на базе ЛСЗ

«Всасывание жидкости (о насекомом или животном)» складывается ЛСЗ «Жестокость, бессердечность».

В древнерусский период ИКГ с вершиной *пити* претерпело значительные эволюционные изменения. Преобразования в лексическом составе ИКГ связаны с формированием у восточных славян христианского мировоззрения, представлений о символическом характере слова. В результате функционально-семантической дивергенции у производных лексем в текстах сакрального и славяно-русского стилей формируются разные лексические значения, усложняется лексико-семантическая структура ИКГ, возникают новые ЛСЗ.

Литература

1. Адрианова-Перетц, В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси / В.П. Адрианова-Перетц. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. – 188 с.

2. Камчатнов, А.М. История русского литературного языка. XI – первая половина XIX века / А.М. Камчатнов. – Москва: Академия, 2005. – 688 с.

3. Копыленко, М.М. Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности / М.М. Копыленко // Византийский временник. – Москва: Наука, 1973. – Т. 34. – С. 141–150.

4. Топоров, В.Н. К реконструкции балто-славянского мифологического образа Земли-Матери / В.Н. Топоров // Балто-славянские исследования 1998–1999. XIV. Сборник научных трудов. – Москва: Индрик, 2000. – С. 239–372.

5. Яцкевич, Л.Г. Принципы структурной организации исторических корневых гнезд / Л.Г. Яцкевич // Слово. Семантика. Текст: сборник научных трудов. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2002. – С. 76–79.

Словари

СЛРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / ред. С.Г. Бархударов и др. – Москва: Наука, 1975–2016. – Вып. 1–30.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. – Москва: Русский язык, 1994. – 842 с.

Фасмер – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – Москва: Астрель, 2003.

E.N. Ivanova

SEMANTIC DEVELOPMENT OF HISTORICAL ROOT PARADIGMS WITH THE PROTO-SLAVIC ROOT **-PI-* IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

Lexical composition of the historical root cluster with the root **piti* in the Old Russian literary language is described in the article. The author analyzes the cultural and historical factors which influenced semantic processes in the historical root cluster.

Historical root cluster, lexical-semantic area, the Old Russian literary language.

А.С. Румянцева
Вологодский государственный университет

ПОТЕНЦИАЛ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ТЕОРИИ БИОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ДЛЯ АНАЛИЗА ПРОЦЕССА КОММУНИКАЦИИ

В статье изучаются особенности наиболее влиятельных лингвистических теорий с точки зрения того, как они объясняют протекание процесса коммуникации, а также трактуют понятия языка, речи и актуального значения слова. Традиционная лингвистика дает определение языка как системы, зеркально представленной в речи, что не предполагает активной роли коммуниканта при получении и понимании речевого высказывания. Данный постулат вызывает множество вопросов, поскольку современная наука доказала, что индивидуальная личность является отправной точкой любого языкового процесса. Описанное несоответствие было учтено и исправлено в рамках новой теории биологии познания, которая объединяет в себе лингвистические разработки, а также достижения биологии и данные об особенностях жизнедеятельности живых организмов, к коим принадлежит человек. Совокупность всех перечисленных положений делает возможным многоаспектное и целостное описание процесса общения между индивидуальными личностями, а также интерпретации и создания речевого высказывания носителем языка.

Биология познания, биосемиотика, язык, речь, процесс коммуникации, актуальное значение.

Современные лингвистические исследования все чаще концентрируются не на изучении и анализе языка как некоторого идеального и абстрактного механизма, существующего как бы «изолированно» от человека, а на описании протекания языковых процессов, непосредственно представленных в коммуникации одного индивида с другим.

При традиционном рассмотрении коммуникация представляет собой обмен (звуковыми) сигналами и/или (печатными) знаками (в том числе знаками языка), позволяющий участникам понимать друг друга, а также достигать соглашения. Этот процесс непосредственно предполагает интерпретацию отправляемой информации с целью ее дальнейшего анализа и последующего применения.

При рассмотрении особенностей протекания коммуникации между индивидуальными личностями необходимо сконцентрироваться на понимании языка, природы его единиц, актуального значения слова, а также речи.

Обозначенная проблема имеет долгую историю рассмотрения, однако даже в настоящее время этот вопрос нельзя назвать полностью решенным. Опишем некоторые взгляды, которые сформировали современную концепцию понимания языка, речи и актуального значения слова.

Основоположник структурализма, выдающийся французский лингвист Ф. де Соссюр сформулировал свои взгляды на функционирование и сущность языка, которые до сих пор продолжают влиять на понимание особенностей процесса коммуникации.

Так, с точки зрения Ф. де Соссюра, язык представляет собой «самоорганизующуюся систему знаков» (*курсив мой – А. Р.*), существующую «в самой себе и для себя». Он является готовым *коллективным*

продуктом, *пассивно* регистрируемым говорящими в практике речи и позволяющим человеку понимать других и быть ими понятым. Более того, язык не существует полностью в голове ни одного коммуниканта. В полной мере он представлен лишь в коллективе, являясь по своей природе социальным, так как обеспечивает реализацию способности к речевой деятельности, имеющуюся у каждой индивидуальной личности [6, с. 47–48, 57].

На уровне системы языка, то есть в мозгу человека, вся информация о слове и его значении фиксируется в процессе коммуникации и хранится в виде «клада» или «склада» признаков. Таким образом, значение представляет собой готовый к употреблению «отпечаток в мозгу» носителя языка о некоем объекте действительности. При этом данные «отпечатки» «тождественны» у людей, принадлежащих к одному языковому коллективу. Из сказанного можно заключить, что язык, по всей видимости, находит свое полное отражение в речи, которая является индивидуальным актом воли и разума, существующим как формальное средство выражения мысли конкретного человека [6, с. 51–52, 109].

Заслуживает внимания также положение о роли индивидуальной личности в процессе создания и усвоения языка: она самостоятельно не может ни создать, ни изменить его. «Язык существует только в силу своего рода договора, заключенного членами коллектива», и создается практикой речи всех его представителей, находясь «вне воли тех, кто им обладает» [6, с. 52, 57, 109]. Следовательно, человек, очевидно, не участвует в управлении ни процессом изменения, ни развития языка. Ему отводится, скорее, роль субъекта познания.

Осмысляя вышеизложенные утверждения, А.В. Кравченко и М. Редди отмечают следующее. Коммуника-

ция, в соответствии с положениями концепции Ф. де Соссюра и его последователей, по всей видимости, представляет собой обмен информацией, то есть определенными звуковыми формами слов с закрепленными за ними фиксированными значениями [10]. Каждое слово имеет значение, поскольку оказывает определенное ориентирующее воздействие на окружающих [9, p. 137]. По этой причине человек, очевидно, имеет возможность передавать мысли другому посредством языка-«инструмента» («tool»), который функционирует как особый канал связи («conduit»). Это предполагает, что лексические единицы представляют собой контейнеры («conveyers»), имеющие некоторое пространство внутри («insides»), в которое говорящие вкладывают («insert»), кодируют («encode») нужное значение и посылают его по этим каналам слушающему [13, p. 167–168, 170, 184, 188]. В этом, согласно справедливому замечанию Ф. де Соссюра, участвуют как физические (звуковые волны), так и психические (соотношение понятия и акустического образа), и физиологические (импульсы мозга органам речи) процессы. Поскольку объем знаний у индивидуальных личностей, принадлежащих к одному языковому коллективу, примерно совпадает [6, с. 48–52, 57], то задача слушающего заключается в том, чтобы получить данное сообщение, извлечь («extract») и декодировать («decode») его. Таким образом, ясно, что мысли и идеи, как нечто материальное, могут «покидать» и «входить» в мозг носителей языка. Поэтому значение является, скорее, *вещью* с определенной и фиксированной формой, а не чем-то гибким и эластичным. Роль коммуниканта, по-видимому, в функционировании данной системы не считается решающей. Она сводится, по наблюдению С. Каули, к роли машины или компьютера, хранящего всю актуальную информацию о слове и выдающего – кодирующего и декодирующего – в нужный момент необходимое значение в соответствии с заранее заложенной схемой [8, p. 12]. При этом коммуникант достигает успеха в общении автоматически, не прикладывая особенных усилий, что не исключает возможности неудач коммуникации («infelicities»). Их природа в рамках традиционной парадигмы остается не совсем ясной. Однако, по всей видимости, вину в этом случае несет говорящий, так как именно он создает «пакет», который сложно или невозможно распаковать [13, p. 167–170].

Помимо описания языка как «инструмента», автономного «организма» и коллективного явления, в лингвистике существует противоположная тенденция: язык – явление индивидуальное. Революционной концепцией в этом аспекте можно назвать положения теории еще одного французского лингвиста Г. Гийома.

Так, Г. Гийом переносит акцент с социальной природы языка на психологическую, концентрируя внимание на индивидуальном сознании как точке отсчета всех языковых и речевых процессов. Он пытается описать систему языка через механизм ее функционирования в речи, то есть ненаблюдаемое изучается через наблюдаемое. С этих позиций язык представляет собой «систему и множество систем, образованных единством означаемых и означающих». Он является «виртуальной категорией», «глубинной

структурой», ограниченной определенным набором языковых вариантов, лежащих в основе речи. В этом виде язык существует в голове каждого носителя языка как то, что предшествует речи и делает ее возможной. При этом речь как структура поверхностная не ограничена количественно и подразумевает существование теоретически бесконечного числа актуализаций языкового материала [2, с. 91, 106, 130, 192]. Данное положение является, по сути, важным шагом к пониманию соотношения языка и речи, ломающим представление о языке как явлении, равном речи.

Г. Гийом пересматривает формулу речевой деятельности Ф. де Соссюра и выдвигает концептуальные положения, которые актуальны и в настоящее время. Вместо суммы языка и речи [6, с. 107–109] он настаивает на понятии интеграла – динамического объединения находящихся в постоянном взаимодействии единиц языка и бесконечного числа их актуализаций в речи. Именно так соединяются «предшествующий факт языка и последующий факт речи», то есть потенциальность языка и его реализация в речи. Каждый раз при переходе единицы с уровня системы языка на уровень речи из всего потенциального запаса языка берется лишь некоторая часть всего объема хранящихся там свойств «представлений» [2, с. 91, 106, 130, 192]. При порождении речи мышление как бы «перехватывает самого себя» в некоторой точке. Благодаря этому индивидуальная личность осознает, в каком месте бесконечного «круговорота мыслей» находится. Это происходит благодаря языку. На следующем этапе понятия, хранящиеся в долговременной памяти коммуниканта, актуализируются, что происходит в ходе соответствующих психических операций. «При этом процессы мышления и говорения совпадают, налагаясь один на другой». В этой связи чрезвычайно важно наличие контекста, поскольку без него слова рассматриваются только как «виртуальные знаки», несущие общие идеи о понятиях. Актуализация значения состоит в «кодировании мысли с помощью лексем, морфем и служебных слов». Эти процессы развертываются в течение определенного времени, называемого «оперативным». Различаются оперативное время слова и оперативное время фразы, первое из которых неуловимо, а второе может быть измерено. Они оба сосуществуют и являются ступенью перехода языка в речь. Именно в течение этого момента повторяются некоторые операции, которые обрабатывались языковым сознанием на протяжении длительного пути развития [2, с. 163–164]. Следует отметить, что вопрос времени, необходимого для выбора и актуализации единиц системы языка, до этого оставался без внимания исследователей.

Кроме того, Г. Гийом проводит границу между словом как потенциальной единицей языка и фразой как реализованной единицей речи. При этом слово является результатом длительного процесса мыслительной деятельности человечества. Это служит причиной его закрепления на уровне системы языка, в сознании индивидуальной личности; тогда как фраза – результат обдумывания того, что нужно выразить сейчас, что актуально в данный момент [5, с. 8–14, 20].

Таким образом, теория Г. Гийома, переосмыслившего и обобщившего достижения современной

ему лингвистики в вопросе о природе языка и речи, является переходом от традиционного рассмотрения языка как готового социального продукта к теории когнитивной лингвистики, рассматривающей язык как явление творческой деятельности индивидуального сознания. Теория языка Г. Гийома останавливается на тех вопросах, которые не были подробно описаны до того времени, а именно: роль личности в процессе коммуникации, время построения сообщения и условия, влияющие на вывод значения речевого высказывания. При этом решающими факторами в интерпретации процессов речевой деятельности становятся говорящий и слушающий. Кроме того, автор отмечает, что человек, получив сообщение от собеседника, сам догадывается о значении услышанного им речевого высказывания, а не получает готовое знание извне. Это важное положение свидетельствует о том, что коммуникант выводит значение фразы в процессе *творческого акта*.

Таким образом, можно говорить о значительности достижений лингвистов XIX–XX веков в вопросах анализа природы языка, речи и актуального значения слова. Однако разнообразие взглядов в исследовании этих аспектов способствует появлению необходимости в обобщении и переосмыслении достигнутых результатов. Кроме того, на этот процесс влияют новейшие достижения лингвистической науки последних лет и ее междисциплинарный характер. Это служит причиной создания новой теории языка и значения слова, которая получает развитие в конце XX – начале XXI веков.

Новым течением в рамках когнитивной лингвистики становится теория биологии познания – направление, представители которого рассматривают язык как механизм познания, который является частью сознания и лежит в основе поведения людей для приспособления к окружающей среде [11; 12]. При этом наличие сознания служит предпосылкой для выживания и специфической чертой человека, которая определяет его способность к коммуникации [11, р. 29–30; 12]. Указанное направление зарождается на стыке лингвистики и биологии, что свидетельствует о тщательном анализе роли индивидуальной личности в лингвистических процессах и явлениях. Рассмотрим основные постулаты этой теории.

Так, с точки зрения теории биологии познания, «живые системы» («living systems»), к которым принадлежит человек, – это «когнитивные системы» («cognitive systems»), то есть системы, для которых познание является средством адаптации к окружающему миру. Поскольку теория биологии познания основывается на данных биологии и анатомии человека, индивидуальная личность в ней рассматривается как организм, обладающий нервной системой. Последняя позволяет в процессе эволюции накапливать в ДНК информацию о среде, в которой живет человек. ДНК хранит знание, которое остается «стабильным для организмов на протяжении нескольких поколений» [11, р. 6].

В процессе жизнедеятельности каждый человек постоянно приспосабливается к переменам окружающей среды [4, с. 204]. При этом любое изменение отражается в его нервной системе в виде определенного

измененного состояния активности нервных клеток – нейронов, отвечающих за определенный тип чувств. Это обуславливает поведение организма. Следует отметить, что нервная система постоянно изменяется за счет роста личностного опыта. Это объясняет, почему два представителя одного рода не обладают идентичной нервной системой [11, р. 18–19, 23] и, следовательно, структурой тела, которая предопределяет его функции, влияющие на характер процесса коммуникации в целом [7, р. 195].

В течение всей жизни и в процессе общения в частности тело человека непрерывно воспринимает сигналы как его внешней, так и внутренней среды, то есть оно выполняет «функцию наблюдателя» («observer»), описывающего свою среду. По всей видимости, без наблюдателя среда неструктурирована. Давая реальным именам, наблюдатель наделяет их структурой [11, р. 14].

Каждый живой организм не создает окружающую действительность сам, но в момент рождения оказывается окруженным этой действительностью [14, р. 1]. Следовательно, он имеет свою «нишу» («niche») среды – область взаимодействий, в которые организм вступает, чтобы поддерживать свою жизнедеятельность [8, р. 1, 6, 12]. В описываемой ситуации он представляет собой *замкнутую* систему, которая существует в уникальных условиях. Учитывая свою организацию и структуру, живая система определяет сферу взаимодействий с окружающей средой, в которые она может вступать, сохраняя свою идентичность [11, р. 9–10, 32]. Из этого следует, что живая система и среда составляют единое целое и не могут существовать изолированно. Условия ниши по сравнению с условиями среды других подобных организмов и во многом похожи, и различны. При этом не существует ни одного известного способа, обеспечивающего передачу объективной информации о нише и готовых знаний человека об условиях его среды другому [9, р. 127–128; 11, р. 9–10, 32]. Это – уникальные данные, которые индивидуальная личность должна учитывать, чтобы выжить. Единственным способом обмена информацией между людьми является обмен сигналами, на основе интерпретации которых знание самостоятельно выводится коммуникантами, – язык [12; 13].

Согласно мнению представителей теории биологии познания, наличие нервной системы расширяет сферу взаимодействий организма. По этой причине возможными становятся взаимодействия со своими собственными внутренними состояниями – результатами внешних и внутренних контактов со средой, как если бы они были независимыми сущностями. Эти процессы лежат в основе формирования мышления, в том числе абстрактного [11, р. 13, 29]. Нервная система также позволяет осуществлять нефизические («non-physical») взаимодействия между организмами – ориентирование друг друга на определенные действия внутри своих собственных когнитивных областей. Это, в свою очередь, становится предпосылкой для реализации процесса коммуникации. При этом организмы способны ориентировать сами себя на определенные типы контактов с компонентами своей среды, как если бы они принадлежали некоторой независимой области. В результате этого человек становится

наблюдателем, описывающим самого себя. Это служит основой формирования самосознания, являющегося фактором, который моделирует определенный тип поведения [11, р. 13–14, 26].

С изложенной точки зрения, процесс познания рассматривается как взаимодействие организма со своей нишей среды, а жизнь – как процесс познания, поскольку на человека оказывает влияние абсолютно все, что его окружает, то есть вся его «экологическая ниша» («ecology») [8, р. 1, 6, 12]. По этой причине конечная цель жизнедеятельности организма в целом и его познавательной деятельности в частности заключается в адаптации к среде («environment») для поддержания целостности своей системы как таковой в постоянно меняющихся условиях существования [12].

Необходимо остановиться на том, что в рамках теории биологии познания возникает направление лингвистических исследований, занимающееся изучением природы языка и получившее название «биосемиотики» (от греч. «bios» – жизнь, «semeion» – знак). Оно изучает механизмы использования всевозможных естественных и искусственных факторов, которые в процессе коммуникации становятся знаками во взаимодействиях субъектов общения и окружающей среды [4, с. 203; 7, р. 190]. Сущность становится знаком – обретает ценность («value») для выживания организма, когда происходит неоднократное взаимодействие этого организма с ней [10, р. 358]. Таким образом, биосемиотика позволяет (примерно) обозначить круг факторов, которые учитывает носитель языка в процессе вывода значения речевого высказывания в рамках коммуникации.

Так, внимание к роли личностного фактора в ситуации общения и осмыслении высказывания обуславливает, прежде всего, изменение взгляда на понятие «значения». Последнее рассматривается как оценка влияния изменений окружающей и/или внутренней среды человека на приспособление к ней. Только живые системы способны выводить значение, поскольку только они могут видеть, слышать, чувствовать и говорить [7, р. 195]. Клетки тела постоянно воспринимают сигналы среды и отвечают на них запуском множественных физиологических процессов, помогающих организму интерпретировать любое воздействие. Это позволяет выводить значения поступающих сигналов из совокупности личностных смыслов и реакций организма и эффективно приспосабливаться к среде [8, р. 1–4, 6–15].

В процессе создания значения языковая личность активно использует свой врожденный потенциал формировать его. При этом значение является «коррелятом индивидуального сознания, не наблюдаемым и не переносимым от коммуниканта к коммуниканту» [1, с. 37]. Оно выводится в результате воспоминания, какой смысл возникал раньше при появлении данных сигналов в ситуациях, подобных этой, то есть в результате догадки, творческого акта, процесса «самосоздания» или «аутопозза» смысла. Следовательно, тело человека «натренировано» на запоминание опыта коммуникации в прошлом и создание аналогичного смысла [1, с. 45; 9, р. 137; 11, р. 82].

Далее необходимо обратиться к особенностям анализа процесса коммуникации на основе указанных

положений теории. Так, коммуникация с изложенных позиций представляет собой не кодирование сообщений [13, р. 167–170, 184–188], то есть вкладывание готовых значений в определенный набор символов и последующий обмен ими, как это принято считать [6]. Коммуникация – это ориентирующее взаимодействие одних организмов с другими, а также артефактов и факторов поведения посредством создания коммуникантами информации в их консенсуальной области [10, р. 359; 11, р. 28] («consensual domain») – области, объединяющей поведение взаимодействующих организмов. В процессе такого взаимодействия, начиная акт коммуникации, говорящий планирует свое языковое поведение, учитывая коммуникативный потенциал партнера, то есть его жизненный опыт и знание языка. Если он адекватен, то коммуникант настраивается на вывод значения на основе своих ожиданий. Следовательно, происходит обработка получаемой информации, которая в биологической теории познания, с точки зрения У. Матураны, представляет собой «деятельность ориентирующего характера, модифицирующую поведение ориентируемого организма» и снижающую уровень неопределенности индивидуальной личности в отношении наблюдаемого объекта [1, с. 47; 11, р. 32; 13, р. 181].

В ходе коммуникации происходит передача набора альтернатив – физических сигналов – и выбор необходимых для интерпретации, то есть создание информации. Информацией в этом случае является способность производить «не-случайный» («non-random») выбор нужных альтернатив из их полученной совокупности с тем, чтобы снизить уровень неопределенности коммуниканта в отношении наблюдаемого объекта. Сходные наборы тактик интерпретации имеются в распоряжении как отправителя, так и получателя. Это создает «заранее готовый контекст» («an a priori shared context») – условие успеха любого акта коммуникации. При этом следует учитывать, что альтернативы не передаются, передать можно только «энергетические образцы» («energy patterns») – сигналы (звуки или знаки на бумаге), которые могут быстро перемещаться между людьми, сохраняя свои физические свойства. Следует отметить, что сами сигналы не содержат никакой информации, они могут только служить стимулом, инструкцией для определенного вида действий [9, р. 137–138; 13, р. 181, 187]. Когда механические воздействия становятся сигналами для получателя, при взаимном желании достичь одной цели организмы прикладывают некоторые усилия, энергию [13, р. 174] и осознают, что меняются условия их *каждый раз новой* физической среды. Это влечет за собой *каждый раз новое* изменение их собственного состояния (нервной системы) [9, р. 131]. При анализе совпадения своего собственного состояния и условий окружающей ее среды индивидуальная личность уменьшает неопределенность своего представления о заранее имеющихся у нее альтернативах и выбирает из их изначального набора только нужные [13, р. 181–183]. Это создает необходимое знание – «информирование», что обеспечивает успешное приспособление носителя языка, то есть «встраивание» в среду [9, р. 131]. Сигналы используются не только для воссоздания исходного процесса выбора альтернатив и

смысла сообщения, но и позволяют коммуниканту постоянно контролировать свое состояние. Только человек, опираясь на эти сигналы, может создать в своем сознании смысл сообщения, сходный с тем, который имел в виду отправитель [13, p. 181, 187].

Интерпретация поступающих сигналов зависит от разных факторов. Среди наиболее важных выделяются особенности познающей структуры; знания, уже существующие на основе индивидуального опыта общения; оценка человеком результатов взаимодействия с окружающей средой; оценка степени соответствия языкового поведения отправителя сообщения потребностям организма получателя. Кроме того, при выводе значения коммуникант учитывает мимику, жесты, интонацию, язык тела, темп и тембр звучащей речи. Все это соединяется («couples») с контекстом – условиями общения – и способствует выведению соответствующего смысла поступающих извне сигналов [7, p. 189; 8, p. 12–16].

За счет постоянной смены ролей говорящего и слушающего, а также запоминания телесного опыта, связанного с определенными высказываниями, индивидуальная личность ориентирует свое поведение в процессе общения и стремится найти главное и общее в принципах использования языка. Это помогает человеку обрести свое «чувство языка» («*language stance*»), которое становится основой понимания и предугадывания того, что будут говорить или думать окружающие. При этом его формирование происходит в мире, где уже существует язык. Исходя из этого, становление «чувства языка» начинается с наблюдения и самостоятельного конструирования окружающей среды коммуникантом, а также получения опыта интеграции восприятия, действий и речевых высказываний, который, тем не менее, остается уникальным. Следовательно, язык становится стимулом к использованию индивидуальных способностей для взаимодействия с окружающими людьми. Сформированное адекватное коммуникативное поведение, в свою очередь, является результатом овладения языком [7, p. 192].

Таким образом, очевидно, что теория биологии познания обладает значительным потенциалом для анализа процесса коммуникации, поскольку в рамках общего анализа в концепции даются ответы на вопросы, которые оставались недостаточно освещенными в контексте других лингвистических исследований. В частности, процессы, происходящие в мозгу и теле носителя языка при восприятии и интерпретации полученного сообщения, природа коммуникативных неудач, роль контекста и опыта общения, природа языка, а также понятие значения высказывания.

Учет и тщательное изучение перечисленных аспектов позволяют сделать некоторые выводы и оценить потенциал использования изучаемой теории для анализа лингвистических явлений и процессов. Так, в новой теории пересматривается основная функция и природа языка. У. Матурана полагает, что изначально язык служил человеку для ориентации в его когнитивной области. В рамках этой деятельности коммуниканты создают знаки, которые не содержат в себе значения, а являются ориентирами для создания нового знания. При этом под «когнитивной областью»

У. Матурана понимает область или сферу взаимодействий, в которые может вступать данный живой организм. Взаимоориентирующее поведение в процессе эволюции способствует значительной диверсификации видов взаимодействий между «общественными животными». Соответственно на основе этого становятся возможными совместные, «консенсуальные взаимодействия между организмами», что обуславливает появление естественного языка. В дальнейшем это является причиной постепенного усложнения внутренних функций организма, например развития артикуляционных органов и появления новых взаимосвязей между различными участками головного мозга [11, p. 35].

На этом этапе возникает вопрос, как носителям языка удастся достигнуть консенсуса, когда каждый из них, стремясь удовлетворить свои собственные потребности, живет по своей программе и поступает в своих интересах. У. Матурана предлагает следующее решение. Ориентация на взаимодействие выбирается говорящим «в результате независимой внутренней операции над собственным состоянием» в ответ на вызовы среды. «Консенсус возникает лишь благодаря кооперативным взаимодействиям, в которых результирующее поведение каждого из организмов служит поддержанию их обоих» [11, p. 32; 12]. Это утверждение не согласуется с точкой зрения многих лингвистов, которые полагают, что стремление достигнуть консенсуса является врожденным и следует из необходимости удовлетворения естественной потребности человека в общении [3, с. 227]. Таким образом, в вопросе о природе языка теория биологии познания исходит из предпосылки, что язык – всего лишь одна из *биологических функций* человека как живого организма [12], которая модифицирует его среду путем модификации поведения других организмов посредством консенсуальных взаимодействий с ними [9, p. 125; 10, p. 359].

В рамках теории биологии познания пересматривается роль коллектива в процессе функционирования и создания языка. В частности, переосмысливается значимость деятельности конкретных индивидуальных личностей, которые составляют определенный социум. По этой причине значение в теории биологии познания по своей природе индивидуально и выводится каждый раз заново. При интерпретации смысла высказывания учитываются не только особенности поведения носителя языка и реакции его тела, но и воспринимается все разнообразие внешних факторов, входящих в каждую конкретную ситуацию общения. Однозначно учесть и перечислить их не представляется возможным. Поэтому абсолютно идентичные значения в речи не возникают, поскольку не существует и двух абсолютно идентичных ситуаций. При этом поступающая информация непредсказуема и соотносится с существующей у человека врожденной или приобретенной системой ценности («*value*») того или иного объекта. Она действует как система контроля и регулирования, направляющая поведение организма. На основе этого языковая личность дифференцирует поступающие сигналы и решает, использовать их в качестве инструкций или отвергнуть. Исходя из этого, значение определяется оценкой ор-

ганизмом чего-либо с точки зрения приспособления к условиям физической и культурной среды. Результаты оценивания, в свою очередь, ведут к изменению состояния организма и являются предпосылкой для жизнедеятельности человека и основным стимулом для процесса познания и в конечном счете выживания [7, p. 195–196; 10, p. 358].

Кроме того, в теории биологии познания переосмысливается содержание и формирование единиц системного уровня языка. В рамках описываемой концепции отмечается, что язык и значение возникают только в момент общения – в миг, когда условия окружающей среды складываются определенным образом. Следовательно, жизнь коммуниканта складывается именно из этих мигнов [13, p. 187]. При этом особенности индивидуального значения осознаются с учетом следующих факторов. Вступая в процесс коммуникации, человек запоминает опыт интерпретации своего состояния и условий окружающей среды, взаимодействия с ней и использования звуковых сигналов при этом. Их объединение с языковым контекстом и ситуацией общения, а также их многократное повторение в сходных обстоятельствах постоянно фиксируются в памяти в виде инвариантов. Они категоризируются вместе с уже имеющимися знаниями о языке и языковой деятельности и со временем становятся составляющими элементами структуры тела коммуниканта. В результате в процессе жизнедеятельности индивидуальная личность постоянно увеличивает имеющиеся у нее знания [7, p. 189–195; 11, p. 27]. При этом лингвистический опыт использования знаков меняется, в то время как они каждый раз интерпретируются в уникальных условиях, когда человек взаимодействует со средой и другими людьми. На основании этого носитель языка понимает, как в результате творческого акта по созданию гипотез использовать слова, точнее, звуковые сигналы, которые помогают ему конструировать из своего собственного ментального материала («mental stuff») что-то, что близко, но не эквивалентно содержанию оригинального сообщения. Именно поэтому при функционировании языка часто возникает недопонимание («miscommunication»). Для того чтобы его преодолеть, коммуникантам необходимо постоянно прикладывать усилия [13, p. 167, 174–175, 186]. Обобщая все сказанное, ясно, что в процессе общения создание значения основано частично на уже существующем в теле знании и частично создается в момент коммуникации («on line») [7, p. 192–193]. Из этого следует, что на уровне системы языка не могут храниться «склады» фиксированных значений, которые, подобно схемам компьютера, приходят на помощь коммуникантам в кодировании и декодировании информации.

Наконец, теория биологии познания позволяет пересмотреть устаревшие традиционные представления о системе языка как зеркально представленной в речи [6, с. 48–52]. На смену этому приходит концепция асимметрии системы языка и речи. Новая теория доказывает, что на уровне системы языка коммуниканта у слова хранится только представление о нем – единица высокой степени абстракции, инвариант всех его лексико-семантических вариантов, который на

уровне речи может актуализироваться в теоретически бесконечном числе контекстов.

В заключение следует отметить, что в новом понимании язык по-прежнему рассматривается как система, но не как «замкнутое автономное образование, а интегрированная часть среды, в которой живет и действует человек» [8, p. 4, 8, 14]. Вывод значения происходит на основе ментальных единиц, которые являются результатом категоризации, интерпретации и запоминания взаимодействий организма с окружающим миром. Следовательно, значение характеризуется *гибкостью*, оно *уникально* и создается заново в каждой конкретной ситуации общения и словоупотребления.

Литература

1. Архипов, И.К. Описание языка как отражение познания и самопознания / И.К. Архипов // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ: Лингва, 2009. – С. 37–55.
2. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом; пер. с фр. П.А. Скрелиной. – Москва: Прогресс, 1992. – 223 с.
3. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; пер. с нем. под ред. Г.В. Рамишвили. – Москва: Прогресс, 1984. – 400 с.
4. Кравченко, А.В. Когнитивный горизонт языкознания / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – 319 с.
5. Скрелина, Л.М. Систематика языка и речевой деятельности: лекция / Л.М. Скрелина. – Ленинград: Изд-во ЛПИ им. А.И. Герцена, 1980. – 39 с.
6. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр; пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. – Москва: Прогресс, 1977. – 696 с.
7. Arkhipov, I.K. Biology of Cognition, Biosemiotics and Second Language Acquisition / I.K. Arkhipov // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – Pp. 185–213.
8. Cowley, St.J. Cognitive Dynamics: Language as Values Realizing Activity / St.J. Cowley // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – Pp. 1–33.
9. Kravchenko, A.V. Grammar as Semiosis and Cognitive Dynamics / A.V. Kravchenko // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions; ed. by A. Kravchenko. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012. – Pp. 125–154.
10. Kravchenko, A.V. How Humberto Maturana's Biology of Cognition Can Revive the Language Sciences [Электронный ресурс] / A.V. Kravchenko // Constructivist Foundations. – 2011. – Vol. 6, № 3. – Pp. 352–362. – Режим доступа: <http://www.univie.ac.at/constructivism/journal/6/3/352.kravchenko> (дата обращения: 31.03.19).
11. Maturana, H.R. Autopoiesis and Cognition / H.R. Maturana, F.J. Varela. – Dordrecht: Reidel Publishing Company, 1980. – 143 p.
12. Maturana, H.R. Biology of Cognition [Электронный ресурс] / H.R. Maturana // Biological Computer Laboratory Research Report BCL 9.0. – 1970. – Режим доступа: <http://www.enolagaia.com/M70-80BoC.html> (дата обращения: 31.03.19).
13. Reddy, M.J. The Conduit Metaphor: A Case of Frame Conflict In Our Language About Language / M.J. Reddy // Metaphor and Thought; ed. by A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – Pp. 164–201.
14. Varela, F. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / F. Varela, E. Thompson, E. Rosch. – Cambridge, Mass: MIT Press, 1991. – 308 p.

A.S. Rumyantseva

**ON THE POTENTIAL OF BIOLOGY OF COGNITION THEORY
IN COMMUNICATION ANALYSIS**

The article discusses the most prominent linguistic theories focusing on the explanation of the communication process, the nature of language, speech and situational word meaning. Traditional linguistics defines language as a system which is fully represented in speech, thus these two systems coincide. The given statement does not imply an active role of the speaker in the process of receiving and interpreting the language message. This formula is a source of numerous discussions as the modern science has proved that a speaker is the starting point of any language process. The described above inconsistency has been analysed and studied in the frames of the new biology of cognition theory which unites linguistic research, the latest achievements of biology and data on the life process of organisms, human beings also belong to. The complex of all the aspects enumerated makes it possible to conduct a multi-aspect and comprehensive description of the communication process and of the utterance interpretation and formation by the language user.

Biology of cognition, biosemiotics, language, speech, communication process, situational meaning.

Г.В. Судаков

Вологодский государственный университет

«ПОЛНЫЙ ВСЕОБЩИЙ СТЯПЧИЙ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДЕЛОВОГО СТИЛЯ

Функциональные стили русского национального языка активно развивались в первой половине XIX века. Их становлению способствовали специально издаваемые учебные руководства. В статье оцениваются как лингвистический источник пособия по «канцелярскому языку», неоднократно издаваемые в начале XIX века. Рассмотрены структура и формуляр, лексико-фразеологические и грамматические средства делового языка. Доказано, что деловой стиль начала XIX века уже имел широкое актовое и стилистическое разнообразие.

История языка, функциональный стиль, тип делового акта, жанровые и стилистические особенности, структура и формуляр документа.

Для полной характеристики формирующегося русского литературного языка национального периода крайне важно выявить «основные стили литературного языка и определить их иерархию, их семантический и функциональный вес и соотношение, их взаимодействие и сферы их применения» [1, с. 155]. При этом надо иметь в виду, что стили различаются не только сферами употребления, но и формами реализации (устная или письменная), особенностями лексико-фразеологического наполнения, грамматическими ресурсами, эмоционально-оценочными и экспрессивно-образными средствами, своей системой клишированных средств.

Предмет нашего исследования – отдельные акты «канцелярского» языка начала XIX века, представленные в учебных руководствах С.И. Ушакова.

Чтобы понять значение труда С.И. Ушакова среди других, приведем короткую справку.

Первым автором учебного пособия по делопроизводству в начале века стал Иван Алексеевич Морков (в некоторых источниках – Марков, 1764–1847) – служащий Коллегии иностранных дел, писатель, переводчик и автор руководства под названием «Всеобщий стряпчий, или Краткой приказной обрядчик, содержащий в себе: формы, примеры и обряды, как и на какой бумаге пишутся, или следует писать...» (СПб., 1810. Ч. 1–5; 6-е изд. СПб., 1820–1821. Ч. 1–16). Один экземпляр части 1-й издания 1810 г. имеется в Тотемском краеведческом музее, а часть 1-я шестого издания (СПб., 1820 г.) хранится в Кириллове (КБИАХМЗ) [2, с. 1/33, 11/29].

Двумя изданиями: в 1811 г. и в 1815 г. – выходит труд «Новый и полный всеобщий стряпчий, или Судебный обрядник...», изданный в Москве анонимным автором. Здесь было показано, как писать апелляционную жалобу, вексель, расписку, счет, заемное и верящее письмо, прошение, жалобу, договор, доношение, закладную, контракт, купчую, отпускную, свидетельство, билет для пропуска, паспорт, объявление, подписку, раздел, рядную, духовное завещание.

Эту же идею «юридической грамматики» продолжает и капитальное сочинение Семена Ивановича Ушакова «Полный всеобщий стряпчий, или словарь практического гражданского делопроизводства...», изд. 1-е, 1817 год; изд. 2-е, испр. и увелич., 1822–1825 гг. (Ушаков). В названии книги были упомянуты разновидности деловых актов, написанию которых учило это пособие: исковые, явочные, мировые и обыкновенные прошения, апелляционные и частные жалобы, доношения, объявления, закладные, заемные, домовые и крепостные письма, договоры и контракты, верющие (доверенность), обязательные, поступные, отпускные письма и векселя, духовные завещания, дарственные, купчие рядные, раздельные, меновные и другие записи, купчие крепости, ревизские сказки. Объем данного пособия – 3 тома, в них 20 частей по 250 страниц каждая. В Кирилловском и в Тотемском музеях издание 1822–1825 гг. сохранилось почти в полном объеме [2, с. 10/33–11/33, 20/29–21/29]. Этим изданием при анализе пользуемся и мы, см. оформление ссылок: (Ушаков, ч. ..., гл. ..., с. ...). С.И. Ушаков (1789–?) – писатель, историк, до создания своего главного труда служил в училище правоведения, в Финляндском губернском управлении, в Министерстве внутренних дел, в Департаменте горных и соляных дел.

Напомним о содержании двух основных понятий, которые будут использоваться далее в статье: *лингвистическая содержательность* и *лингвистическая информационность*. Впервые эти дефиниции были предложены С.И. Котковым: «Лингвистическая содержательность – это совокупность заключенных в источнике лингвистических данных, определяемая его содержанием и отношением данного источника к определенному лингвистическому образованию (языку, наречию, говору)» [3, с. 10]. Лингвистическая информационность – это степень отраженности в памятнике лингвистической содержательности.

Цель исследования – выявление специфических особенностей русского «канцелярского» языка как речевой реализации русского делового стиля начала

XIX века. В наши задачи входит выявить в тексте документа устойчивые языковые факты – трафареты или клаузулы, а также зафиксировать иные жанрово-стилевые признаки: лексико-фразеологические, морфологические, синтаксические и стилистические.

Привлеченный источник ранее не являлся предметом лингвистического изучения. Историки права достаточно обстоятельно оценили роль этого учебного руководства как юридического памятника.

В книге выделяются три раздела. В целом издание содержало огромный судопроизводческий материал: законодательные акты, технологию ведения дел, образцы деловых бумаг.

Первый соответствует первой части и содержит список государственных учреждений и официальных лиц, в чью компетенцию входит рассмотрение разных юридических вопросов. Здесь есть некоторые примечания, имеющие отношение к речевому этикету: например, в «росписании классов гражданских чинов» читаем: «имеющие Княжеское или Графское достоинство во всех чинах удерживают титул: Ваше Сиятельство; Князья же с титулом Светлости титулуются Ваша Светлость» (Ушаков, ч. 1, гл. 9, с. 3).

Во втором разделе (части 2–15) помещен словарь практического гражданского делопроизводства.

Третий раздел имеет юридическое содержание.

Для целей нашего исследования важен словарь гражданского судопроизводства. Словарная статья содержала четыре компонента: 1) наименование документа или название процесса; 2) развернутое определение понятия; 3) перечень нормативных актов, определяющих содержание документа или процесса; 4) образцы основных видов данного документа.

На протяжении XIX века функции стряпчего менялись, но применительно ко времени создания анализируемого пособия «стряпчий в России 1775–1864 гг. – название некоторых судебных чиновников» [3, с. 661]. Как известно, после 1832 года стряпчие смогли выполнять и адвокатские функции. Но главное – умение стряпчих точно и правильно сочинять различные виды актов, знание особенностей судопроизводства и опыт в документоведческой сфере.

Какие виды деловых документов рассматриваются в «Полном и всеобщем стряпчем»? Официально-деловой стиль на рубеже веков – восемнадцатого и девятнадцатого – сильно зависел от процесса перехода России от коллегиальной системы управления к министерской. Письменная форма этого стиля сохраняла книжный характер, а устная форма (торжественные собрания, заседания, приемы, доклады государственных деятелей) в значительной мере подражала письменным образцам. Административно-канцелярская разновидность делового языка реализовывалась в актах, распоряжениях, приказах и иных деловых бумагах, как заявление, доверенность, расписка и т.д. «Канцелярский» язык характеризовался высокой регламентированностью речи (определенный арсенал способов построения и средств выражения), официальностью (строгость изложения, отсутствие образности). Композиционно-стилистическая сторона делового документа предполагала наличие трех составляющих: клаузула – часть документа, обозначающая отдельное правовое действие или отношение; формуляр – состав

и порядок следования клаузул; формула – регламентированная речевая форма (фразеологизм, синтаксическая модель, постоянный лексический состав [5, с. 98].

По юридическим основаниям документы в «Полном всеобщем стряпчем» могут быть разделены на следующие виды (с опорой на классификацию русских актов С.М. Каштанова [5, с. 24–25]):

1) публично-правовые акты имеют удостоверительный и договорно-удостоверительный вид: верующие грамоты, паспорта;

2) публично-частные акты имеют договорный вид: откупа и подряда;

3) частные акты: а) акты на землю: купчие, меновные, закладные, мировые; б) акты на имущество, деньги и несвободных людей: духовные, дарственные; в) акты на холопов: купчие, отпускные; г) денежные акты: заемные, векселя, доверенности; д) акты трудового найма: договоры, контракты;

4) делопроизводственные документы (докладной вид): доношения;

5) частно-публичные документы (просительный и просительно-апелляционный виды): а) прошения, б) заявления (объявления), г) жалобы («жалобницы», апелляции).

Из этого перечня актуально в языковом плане изучение таких документов, как апелляционная жалоба, исковое прошение, мировое прошение. Просительно-апелляционные акты – новый для того времени вид документов, но в нем сохраняются и элементы прошлых веков. Апелляция – это не только форма обжалования судебного решения в вышестоящий суд, но и определенный вид документа, и сам процесс обжалования. В искомом прошении полагалось прописывать содержание иска («в чем именно состоит иск»): когда, сколько, каковы убытки? (Ушаков, ч. 8, с. 87). Мировое прошение – заявление о достижении согласия спорящими сторонами (Ушаков, ч. 10, с. 1).

Рассмотрим формуляр апелляционной жалобы, в котором мы выделяем три основные части: заголовок, основная часть, концовка.

Заголовок – начальный элемент документа: указание на адресата (обращение), приложение («приношение») и данные об адресанте. Этот начальный протокол – полное двусоставное предложение, где адресант – подлежащее, а приношение (ранее – челобитие) – сказуемое.

Формула адресата – это имя, отчество царя и титул. Все элементы – разные по времени происхождения и не являющиеся полными синонимами: **самодержец** «единовластный правитель» – **император** «государь крупной монархии» – **государь** «хозяин, владелец; царь». См. пример установленного написания Высочайшего Императорского титула «крупными литерами, с отменю перед прочими словами» (Ушаков, ч. 1, с. 7): **ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШИЙ, ДЕРЖАВНЕЙШИЙ. ВЕЛИКИЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ, САМОДЕРЖАВЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ, ГОСУДАРЬ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ**. Ряд качественных прилагательных в превосходной степени, которая является стилистически окрашенной, относится к высокому торжественному стилю, придает обращению возвышенный оттенок, подчеркивает почтение и уважение к царствующей персоне.

Формула адресанта начинается с приношения («приносить» + прямое дополнение в вин. п.) + именная группа (имя, отчество, фамилия апеллятора) с несколькими приложениями. При сказуемом находится и косвенное дополнение с предлогом *на* и несколькими определениями. См. пример: «Приносит апелляционную жалобу Титулярный советник И.В. Бедной такого-то Надворного суда на неправо решение II-го Департамента» (Ушаков, ч. 2, с. 7). В зависимости от того, кем написана апелляция: самим истцом или его поверенным – различаются два варианта сведений о подателе жалобы: 1) характеристика апеллятора: служебное положение (титулярный советник), профессия (корабельщик), нация (аглицкой нации), родство (сестра Майора), место жительства (Тверской гильдии купец), титулы (граф); 2) характеристика поверенного: личное имя + одиночное определение: «Приносит апелляционную жалобу по доверенности Господина Тайного Советника и Кавалера N.N. сына Д. Губернский Секретарь П.В. сын Е. на неправо решение Межевой Канцелярии» (Ушаков, ч. 2, с. 82).

Основная часть состоит из трех разделов: 1) изложение обстоятельств дела; 2) мотивы и причины обращения с жалобой; 3) действия, которые желательны для адресанта.

В первом разделе важны обязательные компоненты: название судебной инстанции, где было первичное слушание дела; первичная судебная инстанция, из которой дело поступило для пересмотра; ответчик; объект тяжбы. Кроме того, указывается дата первичного рассмотрения, местонахождение ответчика, пункты законодательных актов, которые нарушены во время рассмотрения дела.

В повествовательном разделе основной части, который оформлялся относительно свободно, выделим обязательные компоненты: доводы сторон и причины возникновения тяжбы.

Содержание просьбы выражалось особой формулой, которая начиналась с элемента «всеподданнейше прошу», связывают повествовательный и просительный разделы. Наречие *всеподданнейше* вносит возвышенный оттенок, свойственный для книжной речи. Основной вид просьбы выглядит так: «всеподданнейше прошу: Дабы ВЫСОЧАЙШИМ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Указом повелено было Палате Гражданского Суда меня от иску избавить». Перечень желаемых действий: *жалобу принять, по претензии удовлетворить* и др. Здесь же указывалось, что проситель пошлинные деньги уплатил, приводилось название инстанции, принявшей неправильное решение, «противное вышеизъясненным законам и настоящему существу дела».

Заключительная формула просительно-апелляционного акта единообразна, в ней шесть частей: 1) ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ; 2) Прошу ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО о сей моей апелляционной жалобе решение учинить; 3) дата написания документа; 4) название судебного органа, в котором будет слушаться дело; 5) данные о составителе (чин или должность, имя, отчество, фамилия); 6) подпись апеллятора.

К анализу структуры апелляционной жалобы добавим замечания о структуре мирового и искового

прошения. Начальные протоколы совпадают почти полностью, только проще формула адресанта: «просят + Ф.И.О. тяжущихся в им. п. и их данные», ср. «Прочит С.П. Бургский купец А.Б. сын Ф. на С. купца Г.Д. сына Е.» (Ушаков, ч. 8, с. 94).

Исковое и мировое прошения имеют практически одинаковые казусно-просительные части. В них три раздела: 1) обстоятельства дела, 2) причины обращения с жалобой; 3) действия, которые были бы желательны по отношению к адресанту. Условия прекращения тяжбы и примирения сторон описывались всегда подробно. Определенной языковой формулы эти разделы не имеют.

Концовки у всех актов просительно-апелляционного вида не имеют существенных структурных особенностей.

Сравним структуру просительно-апелляционного акта с денежным актом, например с векселем. Слово *вексель* – продукт Петровской эпохи, первое употребление – 1698 г., заимствование из немецкого, его основное значение «документ, содержащий какие-либо денежные обязательства». Слово обрусело практически в течение одного столетия, приобрело производные: *векседавец, векседавицын, векселек, вексельный, векслер* [6, с. 7–8]. В «Полном всеобщем стряпчем» описан один вид векселя – переводной вексель «письменный приказ одного лица другому уплатить определенную сумму денег третьему лицу», сфера его функционирования – коммерция. Векселя составлялись не только «в Присутственном месте, но и без свидетелей (по образцам в Вексельном Уставе)» (Ушаков, ч. 3, с. 16).

В заголовке векселя указано место и время составления документа, название акта с обозначением его стоимости, например: «Новгород, Генваря 7, 1729 года. Вексель на двести рублей» (Ушаков, ч. 3, с. 127).

В основной части обозначены срок уплаты денег заемщиком, имя и фамилия векселедержателя, сумма долга, фамилия лица, от которого получен займ. См. пример: «В шестьдесят дней, считая от сего дня 3 дня генваря 1729 года, заплати по сему моему первому векселю господину Прохору Кондратьеву, купцу новгородскому, или кому он прикажет, пять сот рублей. Платеж получен от господина Кондратия Иванова, купца тверского» (Ушаков, ч. 3, с. 126).

В заключительной части векселя приводятся формулы адресата и адресанта. Формула векселедателя начинается со слов «ваш покорный слуга» – это штамп, который подчеркивает близкие и уважительные отношения между кредитором и заемщиком: «Ваш покорный слуга Иван Завьялов, новгородской купец (Ушаков, ч. 3, с. 127). Ср. формулу адресата: «Господину Семену Зиновьеву в Нижнем Новгороде, в приходе церкви Николая Чудотворца» (Ушаков, ч. 3, с. 127).

Специфические признаки векселя следующие: малый объем, наименование векселедателя предшествует названию векселедержателя, отсутствие почетных или наследственных титулов.

Вместе с тем, в любом канцелярском акте обнаруживаются три части, а также обязательная датировка, в формуле адресанта указывается имя, фамилия, род занятий или профессия адресанта.

Речевые особенности деловых документов рассмотрим по уровням языка: лексика и фразеология, морфология, синтаксис.

«Канцелярский» язык начала XIX века отличался замкнутостью используемой лексики: это ограниченное число тематических групп, единицы с умеренно книжной стилистической окраской, большое число стандартных средств.

Перечислим основные тематические группы лексики и фразеологии (приводим не более 3–9 примеров):

1. Слова литературного языка, получающие в тексте специальное значение (терминологическая лексика):

- названия нормативных актов: *вексельный устав, манифест, узаконение*;

- названия деловых бумаг и их составных частей: *апелляция, мировое прошение, протест, договор; допрос, опись, подпись руки, рукоприкладство, ссылка*;

- названия административных и судебных инстанций: *гражданская палата, городской магистрат, губернское правление, департамент, межевая контора*;

- названия действий, составляющих судебный процесс: *решение, подание, показание, ходатайство, взыскание, истребование, отдача*;

- наименования участников судебного процесса: *истец, истцовая сторона, ответчик, ответственная сторона, судящиеся, тяжущиеся*;

- названия предмета тяжбы: *беглые люди, имение, недвижимое, пожитки, угодья*;

- термины финансово-денежной системы: *взнос, казна, наличные деньги*;

- наименование лиц по должности, гражданскому или военному чину: *губернский секретарь, коллежский советник, капитан, полковник, поручик*.

Употребляемые слова и выражения не имели четкого терминологического статуса, поэтому данный сегмент лексики изобилует синонимами: *апелляция – апелляциянная жалоба, подпись руки – рукоприкладство, истец – истцовая сторона, межевая канцелярия – межевая контора, судящиеся – тяжущиеся*.

2. Канцеляризмы – это общеизвестная лексика, которая обладает особой функционально-стилистической окраской, часто используемые слова и обороты, связанные с повторяющимися ситуациями и унифицированным выражением мысли: *вручить, надлежит, вышеупомянутый, исходящий, незамедлительно, денежная сумма, недвижимое имение, избавить от иску, уволить от платежа, к сей жалобе руку приложил, дело производством прекратить*. Формирование канцеляризм как шаблонных и устойчивых элементов «канцелярского» языка началось в Петровскую эпоху: начала и концовки грамот, сложные предложения с союзами *понеже, поелику, дабы*. Подобные речевые средства распространились и в другие разновидности литературного языка, но, где бы они ни употреблялись, всегда имели отпечаток «приказного» языка. А.П. Сумароков заметил, что: «...подьячие... высокомерятся любимыми своими словами: *понеже, точию, якобы, имеет быть, не имеется* и прочими такими» [7, с. 266]. Он же критиковал Ломоносова за употребление приказных слов *токмо, якобы, имеется*.

3. Международная терминология в форме заимствований – следующая особенность канцелярского словаря. В основном заимствовались слова следующих тематических групп: административная терминология, наименования лиц по должности и чину, наименования законодательных документов и деловых бумаг. В составе этих групп иноязычная лексика составляет не менее 53% от общего числа слов. Основная масса заимствований – латинского происхождения, они приходили в русский через польское или немецкое посредство: *апелляция, апеллятор, вексель, генерал-майор, канцелярия, коллегия, коммерция, протест, регистратор, резолюция, сенат, титул*. Среди новой терминологии и голландское слово *квитанция*, и французские *департамент, контора*.

Процесс европеизации лексики и фразеологии делового языка расширял его права и влияние.

4. Нужно заметить, что в составе канцелярской терминологии оказались и церковнославянские лексемы *гражданин, обязательство, совет* и др. Одновременное употребление иноязычного заимствования и своего слова или оборота – частый факт в деловом словаре, например: *апеллятор – истец, апелляция – переносная жалоба*. Самая многочисленная группа исконных слов – это слова с финалией *-ние*: *владение, доношение, имение, истребование, настояние, описание, определение, оправдание, прошение, подание, решение* и др.; с суффиксом *-ств-*: *доказательство, имущество, свидетельство, разбирательство, рукоприкладство, свидетельство, ходатайство*; с суффиксом *-тель*: *веритель, переводитель, проситель*.

5. Примером лексических новаций является и пласт судебно-административной лексики, относящейся к судебному процессу. С учетом характера процесса можно выделить термины разбирательства между истцом и ответчиком (*тяжба – тяжбное дело, суд – судное дело, спор – спорное дело*); названия терминов судебного процесса с позиций истца (*иск, апелляциянная жалоба, претензия*). Синонимы в этих лексических группах могут быть тождесловами, но часто они характеризуют понятие с разных сторон, добавляют смысловые и экспрессивные оттенки в семантической структуре слова.

Морфологические особенности «приказного» языка заключаются в частотности употребления разных частей речи и их форм. Выборочный анализ показал, что существительные в исследуемых документах составляют 40 %, местоимения – чуть более 30 %, а глаголы – лишь 10 %.

В устойчивые сочетания часто входят отглагольные существительные: *выполнение решений, принятие постановлений, принимать участие, иметь жительство*. Преобладание отглагольных существительных породило яркую особенность «канцелярита» – низывание форм родительного падежа: «...в случае решения присвоения денежной суммы приемлю платить половину долга» (Ушаков, ч. 8, с. 45). Как правило, эти существительные пополняли ряды имен с отвлеченным значением: *владение, доношение, истребование, описание, определение, настояние, оправдание*. Многие ныне активные существительные с финалией *-ние* возникли в конце XVIII – начале XIX в. благодаря развитию административного и юридического жанров.

Из местоимений выделяются архаичные канцеляризмы *каковой, кой, оный, сий: сие мое мировое прошение, сия моя апелляционная жалоба.*

Для выражения особо уважительного, почтительного отношения к высшим особам, чаще всего к императору, были приняты формы превосходной степени прилагательных: *всемилостивейший, всеподданный, всепресветлейший, высочайший, покорнейше.*

Поскольку деловая письменность отражает бытовую практику эпохи, то в ней находят место и качественные прилагательные, и наречия. Хотя количество их невелико, но для выражения экспрессии и эмоциональности, от которых не свободна служебная переписка, их вполне достаточно.

Среди глагольных форм заметен инфинитив, который входит в конструкции типа *прошу рассмотреть, прошу уничтожить, имею представить, имею доказать, станет отпираться – станет отказываться.*

Приметой «канцелярского слога» является употребление причастий и деепричастий. Причастия способствуют более лаконичному изложению мысли и сжатию объемных конструкций деловой речи. Формы деепричастий в канцелярской речи более разнообразны за счет широкого употребления архаичных форм: *оставят, назначу, быв* и подобные.

Переходя к синтаксису, отметим распространенные в это время словосочетания с предлогами *вследствие чего, согласно Уложению, в связи с обстоятельствами, ввиду этих причин.*

Синтаксис «канцелярского» языка отличался громоздкостью конструкций, сложными периодами, смешением церковнокнижных и приказных элементов [9, с. 125, 133]. Так, сложноподчиненные предложения с придаточными цели часто вводились в конструкцию с помощью книжного союза *дабы* (по сравнению с редким общеупотребительным союзом *чтобы*): «...прошу: дабы **ВЫСОЧАЙШИМ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА** Указом повелено было сию мою апелляционную жалобу в П. Гражданской Палате принять, а решение Уездного Суда, учиненное вопреки означенных Узаконений, отставить, а меня по безпричинно введенному иску избавить» (Ушаков, ч. 2, с. 81).

К жанрово ограниченными относятся условные конструкции с союзом *буде* (наряду с общеупотребительным *если*): «Буде же он... от принадлежности оных мне чем-либо станет отпираться, то я имею доказать сие свидетельствами» (Ушаков, ч. 8, с. 94).

Характерной приметой «канцелярского» слога является, возможно, заимствованный из немецкого выдвинутый вперед род. падеж имени существительного со значением лица (владельца, автора) и т.п., например: Надворного Суда 2-й Департамент; Московской гильдии купец; неправое Гражданской палаты решение; Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом; от собственного его господина Ф. именем. В подавляющем большинстве случаев род. падеж имени существительного прикрывается согласуемым с существительным именем прилагательным.

В заключение заметим, что анализируемое руководство имеет отношение прежде всего к юридической практике и касается рассмотрения гражданских дел, реже – уголовных. Язык юридических докумен-

тов, касающийся процессуальной практики, был достаточно разработан и имел устойчивые традиции к началу XIX века, в силу этого мог положительно влиять на другие разновидности делового канцелярского языка.

Прежде всего была отработана структура каждого вида процессуального акта: формуляр, формулы-трафареты, лексическое наполнение и синтаксис определенного набора предложений. Тексты содержат преимущественно сложноподчиненные предложения большого объема.

Лексико-фразеологическое наполнение этих актов относится к активным элементам русского словаря начала XIX века, представляет как юридическую терминологию, так и финансовые термины, лексику торговли и быта. Это наиболее содержательный и лингвистически информационный аспект изученных текстов.

В морфологии «канцелярского» языка отмечается преобладание именных частей речи и высокая частотность причастий.

Памятники делового стиля, представленные в «Полном всеобщем стряпчем», являются ценным источником, объективно представляющим состояние официально-делового стиля эпохи складывания стилистической системы русского национального языка.

Источник

(Ушаков) – Полный всеобщий стряпчий, или словарь практического гражданского делопроизводства, содержащий в себе: описание всех присутственных, судебных, правительственных и полицейских мест и ведомий и частных лиц, особливую власть и должность имеющих; положительное изъяснение законов для произвождения разных тяжбных, судных, следственных, вотчинных, крепостных, межевых полицейских, подрядных, откупных и других как приказных, так и домашних дел, с подробным изложением правил: как и на какой бумаге следует писать и в какие правительства или судебные места предъявлять и подавать различного рода исковые, явочные, мировые и обыкновенные прошения, апелляционные и частные жалобы; доношения, объявления, закладные, заемные, домовые и крепостные письма; договоры и контракты, как с частными лицами так и с казенными местами заключаемые; верющие, обязательные, поступные, отпускные письма и векселя; духовные завещания; дарственные, купчие рядные раздельные. Меновые и другия записи; купчие крепости, ревизския сказки проч.; обряды советнаго словеснаго, третейскаго и медиаторскаго судов и полный свод всех заключающихся в сей книге узаконений. Собран С. Ушаковым. – Изд. 1-е, 1817 год. – Изд. 2-е, испр. и увелич., 1822–1825 гг.

Литература

1. Виноградов, В.В. О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв. / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды: История русского литературного языка. – Москва: Наука, 1978. – С. 152–177.
2. Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. – Вологда, 1984. – Часть 3. Книги гражданской печати (1718–1825 гг.). – 358 с.
3. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва: ИНФРА-М, 2009. – 858 с.
4. Дерягин, В.Я. Об историко-стилистическом исследовании актовых текстов / В.Я. Дерягин // Вопросы языкознания. – 1980. – № 4. – С. 97–107.

5. Каштанов, С.М. Русская дипломатика / С.М. Каштанов. – Москва: Высшая школа, 1988. – 230 с.

6. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва: Наука, 1976. – Т. 3. – 288 с.

7. Сумароков, А.П. К типографским наборщикам / А.П. Сумароков // Трудлюбивая пчела. – 1759. – Май. – С. 266–267.

8. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В.В. Виноградов. – Москва: Высшая школа, 1982. – 529 с.

G.V. Sudakov

**«POLNY VSEOBSHCHY STRYAPCHY/ GENERAL SCRIVENER. CLERICAL PRACTICE MANUAL»
AS A HISTORICAL SOURCE OF FORMAL LANGUAGE STUDY**

The functional styles of the Russian national language actively developed in the first half of the 19th century. Their development was facilitated by specially published educational manuals. The article deals with the «formal clerical language» manuals repeatedly published at the beginning of the 19th century as a linguistic source. The structure and the form, lexical, phraseological and grammatical means of formal language are considered. The article shows that the clerical language style of the beginning of the 19th century already had a wide range of acts and stylistic diversity.

History of language, functional style, type of business act, genre and stylistic features, structure and form of a document.

А.А. Червяков
Вологодский государственный университет

О ПОЛИМОДАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Модальный глагол – основное лексико-грамматическое средство выражения модальности в языке. Помимо классических модальных глаголов, имеющих особые морфологические признаки, выделяются также «псевдомодальные», которые по своим морфологическим свойствам сходны с полнозначными глаголами. Комбинация классического и псевдомодального глаголов представляет собой полимодальную конструкцию, которая может выражать более широкий семантический спектр по сравнению с одиночным модальным глаголом. Полимодальные конструкции имеют различный комбинаторный потенциал.

Модальность, модальный глагол, псевдомодальный глагол, конструкция, модальная семантика.

Любое высказывание содержит в себе модальность. Проблема категории модальности остается одной из основных в современной лингвистике. Спектр эмоций и отношений, которые говорящий может передавать, настолько разнообразен, что иногда традиционных приемов передачи данного отношения может быть недостаточно. Данное исследование посвящено изучению полимодальных конструкций как средства выражения модальности в современном английском языке, а именно конструкций со двояными модальными и псевдомодальными глаголами.

Актуальность данной статьи обусловлена недостаточной разработанностью вопроса об использовании полимодальных конструкций как средства выражения модальности.

Объектом исследования данной статьи являются полимодальные конструкции в современном английском языке, а предметом исследования выступает сочетаемость их компонентов и выражаемые ими оттенки модальной семантики.

Новизна статьи заключается в количественном анализе примеров полимодальных конструкций, выделении наиболее частотных форм и попытке раскрыть основные принципы формирования таких конструкций. Для достижения поставленной цели и задач использовались методы дистрибутивного и компонентного анализа, анализ сочетаемости форм, статистический метод.

Теоретическая значимость данной работы заключается в обобщении информации о категории модальности в современном английском языке, о модальных и псевдомодальных глаголах как средстве выражения модальности и сочетаемости таких глаголов в двояных конструкциях в современном английском языке. Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут служить как материалом для более подробного изучения модальных глаголов, так и базой дальнейших теоретических разработок по данной теме.

Изучением модальности и модальных глаголов занимались такие исследователи, как Е.И. Беляева,

А.В. Бондарко, А.С. Веснина, В.В. Виноградов, Г.А. Золотова, Е.В. Падучева, Ш. Балли, М. Грепл, Дж. Коутс, Дж. Лайонз, Ф.Р. Палмер, П. Коллинз и др.

Чаще всего в языке модальность выражается на лексико-грамматическом уровне. Основным способом выражения модальности в современном английском языке являются классические модальные глаголы (*must, shall, should, would* и др.) и набор перифрастических форм модальных глаголов (*be to, need, dare, have to* и др.). В современном английском языке существует множество перифрастических форм модальных глаголов, их также называют псевдомодальные глаголы [2, с. 103].

Это группа слов, формально отличных от вспомогательных модальных глаголов, но семантически очень схожих с ними. Мнения по поводу взаимоотношений между классическими модальными глаголами и псевдомодальными глаголами разнятся. Принято считать, что некоторые псевдомодальные глаголы служат супплетивами в неполноценной морфологической парадигме классических модальных глаголов. Например, форма *have to* в прошедшем времени *had to* взамен несуществующей формы прошедшего времени глагола *must* и инфинитивная форма *to be able* взамен несуществующей формы инфинитива классического модального глагола *can*.

В функционально-семантическом поле модальных глаголов псевдомодальные глаголы находятся на периферии, а классические модальные глаголы составляют его ядро. Также Питер Коллинз [2] считает, что классические модальные глаголы по своей природе более объективны, чем псевдомодальные.

Основным средством выражения модальности в современном английском языке являются модальные и псевдомодальные глаголы.

Модальные глаголы в зарубежной лингвистике называют вспомогательными модальными глаголами (*modal auxiliaries*), так как цель употребления модальных глаголов – изменить основной глагол, которому они предшествуют, поэтому функция модальных глаголов совпадает с функцией вспомогательных, то есть

они используются только совместно со смысловыми глаголами в форме инфинитива без частицы *to*, и для формирования вопросительной и отрицательной формы предложения они не нуждаются в дополнительных вспомогательных глаголах.

Л.С. Бархударов и Д.А. Штелинг [1, с. 276] под модальными глаголами понимают небольшую группу служебных слов, выделяющихся своими семантическими и грамматическими особенностями.

Классические модальные глаголы, так же как и псевдомодальные глаголы, выражают различные виды модальных значений: способность выполнения действия, волеизъявление, разрешение и отрицание, долженствование и запрет, просьбу и необходимость, обещание и намерение. Кроме того, почти все модальные глаголы могут выражать значение предположения с различной степенью уверенности, вероятности или возможности.

К классическим модальным глаголам относят *can/could, may/might, must, should, will/would, need, shall, ought to*, а к псевдомодальным *be to, need to, dare to, have to, be going to, be able to, be allowed to, be to* и другие.

По общей семантике модальные глаголы отличаются от обычных глаголов тем, что они обозначают не сами действия, а лишь отвлеченные модальные значения необходимости, желательности, возможности, целесообразности, вероятности и т.д., используются для выражения различных эмоций.

Полимодалные конструкции могут способствовать передаче сразу нескольких модальных значений в рамках одного предложения.

Полимодалная конструкция – это языковая конструкция, в которой используются два или более мо-

дальных или псевдомодальных глагола подряд для того, чтобы выразить различные модальные значения в рамках одного предложения.

По Анне Нович, полимодалные конструкции могут использоваться для ухода от прямого ответа, вежливости и выражения уверенности или неуверенности в предположении, совете, просьбе, выражая тем самым двойную модальность.

Полимодалные конструкции обычно имеют следующий порядок следования модальных элементов: псевдомодальный глагол + классический модальный глагол [3, с. 27–28].

При таком порядке модальных элементов в конструкции первый элемент выражает эпистемическое значение (например, возможность, вероятность или (не)определенность), а второй передает коренное модальное значение (например, способность выполнения действия, волеизъявление, разрешение, обязательство или целесообразность, необходимость и т.д.) [4, с. 96].

Для анализа сочетаемости элементов полимодалной конструкции были взяты приведенные ранее классические модальные глаголы: *can/could, may/might, must, should, will/would, shall, ought to* и псевдомодальные глаголы: *be to, need, dare, have to, be going to, be able to, be allowed to, used to*. Такие классические модальные глаголы, как *will, would* и *shall*, в данном исследовании участвовать не могут, так как определить их модальное значение сложно не только для тех, для кого английский является иностранным языком, но и для носителей языка.

Результаты исследования частотности классических и псевдомодальных глаголов представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Частотность классических и псевдомодальных глаголов

Модальный глагол	Частота встречаемости на 100 страниц текста
Can/could	390
May/might	248
Must	181
Should	112
Ought to	12
Псевдомодальный глагол	Частота встречаемости на 100 страниц текста
Have to	50
Be to	30
Be able to	23
Be going to	20
Used to	16
Need	12
Dare	10
Be allowed to	1

Был проведен анализ сочетаемости наиболее частотных модальных (can, may, should, must) и псевдомодальных (be able to, have to, be going to и be to) глаголов. Математически их сочетания составляют парадигму из 16 комбинаций: 1) can + be able, 2) can + have to, 3) can + be going to, 4) can + be to, 5) may + be able, 6) may + have to, 7) may + be going to, 8) may + be to, 9) should + be able, 10) should + have to, 11) should + be going to, 12) should + be to, 13) must + be able, 14) must + have to, 15) must + be going to, 16) must + be to.

Для анализа были использованы 30 произведений англоязычных авторов XIX–XX веков общим объемом более 9500 страниц. Рассмотрим примеры данных полимодальных конструкций.

1) Can be able

Примеры не встретились.

2) Can have to

But what could he have to do with this old family custom of ours, and what does this rigmorole mean? (Conan Doyle)

Конструкция выражает значение недоумения по поводу реакции на действия, выполненные в связи с определенными обстоятельствами. Встретилось 3 примера.

3) Can be going to

Примеры не встретились.

4) Can be to

Примеры не встретились.

5) May be able

Excuse me a moment, and I may be able to give you some further information about it (Conan Doyle).

При помощи конструкции выражается значение предположения по поводу способности выполнения действия в будущем. Встретилось 59 примеров.

6) May have to

It will very much depend upon the results of my first inquiries. I may have to go down to Horsham, after all (Conan Doyle).

Конструкция передает семантику предположительной вынужденности выполнения действия в будущем. Встретилось 39 примеров.

7) May be going to

However, he had made off with the blunt; and, consequently, the name of Mr. Chickweed appeared in the Gazette among the other bankrupts; and all manner of benefits and subscriptions, and I don't know what all, was got up for the poor man, who was in a mery low state of mind about his loss, and went up and down the streets, for three or four days, a pulling his hair off in such a desperate manner that many people was afraid he might be going to make away with himself (Dickens).

Конструкция передает предположительное намерение. Встретилось 38 примеров.

8) May be to

He may be to play cards with at convenience. 'I think I know what it must be to die of that!' (Dickens)

Конструкция передает предполагаемую случайность, возможность. Встретилось 2 примера.

9) Should be able

I should not dream of doing so were it not absolutely certain that I should be able in four days to reclaim it (Conan Doyle).

Данная конструкция выражает значение судьбоносности и способности выполнения действия. Встретилось 47 примеров.

10) Should have to

I began to think, – said Mr. Lorry, pushing his brown wig back, – that I should have to pass the night at Tellson's (Dickens).

Конструкция передает значение сожаления о вынужденности выполнения действия. Встретилось 39 примеров.

11) Should be going to

A few passers turned their heads, and a few shook their fingers at him as an aristocrat; otherwise, that a man in good clothes should be going to prison, was no more remarkable than that a labourer in working clothes should be going to work (Dickens).

Конструкция выражает значение судьбоносности и стопроцентной уверенности в том, что действие произойдет. Встретилось 4 примера.

12) Should be to

Frankly we did our best to prevent such a testamentary disposition, and pointed out certain contingencies that might leave her daughter either penniless or not so free as she should be to act regarding a matrimonial alliance (Stoker).

Конструкция выражает значение долженствования и судьбоносности. Встретилось 2 примера.

13) Must be able

Примеры не встретились.

14) Must have to

What malevolence you must have to wish to convince me that there is no happiness in the world! (Bronte)

Конструкция передает семантику предположительной вынужденности. Встретился 1 пример.

15) Must be going to

Примеры не встретились.

16) Must be to

Примеры не встретились.

Выводы

1. Наиболее часто используемыми средствами выражения модальности на лексико-грамматическом уровне современного английского языка являются модальные и псевдомодальные глаголы.

2. Псевдомодальные глаголы служат супплетивами в неполноценной морфологической парадигме классических модальных глаголов и полностью их заменять не могут. Модальные значения у псевдомодальных глаголов более узкие и частные, чем у классических модальных глаголов. В функционально-семантическом поле модальных глаголов псевдомодальные глаголы находятся на периферии, а классические модальные глаголы составляют его ядро.

3. В стандартном английском языке предполагается только один модальный глагол в предложении. Если два или более классических модальных глагола встречаются вместе, предложение считается неграмматическим. При этом, сочетание классического модального и псевдомодального или нескольких псевдомодальных глаголов грамматическим нормам языка не противоречит, так как псевдомодальные глаголы имеют инфинитивную форму глагола, употребление которой требует после себя как классический, так и псевдомодальный глагол. Полимодальные конструк-

ции, заключающие в себе в качестве первого модального элемента классический модальный глагол, а в качестве второго – псевдомодальный глагол, являются нормой стандартного английского языка и не противоречат правилам употребления классических модальных глаголов и псевдомодальных глаголов в речи.

4. Полимодальные конструкции, то есть языковые конструкции, заключающие в себе два и более модальных элемента, используются в тех случаях, когда автору необходимо передать сразу несколько различных модальных значений в рамках одного предложения. Полимодальные конструкции со двоянными модальными и псевдомодальными глаголами как средство выражения модальности используются носителями языка в речи относительно часто и помогают выражать более сложные модальные значения.

5. В полимодальных конструкциях со двоянными классическими и псевдомодальными глаголами в качестве первого элемента выступает классический модальный глагол, который чаще выражает эпистемическое значение, то есть предположение или вероятность и по значению может заменять модальные слова со значением предположения или вероятности с различной степенью уверенности, а в качестве второго – псевдомодальный глагол, который выражает значение коренной модальности.

6. Более гибкую сочетаемость имеют классические модальные глаголы *may* и *should*, в основном выражающие субъективное мнение говорящего. Наиболее высокая частотность отмечена у полимодальных конструкций *may be able*, *should be able*, выражающих сочетание наиболее широких значений «субъективная вероятностная оценка + объективная возможность».

7. Минимум полимодальных конструкций с модальным глаголом *can* обусловлен объективностью его семантики (фактическая возможность), не позво-

ляющей выражать с его помощью личное мнение говорящего.

8. Минимум полимодальных конструкций с модальным глаголом *must* обусловлен узостью и категоричностью его семантики, также исключающей возможность для данного глагола стать дополнительным субъективным модальным модификатором.

Источники

Brontë, E. *Wuthering Heights* [Электронный ресурс] / E. Brontë. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/768/768-h/768-h.htm>

Conan Doyle, A. *The Memoirs of Sherlock Holmes* [Электронный ресурс] / A. Conan Doyle. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/834/834-h/834-h.htm>

Dickens, Ch. *A Tale of Two Cities* [Электронный ресурс] / Ch. Dickens. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/98/98-h/98-h.htm>

Stoker, V. *Dracula* [Электронный ресурс] / V. Stoker. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/345/345-h/345-h.htm>

Литература

1. Бархударов, Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – 3-е изд. – Москва: Высшая школа, 1965. – 425 с.

2. Collins, P. *Modals and quasi-modals in English (Language and Computers: Studies in Practical Linguistics 67)* / P. Collins. – Amsterdam and New York: Rodopi, 2009. – Pp. viii + 193.

3. Battistella, E.L. *The syntax of the double modal construction* / E.L. Battistella // *Linguistica Atlantica*. – 1995. – № 17. – January. – Pp. 19–44.

4. Dubinsky, S. *Double modal syntactic patterns as single modal interactions* / S. Dubinsky, M. Elsmann // *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. – 2009. – № 15(1). – Pp. 75–83.

5. Novich, A. *Double Modals in the British Isles: Scotland and Northern England* [Электронный ресурс] / A. Novich. – Режим доступа: https://ddd.uab.cat/pub/tfg/2016/167242/TFG_annanovich.pdf

A.A. Chervyakov

ON POLYMODAL CONSTRUCTIONS IN MODERN ENGLISH

A modal verb is the main lexical and grammatical way to express modality in the language. Together with classic modal verbs with special morphological features there also exist ‘pseudomodal’ verbs morphologically closer to regular ones. A combination of a modal and a pseudomodal verb forms a polymodal construction expressing a wider semantic range. Polymodal constructions have combinatory potential diversity.

Modality, modal verb, pseudomodal verb, construction, modal semantics.

В.И. Чуглов
Вологодский государственный университет

ЕДИНСТВА ОДНОИМЕННЫХ НЕОДНОРОДНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ БЕЗ ОБОСОБЛЕННЫХ ЧЛЕНОВ

В статье сделана попытка привлечь должное внимание лингвистов к выделяемым единичными авторами единствам, образуемым одноименными неоднородными обстоятельством, соотносительным с видами пояснительно-отождествительных конструкций русского языка, дать более основательную и более адекватную по сравнению с существующими их интерпретацию.

Современный русский язык, неоднородные обстоятельства места и времени, пояснительно-отождествительные образования, слитная неполная предикативность.

А.М. Пешковским, А.Н. Гвоздевым, А. Ф. Прияткиной в разное время и по разному поводу были выделены образования типа *в саду на столе, однажды осенью, в одной гористой местности на юге Италии*, соотносимые с соответствующими рядами с обособлением: *в саду, на столе, однажды, осенью, в одной гористой местности, на юге Италии. На столе в саду уже кипел самовар* (А. Чехов); *Когда солнце поднялось над горизонтом, я увидел далеко в море парус* (В. Арсеньев); Ср. *За лугами, в синеющей роще, куковала кукушка* (И. Бунин); *Однажды, осенью, на возвышенном пути с отеческого поля, я простудился и занемог* (И. Тургенев) [2, с. 419–426; 1, с. 134; 3, с. 75–76].

Хотя названные в заглавии образования занимают в синтаксической системе современного русского литературного языка очень и очень скромное место, они не должны оставаться без необходимого внимания исследователей хотя бы уже потому, что вступают в системные связи с другими, широко употребительными образованиями и уже этим углубляют соответствующие синтаксические представления. Так, данные образования соотносительны с пояснительно-отождествительными конструкциями. Именно в этом плане они были впервые отмечены А.М. Пешковским в процессе интерпретации, названного первым общего условия обособления второстепенных членов предложения, при этом не как определенное синтаксическое явление, а как сочетание, связь членов которого может не осознаваться, но может быть при желании выражена прежде всего с помощью обособления второго члена – посредством «объяснительного» приношения. В том и другом случае между членами существуют соответственно невыраженные и выраженные отношения определяемого и определяющего и (не или – В. И.) частного к общему. Каких-либо ограничений синтаксическими функциями членов предложения при этом ученый не оговаривает [2, с. 419–426].

Впервые выделил интересующие нас образования как тесные объединения двух отдельных обозначений места без выражения их отношений А.Н. Гвоздев (ог-

раничив, таким образом, возможности их существования определением значений места). При этом автор отделил от рассматриваемых обстоятельств места сочетания существительных с предлогом в функции определения: *стол в саду, на столе в саду, на стул среди зала* [1, с. 124].

Наконец, А.Ф. Прияткина связывает существование соответствующих образований без обособления с функцией уточнения как одним из видов пояснительных конструкций, а именно с утратой значения уточнения при преобразовании конструкций с этой функцией в конструкции без обособления второго члена. Но автор не говорит, какие другие значения выражают эти конструкции без обособления. Отсутствие значения (функции) у конструкций не соответствует определению автором самого понятия конструкции: «Конструкция – это относительно самостоятельное, целостное (неделимое на части без потери общего значения) и оформленное по некоторой грамматической схеме синтаксическое единство» [3, с. 17–18]. При этом, как следует из сказанного, автор отталкивается от осложненных образований, а не наоборот – не от неосложненных образований по отношению к осложненным обособлением. Не отмечается ограничения преобразований со стороны значения членов ряда, в частности значениями места или времени, но приводимые примеры связаны именно с этими значениями.

Нельзя не сказать, что рассматриваемые в статье образования не попали в поле внимания авторов «Русской грамматики» 1980, но они остались невыделенными как отдельные образования в частности и как отдельный тип образований, в том числе и тех, в которых отмечена информативная, а иногда и синтаксическая неделимость рядов, замещающих зависимые позиции словосочетания: *Повернулись спиной к огню, Лег животом на траву, Увидел ребенка на руках у матери*. Интересно, что среди примеров в начале соответствующего параграфа преобладают примеры типа *В июне ездил в деревню в провинцию* (И. Бунин), *Пошел посоветоваться к добрым людям на базар* (М. Пришвин), *Сел на коврик на пол* («Радио»). Эти образования не получили должной интерпретации

[5, с. 139–140]. Обращение к подобным образованиям в нашей работе определенным образом расширяет представление о них и дополняет его.

Уточнение как синтаксическая конструкция определяется А.Ф. Прияткиной как бессоюзные образования членов ряда с обязательной обособляющей интонацией, которая связывает второй член с первым и является единственным показателем отношений между ними: *На углу, возле почты, была фотографическая выставка* (И. Бунин) [3, с. 75]. В принятом в нашей статье понимании уточнение является одной из трех разновидностей пояснительной конструкции, выражающей отождествление разного рода обозначений одного и того же предмета (референта). Способ отождествления путем уточнения состоит в переходе от целого, обозначенного первым членом ряда, к обозначению его части, обозначенной последующим, обособленным членом ряда. Две другие разновидности пояснительно-отождествительной конструкции: 1) это собственно **пояснение** – отождествление одного из членов ряда с другим, обособленным на основе таких функций, как функция перевода иноязычного или диалектного слова, уточнение значения многозначного слова в тексте и вообще функция более понятного адресату обозначения одного и того же предмета и др., то есть в обобщенном виде, на основе функции категоризации; определения значимости, оценки, выражения глубинного смысла и др., то есть, в обобщенном виде, функции интерпретации; 2) это **конкретизация** – переход от неопределенного или абстрактного обозначения референта к определенному или проявлению абстрактного, обозначенного первым членом, или, упрощая, – от общего к отдельному. Соответственно используются союзы *то есть, или, сиречь, то бишь* (*купить крестьян просто на вывод, то есть без земли*) и союзы *именно, а именно* и без союзов (*не боялась одного человека, а именно Бизьминова*) (И. Тургенев).

Собственно пояснительная и две другие разновидности (конкретизация и уточнение) по значению определенности – неопределенности и по выражаемым частным функциям образуют привативную оппозицию, в которой второй член является маркированным, первый – немаркированным и, следовательно, может выражать те же частные значения, что и второй. В свою очередь две разновидности, образующие второй член, тоже образуют привативную оппозицию по наличию частных значений, где маркированным будет уточняющая разновидность, а немаркированным – собственно конкретизация, способная выражать и отношения от целого к его части. В итоге значение целого и части может быть выражено всеми тремя способами: *Встретимся в университете, т.е. в библиотеке; Встретимся в университете, а именно в библиотеке; Встретимся в университете, в библиотеке* [4].

Вернемся, однако, к рассматриваемым образованиям. Состав рассматриваемых образований.

Традиционное представление об обособлении как интонационном выделении членов предложения создает впечатление о легкости изменения образований с обособленными членами в образования с необособленными. Но оно неправильно даже применительно к

полупредикативным образованиям (ср., например, образования с деепричастными членами, сравнительными оборотами), тем более применительно к образованиям с параллельными членами. Состав пояснительных конструкций, допускающих преобразование в рассматриваемые построения, ограничивается, по нашим наблюдениям, почти исключительно образованиями с обстоятельствами (1) места и (2) времени. Приведем примеры:

(1) *На Смоленской в магазинчике Баимаков купил цветы – пять белых, точнее кремовых, на длинных, в палец толщиной стеблях* (Ю. Поляков).

На траве у часовни лежала соломенная шляпа и зонтик (И. Гончаров).

В Ленинград его привезли восьмиклассником, а до этого держали у дальних родственников в тихом городе за Волгой (Н. Толстая).

На поляне близ озера стояла скамейка, сколоченная из березовых жердей (К. Паустовский).

Берсеневу во время трудной беседы с Шабановым пришла мысль пригласить Инсарова к себе на дачу (И. Тургенев).

(2) *Фенечка... однажды ночью велела разбудить его* (И. Тургенев).

Однажды осенним вечером мы... ушли на станцию узкоколейки (К. Паустовский).

Встретимся завтра в восемь.

По-видимому, указанные ограничения образований единств без обособления одного из обстоятельств все-таки не абсолютны. Так, при обращении к конструкциям со значениями собственно отождествления и конкретизации обнаруживается группа образований с обособленными обстоятельствами образа действия, допускающих преобразование в построения без обособления: *по-матерински, то есть заботливо, по-звериному, то есть хищно* и т.п. *Ребенок выражал свои мысли по-детски наивно; Отец поговорил с сыном по-отцовски строго.*

Обратимся к семантике и статусу рассматриваемых образований. Отношения между их членами делятся на отношения общего и частного (*в саду на столе*) и частного и общего (*на столе в саду*). Рассматриваемые образования соотносятся соответственно с пояснительными – с рядами с обособленным членом, обозначающим частное, и с обособленным членом, обозначающим общее (*на столе, в саду – на столе в саду, в саду, на столе – в саду на столе*). При этом при конкретизации и уточнении ряды с обособлением выражают, как правило, лишь отношения «общее–частное». При обособлении члена предложения со значением «общее» возникают ряды со значением собственно пояснения (в его интерпретирующей разновидности) *в саду на столе – на столе в саду (т.е. в саду)*. Это различие определенным образом (на лексическом уровне) проявляется и в образованиях без обособления.

В рассматриваемых образованиях, как и в образованиях с обособлением, хотя и в меньшей степени, существует параллелизм членов ряда (их однофункциональность как обстоятельств места или времени) по отношению к общему третьему – к общему слову (Пешковский), точнее к общему фрагменту предложения:

ЮБИЛЕИ

ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ЮБИЛЕЕМ Н.Ф. БОНДАРЬ

Коллектив редколлегии «Вестника Вологодского государственного университета», коллеги и ученики поздравляют с юбилейным Днем рождения преподавателя английского языка Института истории и филологии Надежду Федоровну Бондарь.

«Все началось с двойки по английскому языку в шестом классе» и – продолжается по сегодняшний день. Н.Ф. Бондарь работает преподавателем иностранного языка с 1965 года.

Она – ребенок войны: родилась в 1944-м. Мама, Нина Яковлевна (Белова в девичестве), по первому образованию агроном, виноградарь и табаковод, начала работать учителем, получив второе высшее (заочно – при 3 детях) на естественно-географическом факультете. Отец, Федор Тимофеевич Бондарь, преподаватель немецкого языка, никогда не сомневался в том, что его дочь тоже будет педагогом (традицию продолжила и дочь Надежды Федоровны – Ольга Леонидовна Халвицкая). Свою роль сыграл дед по материнской линии, Яков Федорович Белов, в начале 1900-х окончивший учительскую семинарию, где – помимо латинского, греческого, старославянского – был современный русский и иностранный (немецкий) языки. Когда дед узнал о планах Надежды (а она была упорная девочка: обожала читать, в том числе на английском), он поделился своими студенческими секретами. Выбор пал на изучение английского языка в Вологодском государственном педагогическом институте, в том числе благодаря соседке по общежитию Нине Михайловне Сидяковой, преподававшей английский. Позже Нина Михайловна защит диссертацию, уедет в Москву, будет работать в МГПИ им. В.И. Ленина на кафедре у В.Д. Аракина, посодействует поступлению Надежды в аспирантуру.

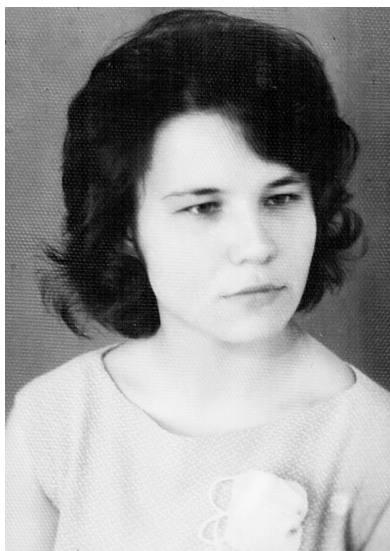
С 1961-го по 1965-й Надежда Федоровна учится на факультете иностранных языков. Диплом – с отличием, квалификация – «учитель английского языка». По распределению три года преподавала английский язык в школе № 3 поселка Никель Мурманской области. Позднее будет вести факультативные занятия по английскому языку в средней общеобразовательной школе № 1 г. Вологды (с углубленным изучением английского языка), школах № 16 и № 3.

Педагогическую карьеру в университете Надежда Федоровна начала на кафедре межфака ВГПИ в 1968 году: преподавала английский язык на историко-филологическом, естественно-географическом, физико-математическом факультетах – таким был набор специальностей.

*Новогодняя елка, 1959 год.
14 лет (7 класс)*

1974–1977 – годы аспирантуры при кафедре лексики и фонетики английского языка Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. Руководил кафедрой в те времена В.Д. Аракин (1904–1983), ученик и последователь Е.Д. Поливанова, автор многочисленных монографий, словарей, учебников. Под его редакцией была создана 5-томная серия учебников «Практический курс английского языка», по которым продолжают учиться студенты многих университетов и педагогических вузов. Владимир Дмитриевич знал 30 языков. При нем на кафедре развивалось направление типологического сопоставительного изучения английского и скандинавских языков (датского, норвежского и шведского), английского и тюркских языков (якутского, киргизского, казахского, туркменского, татарского и башкирского).

В день 22-летия

Научным руководителем Надежды Федоровны стал доцент А.А. Неелов, специалист в области словообразования в английском языке. В то время он работал над докторской монографией, посвященной древнеанглийскому памятнику «Поэма о Беовульфе». Диссертационное исследование Надежды Федоровны «Особенности лексико-семантической группы слов со значением “море” в древнеанглийском языке», к сожалению, осталось незащищенным, но все студенты ощущают, сколь детально ее знание, как увлеченно она разбирается в вопросах исторической лексикологии.

3 мая 1969 г.

1-й ряд: средний брат Николай, мама с дочерью Надежды Федоровны Ольгой, бабушка, папа.

2-й ряд: младший брат Алексей, тетя Надежды Федоровны, друг Николай

На кафедре МГПИ она прошла лингвистическую школу у таких известных ученых, как Е.Б. Черкасская, С.М. Мезенин, М.Я. Блох, И.Г. Кошева, Э.М. Медникова. Участие в работе лексикологического кружка под руководством Е.Б. Черкасской, в научных конференциях в Московском институте иностранных языков им. Мориса Тореза, Институте языкознания при РАН дали возможность наблюдать жаркие дискуссии ведущих лексикологов (В.Г. Гак, Е.С. Кубрякова, М.В. Никитин, А.А. Уфимцева), представителей фразеологической школы (А.В. Кунин, В.И. Зинин, А.Г. Назарян, С.И. Ройзензон, В.Н.Телия) и др.

По возвращении в Вологду началась работа на историческом факультете – преподавание лексикологии, практики речи, политической лексики. В 1984 году она перешла работать на факультет иностранных языков. За 54 года своей деятельности Н.Ф. Бондарь была не только преподавателем, но занимала должность заместителя декана факультета иностранных языков.

Кафедра английского языка. 1979 или 1980.

1-й ряд: Ирина Георгиевна Рубцова.

2-й ряд слева направо: Татьяна Николаевна Кузнецова, Анна Борисовна Мясникова (в то время еще Соколова), Ирина Васильевна Дмитриева, Надежда Федоровна Бондарь, Елена Петровна Никитина.

3-й ряд: Валентина Павловна Кряжева, Римма Александровна Киселева, Людмила Михайловна Наклейщикова, Римма Николаевна Соколова (по мужу Манинен), Мария Борисовна Соколова

На август-сентябрь 1990 года она отправилась на курсы повышения квалификации в Кембридж. Этот опыт позволил ей стать еще более компетентным преподавателем английского языка. Надежда Федоровна преподавала и преподает историю английского языка, сравнительную типологию английского и русского языков, введение в германскую филологию, лексикологию английского языка, практику устной и письменной речи, английский язык как вторую специальность, практикум по культуре речевого общения, английский язык для аспирантов, курсы по выбору по проблемам контрастивного описания английского и русского языков на морфологическом, синтаксическом, лексическом и фразеологическом уровнях.

Кембридж

Свою деятельность в Вологодском государственном университете с 2000 года Н.Ф. Бондарь совмещает с работой в Частном образовательном учреждении дополнительного образования «Языковая школа» («Language school», которую основал в 1991 году А.В. Преображенский).

Н.Ф. Бондарь внесла значительный вклад в развитие вузовского и школьного филологического образования. Она разработала большое количество методических пособий, среди которых «Лабораторные работы для самостоятельной работы студентов» (здесь и далее изд-во «Русь», 1996), «It's a long story. Методический материал и задания для домашнего обучения для студентов, изучающих английский язык» (2000), «Методические рекомендации по английскому языку для поступающих на факультет иностранных языков» (2000), «Education. Тексты и методические материалы по английскому языку для студентов 4 курса» (2003), «Использование коммуникативных игр как фактор профессиональной направленности обучения студентов» (2007), «Учебно-методический комплекс по истории английского языка для студентов 4 курса факультета иностранных языков» (2007 г.), «Тексты и методические рекомендации по английскому языку для аспирантов» (2009), Практикум по культуре речевого общения «Family Relations in Different Cultures» (2009) – пособие, содержащее информацию об отношениях в семьях разных стран.

Альпы, высота 2750 м над уровнем моря

Надежда Федоровна разработала учебно-методические материалы для учеников 4–8 классов средних школ. Постоянный участник проведения регионального этапа всероссийской олимпиады школьников по английскому языку. Составитель заданий для олимпиад по английскому языку муниципального уровня. Эксперт городской научно-практической конференции «Мир науки» для школьников города. Сотрудничала с областными общественными организациями («Знание», «Союз пенсионеров»), Институтом усовершенствования учителей г. Вологды и ВИРО.

Н.Ф. Бондарь принимала участие во всероссийских научно-практических конференциях ВГПУ, в международных семинарах и программах, является автором многих статей. Однако сама Надежда Федоровна скромно признается: «Не скажу, что я внесла большой вклад в науку. Я считаю своим главным достижением – учеников». Среди тех, кого она учила английскому, – В.А. Карьенов, О.А. Киселева, В.А. Саблин, А.А. Цинман и многие другие, на английской кафедре – практически все. Количество ее дипломников перевалило за 200. Надежда Федоровна радуется, когда ученики продолжают учиться – обгоняют ее в научном плане. Из выпускников 1990–2000-х многие реализуют себя в качестве учителей английского и русского языков в США, Испании, Англии (для нее они по-прежнему Нина Горынцева, Марина Иванова, Марина Мельничук, Алена Грин).

Н.Ф. Бондарь награждена грамотой Министерства образования РСФСР, значком «Отличник народного просвещения» (1994), «Ветеран труда» (1999). Пройдя сквозь огонь, воду и медные трубы, Надежда Федоровна всегда поддержит, найдет нужные слова для каждого, даст полезный совет.

От имени редакционной коллегии «Вестника ВоГУ», от лица всех коллег и учеников желаем Надежде Федоровне Бондарь здоровья, долгих лет плодотворной работы, талантливых учеников!

Студенты Института истории и филологии
Бритвина Юлия Сергеевна
Марухина Анастасия Дмитриевна
Харитоновна Зоя Романовна

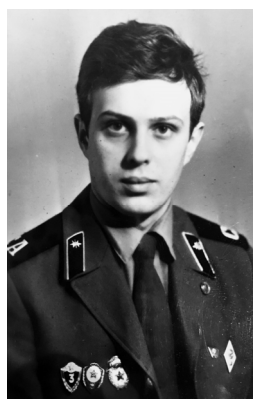
Подготовлено к публикации Л.В. Егоровой

К ЮБИЛЕЮ А.В. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

19 марта Андрею Владимировичу Преображенскому исполнилось 60, причем 45 лет связаны преимущественно с Вологдой (хотя в армии служил в ГДР, в аспирантуре учился в Питере, стажировался в Бостоне, много путешествовал). С 2004 года – в Канаде.

Ключевые этапы советско-российского периода жизни Андрея Владимировича будут отражены в поздравлениях. Нам хотелось дать именно мозаику взглядов: о юбиларе рассказывают коллеги по ВГПИ/ВГПУ и «Языковой школе», родители учащихся, его студенты. Во вступлении кратко скажу о канадском этапе жизни.

После переезда и ознакомления с системой языкового преподавания Андрей Владимирович практически сразу решил, чем бы хотел заниматься: прикладной лингвистикой, которая является доминирующей в системе подготовки преподавателей английского как второго языка. За эти годы он преподавал в нескольких колледжах лингвистику, методику преподавания английского как второго языка, принципы эвалюации (evaluation and assessment), руководил педагогической практикой, то есть занимался всем спектром предметов, которые входят в курс подготовки преподавателей английского языка.

Полезным оказался и опыт преподавания в университетах других стран, где Андрей Владимирович проводил курсы повышения квалификации преподавателей английского языка (Тайвань и Саудовская Аравия), преподавал лингвистику, теоретическую грамматику, методику на педагогическом факультете (Чили).

Сейчас он работает на факультете непрерывного образования в Сенека колледже прикладного искусства и технологий в Торонто.

Андрей Владимирович любезно перевел для нас свою статью с английского – обзор литературы, связанной с вопросами надежности, валидности и объективности самооценки в изучении иностранных языков: текущей самооценки (self-assessment) и самостоятельной оценки конечных результатов в виде итоговой (финальной) оценки (self-evaluation). Он показал, почему, несмотря на большой интерес к самооценке, растет озабоченность по поводу ее использования: многие исследователи отмечают низкие показатели точности и последовательности студенческой самооценки. С одной стороны, важно учитывать автономию в обучении иностранному языку, участие студентов в составлении тестовых вопросов, необходимость самоконтроля в процессе обучения и возможности самостоятельной оценки результатов индивидуального обучения. С другой стороны, возникает необходимость изучения способов повышения на-

дежности и валидности самооценки как в традиционном аудиторном, так и дистанционном (онлайн) обучении. Обзор научной литературы по вопросам самооценки А.В. Преображенского продемонстрировал, что существуют многочисленные когнитивные, психологические и поведенческие факторы, влияющие на надежность студенческой самооценки; появляется необходимость переформулировать саму концепцию самооценки, разработать более широкий спектр ее параметров, чтобы студенты получили надежный инструмент, помогающий им определять индивидуальные сильные и слабые стороны, способствующие или препятствующие развитию языковых навыков, а также контролировать индивидуальный прогресс и самостоятельно оценивать результаты своего обучения.

С коллегами в Университете в Чили

*С приглашающей стороной по программе TESL
(Саудовская Аравия, Индустриальный колледж г. Янбу – Yanbu Industrial College, Yanbu University)*

Рассматривая концептуальное понятие самооценки, ее параметры и применимость в изучении иностранного языка, А.В. Преображенский выходит на неоднозначные психологические вопросы, побуждает задуматься о преобладании и в жизни самообмана или правдивой самооценки личности. К сожалению, «Вестник ВоГУ», отказавшись от направления «Педагогические науки», не может опубликовать этот полезный обзор.

Далее мы воспроизведем часть поздравлений, остальные отправим юбиляру лично. Спасибо всем написавшим.

Спасибо Татьяне Евгеньевне Преображенской за переписку, фотографии и заключительную статью. Как когда-то, когда она учила меня, хочется фиксировать все, ею сказанное: «Хоть многое сейчас изменилось, многое осталось таким же. Например, мы никогда не говорим, что мы из Москвы или Петербурга (как говорят многие иммигранты, или не желая объяснять, где это, или просто «приподнимая» себя). Мы говорим, что мы из Вологды, рассказываем, где и что» (из письма 11 марта). Воспоминаний всколыхнулось много – с той и с другой стороны. «Как будто и не живем мы за океаном, и было все как будто вчера!» (Татьяна Евгеньевна).

От редакции – Л.В. Егорова

С.А. Кузичев

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого и французского языков ВоГУ*

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

Андрей Владимирович Преображенский получил фундаментальную теоретическую подготовку в аспирантуре при отделе теории грамматики и типологических исследований Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР. В 1992 г. при Институте лингвистических исследований Российской академии наук он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Предлог *in* в английском языке и его соответствия в немецком языке» по специальности 10.02.04 – Германские языки.

В диссертации на основе общей теории служебного слова в рамках функционального направления в языкознании молодой ученый дал детальное описание семантики и функционирования предлога *in* в английском языке путем сопоставления с его немецким аналогом. Удачно выбранный сопоставительный ракурс исследования позволил в полной мере выявить специфику связей, значения и функционирования рассматриваемых предлогов в каждом из изучаемых языков. Рассмотрение конкретных вопросов представлено на широком теоретическом фоне, в частности, затрагиваются проблемы полевой структуры языка как принципа его системной организации, референциальной природы языка, дискретности и континуальности в языке.

Благодаря своему профессионализму А.В. Преображенский сразу же заслужил уважение коллег-

преподавателей и студентов на факультете иностранных языков Вологодского государственного педагогического института. Его практические и лекционные занятия формировали у студентов широкий языковедческий кругозор, аналитическое мышление, умения и навыки использования английского языка в конкретных коммуникативных ситуациях. Это специалист, который любит и ценит преподавательскую деятельность, многое знает и умеет учить. Искренние поздравления с юбилеем и пожелания успехов!

(Научный руководитель диссертации А.В. Преображенского – Владимир Михайлович Павлов (1925–2013), филолог-германист, чьи труды охватывают запросы практического изучения и теорию языка. Заслуженное призвание получили его исследования по словообразованию, морфологии, синтаксису немецкого языка. Существенен вклад Павлова в формирование психолингвистической теории речемыслительной деятельности, в разработку общелингвистической и философской проблематики языкознания. Под его руководством успешно защитили диссертационные исследования 34 кандидата и 5 докторов филологических наук. Подробнее см.: Владимир Михайлович Павлов. Библиографический очерк / вступ. ст. В.П. Беркова; сост. Н.Л. Сухачев; отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005. 74 с. – *От редакции.*)

Т.И. Смирнова

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого и французского языков ВоГУ*

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДЛогов С ПОЗИЦИЙ КОНТРАСТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В СВЯЗИ С ЮБИЛЕЕМ А.В. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

В конце прошлого века, точнее говоря, в начале перестройки профессор В. Биркенмаер пригласил меня в Германию прочитать лекцию для студентов, изучающих русский язык (Institut für Übersetzen und Dolmetschen, Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg). Была предложена тема «Новая лексика в русском языке в эпоху перестройки» (в памяти сохранилось такое название). При подготовке к лекции я нашла в газетах и журналах много новых слов и словосочетаний, включенных позднее в известный «Словарь перестройки» (В.И. Максимов и др. Словарь перестройки. СПб.,

1992). В конце лекции в силу привычки спросила: «Какие есть вопросы?» Я была готова ответить на любой вопрос о путях изменения и обогащения словарного состава русского языка, особенно в переломные периоды развития общества. Но заданный одной студенткой вопрос поставил меня, честно говоря, в тупик. «Почему в русском языке говорят “вратарь стоит на воротах”, он ведь стоит “в воротах”?» Словосочетание «стоять на воротах» соответствует в немецком языке словосочетанию «*im Tor stehen*», т.е. дословно «стоять в воротах». Исследования в области

контрастной лингвистики, несомненно, должны быть здесь дополнены этимологическими раскопками. Перефразируя высказывание известного венгерского писателя, можно сказать, что грамматика немецкого языка это та могила, в которой сложило жизни не одно поколение студентов, изучая немецкий язык, в данном случае – значения предлогов.

Андрей Владимирович, я вспомнила этот эпизод в своей работе в связи с Вашим юбилеем, что, в общем-то, не случайно. Мы стояли как-то у окна, смотрели во двор нашего здания на (или по?) ул. Мальцева, 2 и рассуждали о значениях предлогов в разных языках. В сфере Ваших научных интересов эти «маленькие» служебные слова получали особый статус в силу своей многозначности, многоаспектности и еще много чего.

В силу сложившихся обстоятельств (я – в России, Вы – в Канаде) я не могу Вам к юбилею лично передать подарок, поэтому в качестве подарка посылаю домашнее задание (святое дело для студентов инфака):

1. Переведите данный текст с русского языка на немецкий и английский языки.

2. Обратите особое внимание на значения предлогов, особенно предлога «в».

Почему именно этого предлога? Потому что в нашей жизни предлог «в» имеет исключительно большое значение. Мы говорим: в детстве, в школе, в университете, в армии, в семье, в любви и т.д. Я уже

не говорю о жизни «с верой в светлое будущее». Андрей, я надеюсь, что Вы в курсе современных исследований о значениях предлогов. Поэтому прошу при переводе учесть последние достижения российских и зарубежных лингвистов в этой области (в этой фразе так и чувствуется преподавательский тон, который живет в душе каждого из нас).

Дорогой Андрей, я могла бы и дальше продолжать в том же духе, но не следует уходить в сторону от главного события. А в свете последних событий – это твой юбилей! Хотя в данный момент я пребываю в некотором недоумении. У тебя такая круглая дата в жизни? *Schwer zu glauben!* Да, время не стоит на месте, оно вечно в движении, в движении вперед.

О себе могу сказать, что я продолжаю работать на инфаке, т.е. в Институте истории и филологии. Словосочетание «факультет иностранных языков» исчезло в ходе структурных изменений в нашем вузе, иными словами, ушло в вечность, т.е. кануло в Лету. Нахожусь, *Gott sei Dank*, в здравом уме, хотя не в полном расцвете сил, как в то время, когда мы все были молодыми.

В заключение, т.е. в последних строках своего письма – как писали в старину – хочу выразить тебе свою признательность как одному из лучших студентов нашего факультета. Прими мои искренние поздравления с юбилеем *und alles Gute im Leben!*

*Е.В. Бритвина
преподаватель «Языковой школы», Вологда*

ВО ГЛАВЕ С АНДРЕЕМ ВЛАДИМИРОВИЧЕМ

Впервые с Андреем Владимировичем Преображенским мы познакомились в 1987 году, когда он вместе со своей семьей только вернулся из Германии, где проходил срочную военную службу в качестве переводчика*. Мы в то время были студентами второго курса факультета иностранных языков ВГПИ и, как и все второкурсники, с 1 сентября под руководством нового преподавателя кафедры английского языка были направлены на поля Нечерноземья в деревню Олюшино далекого Верхояжского района помогать в сборе урожая. Ах, какие красивые там места, удивительная природа, журчащие реки и тайга! И вот в эту тайгу и забросила судьба наш студенческий отряд из 20 девчонок во главе с Андреем Владимировичем! Поначалу жизнь казалась романтикой! Завтрак, работа на поле, обед, быт, песни под гитару у печи, весе-

лые разговоры о прошедшем лете, прогулки и дискотека в деревенском клубе. Но спустя неделю потихоньку начало холодать, выпал первый снежок, грянули заморозки и картофельное поле, где мы собирали урожай, превратилось в сплошную белую пустыню! А картофеля было еще много!

Андрей Владимирович поддерживал всячески наш моральный дух. Ведь девчонки на инязе были не простые, утонченные, и после такого «подарка» небесной канцелярии многим захотелось домой.

Надо сказать, что Андрею Владимировичу и самому было не очень просто. Дом топили дровами... Председатель колхоза выделил нам машину дров, но кто их разрубит? А еще рядом с домом, где жил стройотряд, стояла баня. И вот каждое утро, чтобы мы не заболели, не замерзли, поддерживали гигиену и не сбежали домой, нашему замечательному, интеллигентнейшему по своей природе от макушки до пят Андрею Владимировичу приходилось заготавливать дрова. Когда дров было достаточно, он выходил с нами в поле и, как и все стройотрядовцы, «выколупывал» из замерзшей земли изрядно подпорченный кар-

* После полутора лет службы Андрея Владимировича в армии Татьяна Евгеньевна с 3-летней дочерью приехали в Германию. Андрей Владимирович работал переводчиком, Татьяна Евгеньевна – пионервожатой в советской школе. Спустя 2,5 года они вернулись домой. (Пояснение Преображенских. – Л. Е.)

тофель, который вряд ли уже мог пригодиться людям, если только пошел бы на корм скоту. Но он упорно трудился вместе с нами! И именно в таких условиях у человека, который был уже в некотором отчаянии от холода сверху (с неба) и снизу (от замерзшей земли), просыпается талант творца. Андрею Владимировичу в голову пришла гениальнейшая мысль – пропустить между бороздами движущуюся дорожку, поставить на нее стул и, сидя, медленно продвигаться вперед, собирая картофель, чтобы не увязнуть в подмороженной земле, которая к обеду начинала понемногу оттаивать. Ноги начинали проваливаться так, что с трудом можно было их переставлять с места на место. Но, к сожалению, в те далекие времена эта идея не нашла своего воплощения из-за отсутствия необходимых технических средств, и наш стройотряд во главе с Андреем Владимировичем продолжал выходить на поле, чтобы принести пользу местному хозяйству...

Как-то председатель выделил нам бычка, чтобы разнообразить наше макаронно-картофельное меню на завтрак, обед и ужин. И здесь Андрей Владимирович освоил еще одну профессию – мясника. Это очень сложно представить, но факт остается фактом! Благодаря усилиям Андрея Владимировича мы были сыты,

Л.Е. Кириллова
директор «Языковой школы», Вологда

А.В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ И «ЯЗЫКОВАЯ ШКОЛА»

Все началось 30 лет назад! Сначала был интенсивный курс английского языка (время требовало – сейчас и быстро!), а затем появилось учебное заведение *Language School – Языковая школа*, директором которой стал Андрей Владимирович. Конечно же, он был вдохновителем всех первых начинаний и инициатором многих нововведений. С самого начала это было не традиционное учебное заведение: маленькие группы, много аудиоматериала и разговорного английского, аутентичные учебники, многочисленные группы взрослых, желающих изучать язык, *guest speakers* – носители языка, которых Андрей Владимирович тут же приглашал в Школу, чтобы учащиеся «установили прямой контакт». Он же в течение многих лет вел интерактивный страноведческий курс для старшеклассников: как изучать язык, не зная истории и культуры страны изучаемого языка? Учебный процесс был интересным, даже захватывающим – куда нас приведет этот новый пласт знаний?

Первые обучающие поездки за рубеж были организованы Андреем Владимировичем – и вот уже учащиеся *Language School* пробуют свои языковые навыки в Швейцарии, осматривают достопримечательности Лондона и практикуют разговорный английский в принимающих семьях, едут на годичные программы для старшеклассников в школы США, поступают в

довольны и до конца сентября трудились не покладая рук. Домой сбежала только одна девушка и то по причине болезни...

В следующий раз нас с Андреем Владимировичем свела судьба спустя почти 18 лет. Я была в поисках работы. Недалеко от дома висело объявление о том, что в «Репетиторскую школу» требуется администратор. Написав резюме, я и представить не могла, что из почти десятка кандидатов на эту должность выберут именно меня. Я благодарю судьбу и Андрея Владимировича за то, что попала в 2004 году в филиал *Language School*. Началась новая, интересная, творческая работа, которой я посвятила почти 14 лет. И именно здесь мне довелось познакомиться с оригинальными английскими программами, по которым работала школа, больше узнать о культуре и традициях англоязычных стран.

Дорогой Андрей Владимирович! Поздравляю Вас с Юбилеем! Хочу пожелать Вам радости и добра, благополучия и творческих свершений! Воплощения всех Ваших задумок и творческих идей, путешествий и самореализации! Благодарных Вам учеников! Исполнения желаний! Здоровья, стойкости и неиссякаемой энергии! Спасибо Вам за все!

зарубежные колледжи и университеты и совершенствуют навыки в работе за рубежом (программы *Au Pair* и *Camp America*).

Для поддержания высокого уровня учебного процесса нужны были новые учебные материалы. Сначала это были перепечатки западных учебников, привезенные из стажировок Андрея Владимировича в Америке, а потом – организованный переход на новый тип учебных пособий. Школа не только обеспечивала учебниками своих учащихся, но и на первых порах другие заинтересованные учреждения.

Так эти три направления – обучение, образовательные программы и аутентичная литература – позволили сделать «Языковую школу» образовательным учреждением нового типа. И все это было сделано в городе впервые и под руководством Андрея Владимировича Преображенского. Было много другого – языковые смены в загородных летних лагерях, конференция для учителей иностранных языков вологодских школ, регулярные постановки и концерты учащихся для родителей, встречи выпускников.

Дорогой Андрей Владимирович! С огромным удовольствием поздравляем Вас с юбилеем! Желаем всяческих успехов, здоровья, сил на реализацию планов и воплощение в жизнь мечты, которая еще не реа-

лизована. Пусть рядом с Вами всегда будут те, кого Вы любите, родные, близкие, друзья. Пусть Ваша жизнь всегда будет полной и интересной, удивляя Вас время от времени только по-хорошему. Мы молоды, пока мы умеем удивляться. Happy Birthday от всех преподавателей и работников *Language School*!

(Благодарностей «Языковой школе» несть числа. Воспроизведем отрывок одного из них – Ирины Николаевны Коноплевой, 13 лет преподававшей в нашем университете. Три года назад она с сыновьями переехала в Москву. Роман учился первые 2 года бакалавриата на факультете иностранных языков ВоГУ – о его настоящем и планах на будущее будет сказано. Антон стал студентом Московского государственного университета пищевых производств. – Л. Е.)

И.Н. Коноплева

кандидат филологических наук
менеджер ООО «ТС-СКН», Москва

ПУТЬ В НОВОЕ ОБУЧЕНИЕ

Роман, Ирина Николаевна, Антон Коноплевы

Когда в нашей семье встал вопрос о дополнительном обучении английскому языку, сомнений не было никаких: оба сына занимались в «Языковой школе» (*Language School*). В обычной школе английский язык начался у Антона в 5 классе, а чтобы поступить в пред-профильный, затем в профильный класс, требовался хороший уровень владения языком. За 2 года занятий Антон без труда достиг желаемого. В школе с английским проблем не было, в вузе обратился за помощью один раз – с грамматикой. Сейчас самостоятельно читает и переводит тексты профессиональной направленности.

Спасибо ОГРОМНОЕ всем преподавателям, заложившим базу подобных успехов! Низкий поклон! Отмечу, что Антон справлялся с домашними заданиями самостоятельно, т.е. программа и учебники разработаны таким образом, что ученики дома лишь повторяют и закрепляют усвоенное – учатся на уроке. Идеальная система обучения!

Все это привнес в город Андрей Владимирович и его семья!

Расскажу и свой случай. В *Language School* был организован семинар по методике преподавания английского языка. Нам рассказали, показали, и мы на

себе попробовали новейшие методические приемы. Иду я домой и думаю: такая ценная информация мне дана – нужно обязательно претворить ее в жизнь. Но как? Наша система обучения не позволяет вписать эти приемы в образовательный процесс... И вдруг приходит чудесная мысль: курсы! Курсы английского языка для школьников на нашем факультете!

И что вы думаете? Сидят дети (7–9 класс) – английского боятся, как огня. Читаем с ними рассказы и легенды, связанные с историей Англии. После прочтения даю задание по технологии *Non-stop writing*. Сначала с подсказочками, а потом самостоятельно дети начинают говорить. Прошла боязнь английского языка – глазки засияли – совсем другая атмосфера!

Рому в «Языковой школе» учила Лариса Евгеньевна. Теперь Роман заканчивает магистратуру МПГУ по направлению «Методика преподавания иностранных языков в высшей школе», собирается поступать в аспирантуру и работать на кафедре методики.

Школа Преображенских – это действительно те учителя и наставники, которые навсегда остаются в памяти, вызывая самые теплые чувства признательности и благодарности!

А.А. Червяков
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка ВоГУ

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Нет ничего хуже, чем жить в эпоху перемен, – ведь так? Однако существуют люди, будто бы для таких эпох созданные специально: не боящиеся новизны, заряженные оптимизмом и инициативой.

90-е годы. Планета Земля, Россия, Вологда. Образование и наука в кризисе, перспективы неясны. Андрей Владимирович Преображенский одним из первых понимает то, в чем многие учителя и преподаватели до сих пор не решаются себе признаться: будущее в овладении практическим английским не в общеобразовательной школе, не (даже!) в университетском образовании, а в частных языковых студиях с их индивидуальным контактом, новационными учебниками и интерактивом.

В 1995 году А.В. Преображенский принимает у меня вступительный экзамен на факультет иностранных языков ВГПУ. А через два года его языковая школа организует двухнедельную учебную стажировку в Англии. Что вологжане знали тогда о загранпаспортах, визах и перелетах? Андрей Владимирович знал. Читал газету «Иностранец», выглядел как иностранец, думал как иностранец. Окно в мир. Стажи-

ровка в Анг-ли-и. Той самой, на черно-белых рисунках в учебнике. И напечатанные фотографии красных телефонных будок, зеленых футбольных полей (в марте!) и грязной Темзы собирают за спиной толпу.

В 2000 году я поступил в аспирантуру к профессору С.М. Кибардиной. Определив ключевые направления исследования, Светлана Михайловна говорит: «А сформулировать название темы попросите Андрея Владимировича». В ее интонации чувствуется доверие и уважение.

С руководством кафедрой английской филологии А.В. Преображенскому снова повезло: родная стихия – эпоха перемен – в полной мере присутствовала и здесь. Первые компьютеры, электронные документы, диски вместо кассет, но главное – люди. Смена поколений. Уходят опытные наставники, приходит (больше половины!) молодежь. Дружески-деловой стиль общения сегодняшних коллег, сохранившийся с тех лет, – во многом заслуга Андрея Владимировича.

И – снова перемены. Торонто, Канада, планета Земля. Мир огромен и открыт.

Спасибо и здоровья Вам, Андрей Владимирович!

Л.В. Егорова
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры английского языка ВоГУ

ДА ЗДРАВСТВУЮТ ПРЕОБРАЖЕНСКИЕ!

Уважаемый Андрей Владимирович, с юбилеем!

Для меня фамилии являются говорящими. Бывают случаи отклонения от сущности имени, но Вы и Ваша семья поистине Преображенские.

На факультете иностранных языков я училась после филологического, и удивить меня было трудно: в памяти запечатлелись лекции и спецкурсы Юлии Викторовны Бабичевой, Сергея Юрьевича Баранова. На инязе поражал профессионализм Людмилы Михайловны Наклейщиковой, запомнились Ваши и Татьяны Евгеньевны занятия (для меня вы – единое). Юлия Викторовна в то перестроечное время помогала освоить открываемые (нами и страной) миры авторов и книг. Вы с Татьяной Евгеньевной меняли восприятие самого подхода к преподаванию.

На практике устной и письменной речи открытиям не было конца – на разных уровнях. В ходе изучения систем образования, например, определяющим стал процесс просмотра и обсуждения серий видео британских и американских специалистов. Рушились на глазах исчерпавшие себя советские схемы преподавания, и мы сначала ощущали, а потом – от серии к серии – все четче осознавали, что, как и почему учителю можно и нужно делать иначе. Лексикой приходилось овладевать на ходу и в значительных количествах. Аудированию и говорению ничего не оставалось, кроме как улучшаться.

До сих пор в памяти тот день, когда мы пришли на занятие по практике речи, а в «нашей» 33 (с телевизором) аудитории (разумеется, предварительно согласованной) сидела другая группа. После не увен-

С женой Татьяной

чавшихся успехом переговоров с преподавателем «захватчиков» Татьяна Евгеньевна позвонила домой, и мы спешно отправились смотреть и обсуждать животворящее видео к Преображенским. К счастью, их дом оказался в паре минут от университета, но мы были готовы идти куда угодно. Отныне Ленинградская 26 для меня ассоциируется не только с жившими здесь В.П. Астафьевым, Шери Брок (Sherrí Brock), Т.Н. Кузнецовой, И.Н. Коноплевой, но и с Преображенскими.

В доме их помнят: Татьяну Евгеньевну как выдержанную леди, прекрасную маму, Андрея Владимировича как открытого очаровательного джентльмена. Т.Н. Кузнецова рассказала, как, несмотря на огромную занятость (две руководящие должности – заведующий кафедрой в университете, директор «Языковой школы» – требуют своего), он находил минутку обсудить что-то с соседями (от природы и погоды до планов на будущее); в цейтноте подарком становилась его неотразимая улыбка. Татьяна Николаевна смеется, вспоминая веселого пуделя шоколадного цвета – своеобразное олицетворение духа семьи: энергичный, доброжелательный, приветливый Арчи никого не обделял вниманием.

Преображают Преображенские ненарочито. Для них нет ничего естественнее, чем отправиться в Канаду. Услышав тогда новость, я удивилась. Андрей Владимирович удивился моему удивлению: он не планировал всю жизнь провести на одном месте.

На днях чисто наудачу спросила, не напишет ли Андрей Владимирович для «Вестника». Мгновенный ответ: «Да, могу написать по теме “Principles of Evaluation and Assessment”»: это одно из направлений, по которому я работал в последнее время: вел курс в течение 5–6 лет в колледже и выступал на конференции в Чили, когда там работал. Напишите, если подходит и как срочно нужно. Надо все переварить на русском языке».

Мне вспомнилось, как легко он переводит с английского на немецкий и обратно. Но «переварит» ли такое за пару недель? (Почему-то захотелось включить материал в готовящийся номер.) И не лучше ли дать статью прямо на английском в Web of Science? И снова – ответ тут же: «Я, пожалуй, более заинтересован в русском читателе».

*Костюмированный канадский юбилей.
Офицер лейб-гвардии Преображенского полка*

Не стала скрывать тревожащего меня сомнения: лингвистическая ли это тема (от специальности «Педагогические науки», следовательно, от методики наш журнал отказался). И вот она – широта Андрея Владимировича: «Необязательно, скорее параметры определения и критерии оценки с точки зрения языковой компетенции в целом».

«Перегородки и границы» все еще беспокоят меня, мне неловко (помнит ли об их существовании Андрей Владимирович?), но рискую переспросить. Очередная щедрость свободы: «Да – это часть лингвистической теории, которая, разумеется, сочетается с методикой преподавания, как, впрочем, и все остальное». Похоже, он вспомнил «родные пенаты»: «Могу прислать в течение следующей недели, и вы решите, надо ли обрабатывать или перерабатывать (переводить) или нет».

Нет, присылать не надо: доверие ему абсолютно. И да, вот он – единственно правильный подход к переводу: «обрабатывать и перерабатывать». Попрошавшись, делюсь произошедшим с С.М. Кибардиной, и мы вздыхаем в Интернете (Светлана Михайловна в Германии): «Ужасно жаль, что он у нас больше не работает». Одно утешает – продолжает преобразовать.

Не буду здесь говорить о тонкости, деликатности, самоуглубленности, сосредоточенности, свободном мышлении юбиляра. Many happy returns, Андрей Владимирович! СПАСИБО! И да здравствуют Преображенские!

* * *

В ходе дальнейшей переписки обнаружилось, что Андрей Владимирович работает над восстановлением семейного древа, и его прапрадед, Дмитрий Павлович Преображенский, преподаватель Вологодской духовной семинарии, в последние годы жизни был протоиереем Вознесенского монастыря в Вологде (см.: <http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=358>).

Кроме факта установления родства и семейной памяти, обращает на себя внимание смысловое ядро имен (Преображенский, Вознесенский) и их близость (в преодолении границ человеческого). Мысль о параллелях имен с призванием и деятельностью самого юбиляра для меня достаточно очевидна.

Т.Е. Преображенская
*преподаватель истории и английского как второго языка
Школа продолженного обучения Торонто, Канада*

О ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА ПО ГОРИЗОНТАЛИ

Мы приехали в Канаду в 2004 году. Изучив обстановку – немного университетов, «свои» кадры и (если с более-менее гарантией трудоустройства) необходимость делать PhD здесь (а это время и деньги), Андрей выбрал прикладное направление – преподавать в post-graduate программе TESL в колледже. Он понравился, оказался востребованным и уже через год вел лингвистику сначала в частном колледже, потом в государственных (по статистике иммигранты ищут себя – свое «место под солнцем» в новой стране первые три года).

Кто его студенты? По требованию колледжа, прежде чем быть зачисленным в программу, надо иметь как минимум степень бакалавра – для носителей языка. Оказалось, это не выдумка, что на Западе люди меняют специальности два-три раза в своей жизни, а преподавать язык за рубежом – еще и отличная возможность путешествовать. Поэтому эти программы очень популярны. В серьезном колледже курс длится год (full time), и бывший работник банка, например, после такого курса может преподавать взрослым (до детей не допустят без Teachers' College) в Японии или иммигрантам (newcomers) в Канаде. Кстати, эту программу берет много выпускников университетов (и часто после специальности «английский язык») – для того, чтобы, если не найдут работы, ехать по миру обучать языку.

Говорю со знанием процесса, потому что сама первым делом стала студенткой такой программы – TESL – в одном из колледжей Торонто. Отношение к учебе у здешних студентов потрясающее! Это уже не первое для них образование, и они ценят свое время и учатся так, чтобы потом «не было мучительно стыдно за бесцельно» проведенные годы и потраченные деньги. Я после окончания преподавала в одном из многочисленных в Торонто центров LINC – Language Instruction for Newcomers to Canada (преподавание языка для вновь приехавших в Канаду).

Основной контингент студентов Андрея – англоговорящие (естественно) специалисты в разных сферах. 15-20 процентов – преподаватели английского языка из других стран, которые, как и я в свое время, вынуждены были (и многие делали это с удовольствием) взять такой курс, чтобы «перестроиться» на принципы преподавания в новой для них стране. С лингвистикой, методикой и т.п. все знакомы, но трудно перестроиться на новый тип преподавания – групповая работа, интерактивные семинары (лекций как таковых нет), иная оценка работы студентов и многое другое.

Оказалось, что Андрей, будучи из «другой школы», уже преподавал «в ногу со временем» (еще в Вологде, я думаю). Он справился с этой перестрой-

кой, конечно же, блестяще... и стал учить других. И поскольку он делает это талантливо, неравнодушно и со знанием дела, всегда было много благодарных и восторженных отзывов от студентов. Андрей работал за эти годы в трех колледжах, и коллеги и, что немало важно, работодатели (!) его везде любили (здесь у автора смайлик. – Л.Е.). И что интересно – за «другую школу», в том числе – российскую! За серьезный подход и уважение к фундаментальным наукам.

Интересный опыт был на «выездных» курсах – по два-три месяца для преподавателей английского языка на Тайване и в Саудовской Аравии. Год в Чили (Universidad Catolica del Norte) – там была молодежь, готовящаяся стать учителями английского, – как наш иняз!

Сфера TESL в Канаде очень популярна. Преподаватели ESL объединены в ассоциацию, проводятся конференции, в которых и Андрей, и я участвовали неоднократно. Андрей на нескольких выступал (среди них в Чили и Перу).

Большая учебная нагрузка (Андрей работал не только в колледже, но и в разное время в других учебных заведениях, в том числе всегда имел часы в школе продолженного обучения при управлении образования Торонто), другие занятия – исследование новой страны и культуры, занятия спортом, путешествия, внуки (Амилия 4 года и Зоуи 10 месяцев)... Большой упор стал на практику и преподавание, что нам очень нравится! Мы оба, когда требовала работа, повышали свою квалификацию – брали различные курсы в университете Торонто (система образования в Канаде очень разветвленная и позволяет «разветвляться» в своей специальности). Так, я выучилась на учителя канадской истории XX века (имея квалификацию учителя, это можно сделать за один семестр и часто online), и сейчас это мой основной предмет.

Я часто говорю своим учащимся – иммигрантам, начинающим в новой стране все заново, что можно расти по горизонтали, а не только по вертикали. Российскому инженеру, например, нелегко получить здесь работу инженера: другое образование, стандарты, лицензии, язык. И люди уходят в смежные отрасли, где успешно применяют свой богатый опыт, и в этом путешествии во все новое не перестают учиться (в том числе языку). Lifelong Learning – ongoing, voluntary, and self-motivated pursuit of knowledge for either personal or professional reasons (непрерывное, добровольное и самомотивируемое овладение знаниями для личных или профессиональных целей) – необходимость и реальность сейчас во многих странах. Главное – не останавливаться в своем развитии и делать это с удовольствием!

Раздел подготовила Л.В. Егорова

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

Н.Ф. Бондарь

старший преподаватель кафедры английского языка ВоГУ

ОБЗОР УЧЕБНЫХ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КАФЕДРЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ИНСТИТУТА ИСТОРИИ И ФИЛОЛОГИИ ВоГУ ЗА ПЕРИОД 2015–2019 ГГ.

В период 2015–2019 гг. преподавателями кафедры английского языка был издан ряд работ, интересных и необходимых в учебном процессе. В основном это коллективные исследования, апробированные в учебном процессе на протяжении ряда лет. Материалы разработаны по всем аспектам учебной дисциплины «Практика устной и письменной речи». Основная часть пособий предназначена для занятий со студентами по направлению 44.03.01/44.03.05 Педагогическое направление; несколько работ написаны для изучающих английский язык как второй иностранный и одна работа – для магистров.

Коллективу преподавателей (Д.И. Жирнова, В.П. Кряжева, И.Н. Коноплева, С.С. Мальшева, Ж.И. Подоляк, А.Н. Цветкова) принадлежит сборник упражнений по грамматике английского языка в двух частях [9; 10].

Часть 1 состоит из 9 разделов тематического характера, включающих темы «Артикль», «Особенности множественного числа и падежной системы существительных», «Прилагательные, наречия, их степени сравнения», «Особенности местоимений (личных, возвратных, неопределенных, отрицательных)», «Особенности использования предлогов, включая предлоги времени и словосочетания со значением времени», разделы английской грамматики, нюансы которой представляют собой большую сложность на начальном этапе его изучения в рамках вузовской программы.

Часть 2 включает 7 разделов (также тематического характера) и посвящена особенностям английского глагола, в частности *to be* и *to have*, конструкциям *there is/it is*, модальным глаголам и их заместителям, страдательному залогу; кроме того, особенностям английского условного предложения и косвенной речи. Предупреждение ошибок, возникающих в процессе изучения английской грамматики, вызванных интерференцией родного (русского) языка в силу его типологических отличий от английского, и их преодоление определили цель создания данного пособия – обеспечение обучающихся аутентичным учебным материалом для развития и автоматизации навыков и умений использования грамматических структур в устной и письменной речи.

Особенностью пособия является принцип нарастания сложности при расположении упражнений внутри каждой из тем. Пособие предназначено для студентов-бакалавров, обучающихся по направлениям

44.03.01/44.03.05 Педагогическое направление, 45.03.02 Лингвистика, 51.03.01 Культурология, 42.03.02 Журналистика, 01.03.02. Прикладная математика и информатика, 39.03.02 Социальная работа 40.03.01 Юриспруденция.

Работа авторского коллектива – А.Б. Крылова, Ю.А. Павлова, Ж.И. Подоляк, С.А. Попова – «Времена английского глагола» [2] является развитием грамматического цикла упражнений с уклоном расширенного и более глубокого изучения видовременных форм английских глаголов в активном залоге. В каждом из 12 разделов упражнения расположены по принципу нарастания трудности; последний раздел представляет собой обзор всех видовременных форм. Цель работы – автоматизация правильного использования английских глагольных форм в устной и письменной речи.

Названное пособие предназначено для обучения широкого круга студентов-бакалавров по различным направлениям и профилям подготовки: 45.02.03 Лингвистика, 45.03.01 Педагогическое образование (профили: «Образование в области иностранного языка», «Начальное образование и иностранный язык», «Историческое образование», «Музыкальное образование», «Филологическое образование»), 44.03.05 Педагогическое образование (профили: «Иностранные языки», «Математическое и физическое образование», «Математическое образование и информатика»), 51.03.01 Культурология, 42.03.02 Журналистика, 01.03.02 Прикладная математика и информатика, 39.03.02 Социальная работа, 40.03.01 Юриспруденция.

Типология заданий: раскрыть скобки, поставить глагол в соответствующей форме, трансформационные и подстановочные упражнения (для автоматизации отдельных моделей высказывания), упражнения на соблюдение порядка слов в вопросительных и отрицательных предложениях, передача содержания русского высказывания на английском языке. Достоинством является аутентичность языкового материала: примеры из художественных произведений, текстов рекламного, новостного, научного и научно-популярного содержания.

Пособие Е.Н. Воробьевой «Английский язык» [1] предназначено для обучения студентов-бакалавров по направлениям подготовки 44.03.01/44.03.05 Педагогическое образование и других специальностей, на-

правлений и профилей, в стандарт обучения которых входит дисциплина «Иностранный язык».

Интересны задания коммуникативного характера, в том числе материалы, позволяющие учитывать разный начальный уровень знаний обучающихся. Темы для изучения: «О себе», «Рабочий день студента», «Учебный процесс, экзамены», «Особенности высшего образования в России/Великобритании/США». Приложения Windsor Family Tree, Writingan E-mail, Educationin Great Britain, Educationin the USA, Educationin the Russian Federation (в виде схем и таблиц) могут использоваться в качестве планов для устного монологического и диалогического высказываний, письменных работ (сочинения или эссе) по темам «Семья», «Письмо», «Система образования».

Учебно-методическое пособие по домашнему чтению для студентов-бакалавров 1–3 курсов составлено группой преподавателей (О.А. Бурсина, Л.В. Егорова, Ж.И. Подоляк, А.А. Червяков) [8] и предназначено, прежде всего, для студентов факультета иностранных языков культуры и искусств.

Структура и комплекс заданий обусловлены принципом преемственности в обучении студентов. Содержание заданий нацелено на углубленное изучение аутентичных художественных текстов, развитие навыков устной и письменной речи. В полной мере используются возможности для изучения важных проблем, поднятых в романах, для развития подготовленной и спонтанной монологической и диалогической речи, критического анализа, перевода текста, расширения словарного запаса, формирования умения свободно излагать мысли на английском языке. Возможно использование материалов и заданий как в аудиторной, так и в самостоятельной работе.

Задания включают знакомство с биографией и творчеством автора, изложение или обобщение информации на английском языке, задания для работы над техникой чтения, упражнения со словарем автора, сбор материала для дальнейшего обсуждения героев, их отношений, развития событий, а также задания творческого характера, стимулирующие монологические и диалогические высказывания, драматизация отдельных эпизодов текста – все это развивает речевые компетенции.

Выбор авторов (Н. Хорнби, Дж. Барнс, Дж. Коу, Д. Лодж, Г. Грин) свидетельствует о многолетнем заинтересованном участии преподавателей кафедры в проекте «Современная британская литература в российских вузах» фонда «Оксфорд – Россия» [5; 6].

Отметим не только активное участие наших студентов в этом проекте, их неоднократно публиковавшиеся эссе на английском языке в журнале проекта, но и желание передать опыт изучения современных британских произведений школьникам. В 2018 году были защищены три ВКР, посвященные современной прозе, поэзии и драматургии Британии. Их авторы – М.А. Яшина, А.А. Черкасова, А.А. Зверева (научный руководитель – д-р филол. наук Л.В. Егорова) – были нацелены на обогащение элективного курса по британской литературе на английском языке для старших классов школ с углубленным изучением английского языка. Сложность выполнения работ такого рода обусловлена, прежде всего, ее актуальностью. Мы имеем

дело с новейшей литературой, к которой даже в литературоведении еще не выработаны не только не бесспорные, но сколько-нибудь основательные подходы, и при создании ВКР необходимо сформировать свою позицию, которая позволила бы говорить со старшеклассниками об этих находящихся в становлении явлениях – неоднозначных, многосторонних, проблематичных. Все три диплома были высоко оценены учителями средней общеобразовательной школы г. Вологды № 1 с углубленным изучением английского языка, преподавателями ВоГУ и языкового центра «Алиса», где были апробированы уроки по каждому из аспектов (современная проза, поэзия, драматургия). Две работы вышли в финал Международной научной конференции 2018 года «Молодые исследователи – регионам» (материалы опубликованы) [7; 12].

Особенность пособия «The English Infinitive» А.А. Червякова состоит в том, что в теоретической части описана морфология, семантика и синтаксис инфинитива, используемого самостоятельно, а также в составе предикативных комплексов. Обобщения в виде таблиц и схем делают текст более наглядным и облегчают его понимание [19, с. 5–23]. Схемы, описывающие «темпоральную семантику» инфинитива, – авторское дополнение к объяснению. Они интересны и доказательны. Отношения одновременности, предшествования и будущности действия, выраженного соответствующей формой инфинитива, подкреплены примерами. Вторая часть содержит задания, типология которых: а) установить форму инфинитива, б) образовать соответствующую форму инфинитива указанных глаголов, в) написать предложение, используя форму инфинитива и определить его темпоральное значение, г) вставить частицу «to», где необходимо, д) упростить предложение, используя инфинитивную конструкцию. Задания, помимо завершения предложения инфинитивом в соответствующей функции, предполагают перевод с английского языка на русский и наоборот, описание заданной ситуации с использованием объектной или субъектной конструкции.

В аналогичном ключе написаны работы «A Practical English Grammar. The Gerund. The Participle. The Article» [13] и «A Practical English Grammar. The Syntax. The Subjunctive Mood» [14]. Теоретическая часть сопровождается таблицами и примерами. Использование аналогичной системы упражнений в названных работах логично, поскольку предполагается единый подход к практическому овладению грамматическим материалом с его типологическими отличиями от русского языка (отсутствие в русском языке герундия, артикля как грамматического показателя определенности/неопределенности, особенности английского сослагательного наклонения). Определение форм, функций герундия, причастия 1 и причастия 2 английских глаголов, образование герундиальных и причастных конструкций, заполнение в предложениях пропусков соответствующими конструкциями неличных форм – далеко не полный перечень заданий. Интересны упражнения на перевод предложений, творческие задания.

Цель пособия «A Practical English Grammar. The Syntax. The Subjunctive Mood» [14] – создать систему практико-ориентированных заданий и упражнений с

учетом современных реалий и актуальных исследований в области теоретической и практической грамматики английского языка. Пособие ориентировано на формирование способности обучающихся осуществлять построение и анализ фразовых комплексов в соответствии с принципами грамматического строя английского языка, что отвечает целям и задачам дисциплины «Практическая грамматика». Хочется отметить задания на анализ по предложенным в тексте моделям раздела «Sentence Analysis»: цитаты взяты из произведений авторов Великобритании и США последних двух столетий, включая Дж. Толкиена, Р.Л. Стивенсона, А. Конан Дойла, Дж. Роулинг, К. Хилтона, Дж. Корбетта. У каждого автора свои предпочтения построения предложений, отсюда разнообразие синтаксических моделей для анализа.

Учебно-методическое пособие «Learning to Listen» [16], составленное А.Н. Цветковой, О.А. Бурсиной и Д.И. Жирновой, предназначено для работы с произношением, прежде всего, со студентами 1–3 курсов факультета иностранных языков, культуры и искусств. Пособие можно использовать в качестве практикума в лингафонном кабинете. Он предполагает использование разнообразных форм трансляции источников аудиоматериалов при организации индивидуальной, парной и групповой работы с произношением. Система заданий создана для работы с лингафонным курсом «Диалог М-1», обеспечивающим как самостоятельное прослушивание материалов и текстов, так и выполнение заданий индивидуально и в группах. Это обеспечивает более эффективное решение задачи обучить аудированию и свободному говорению на английском языке. Особое значение приобретает возможность привлекать материалы через Сети. Кроме того, собранный для данного пособия материал и разработанные задания расширяют кругозор обучающихся, развивают интерес к социокультурным отличиям носителей изучаемого иностранного языка.

В работе Т.Н. Сидоровой, Д.И. Жирновой, А.Н. Цветковой [3], предназначенной для изучающих английский язык как второй иностранный, ставятся задачи обеспечить обучающихся аутентичными материалами и практико-ориентированными заданиями, что позволяет совершенствовать фонетические, лексические и грамматические навыки, развивать рецептивные и продуктивные виды речевой деятельности. Использование лингафонного кабинета в парной и индивидуальной работе позволяет эффективно решать задачи самостоятельного прослушивания, совершенствования умения общаться в парах и малых группах.

Особенность этого пособия – наличие большого количества иллюстраций, способствующих более легкому восприятию и пониманию аутентичного английского текста. Задания, контролирующие уровень понимания текста, имеют коммуникативный характер и предполагают разные формы его воспроизведения: заполнение пропусков в прослушанном тексте, завершение прослушанного текста, краткое изложение содержания, передача содержания максимально близко к тексту, заучивание наизусть стихотворения и т.д. Предложенный материал адекватен по сложности, актуален по содержанию, соответствует учебному

плану дисциплины «Второй иностранный язык», расширяет кругозор, имеет воспитывающий характер.

Интересно пособие для студентов, изучающих английский язык как второй иностранный, составленное Т.Н. Сидоровой, М.Ф. Трапезниковой, И.Б. Щенниковой [4]. Его цель – обеспечить обучающихся материалом, дополняющим базовый учебник (упражнения, тексты, задания по практике устной и письменной речи). Задания разработаны с учетом современных языковых реалий и ориентированы на формирование у обучающихся способности создавать устные и письменные тексты разных типов и жанров на английском языке. Материал подобран для расширения знаний по культуре, истории стран изучаемого языка, а также родного края.

Для занятий по учебной практике со студентами 2–3 курсов, обучающимися по направлению 44.03.05 Педагогическое образование, написано учебное пособие «Teaching English» в двух частях [17; 18]. В Части 1, состоящей из восьми разделов (составители: А.Н. Цветкова, О.А. Бурсина, Д.И. Жирнова, Ж.И. Подоляк, А.С. Румянцева, Т.И. Сидорова), решаются задачи обучения конкретным аспектам английского языка (включающим аудирование, фонетическую, лексическую и грамматическую стороны говорения), обучение устной и письменной речи, чтению, лексике классного обихода.

В Части 2 пособия, включающей семь разделов (составители: А.Н. Цветкова, О.А. Бурсина, Д.И. Жирнова, А.С. Румянцева, Т.И. Сидорова), центральное место занимает задача овладения культурой мышления и профессиональными навыками общения в рамках педагогической деятельности. Представленные темы отражают широкий спектр вопросов, изучаемых психолого-педагогическими дисциплинами в рамках специальности. Разработанная авторами система практико-ориентированных заданий и упражнений с учетом современных языковых реалий и актуальных исследований в области теории и практики германских языков ориентирована на формирование у обучающихся способности осуществлять педагогическое сопровождение учебно-воспитательного процесса на английском языке в модулируемой учебной деятельности на занятиях по предмету «Учебная практика».

Учебное пособие по домашнему чтению А.Н. Цветковой [11] предназначено для студентов 2–3 курсов, обучающихся по направлениям подготовки 44.03.01 Педагогическое образование. Для автора первостепенно развитие навыков чтения неадаптированной художественной литературы на английском языке, критический анализ текста в рамках стилистического подхода, пополнение активного словаря через расширение пассивного вокабуляра студентов-бакалавров, развитие умения излагать мысли на английском языке. В двух частях, посвященных «Искуплению» И. Мэтьюэна и «Круговерти» М. Макинтайра, разработаны модули (14 и 10 соответственно), объединенные общей идеей и типологией заданий. При сходстве содержания задания не повторяются, но усложняются за счет включения деталей, важных с точки зрения автора и с учетом учебной задачи. Выбор произведений обусловлен спецификой программы обучения студентов, нуждающихся в аутентичном языковом

материале для пополнения словарного запаса, современным характером литературного материала для формирования компетенций, необходимых при интерпретации художественного текста. Автор пособия четко придерживается последовательности упражнений, рекомендуемой в последних работах методистов: предтекстовые задания, расширяющие кругозор, задания на обсуждение прочитанного, более детальное обсуждение лексических, стилистических особенностей, что стимулирует расширение словаря, лучшего понимания многозначности, синонимических и антонимических, сочетаемых и фразеологических связей английских слов и их соотнесение с русскими эквивалентами. Вторая часть модуля каждого произведения включает упражнения, в которых прорабатываются ключевые вопросы, поднимаемые авторами произведений. Разработаны речевые задания творческого характера, предполагающие более высокий уровень понимания глубинной структуры текста, используемых приемов и средств.

Учебно-методическое пособие по английскому языку О.А. Бурсиной и А.С. Румянцевой [15] предназначено для обучающихся по программам магистратуры 01.04.02 Прикладная математика и информатика, 39.04.002 Социальная работа, 06.04.01 Биология, рекомендовано для использования на занятиях в рамках дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной деятельности». Пособие ориентировано на развитие навыков устной и письменной речи, совершенствование компетенций, сформированных в процессе изучения иностранного языка в рамках программы бакалавриата.

Особенность пособия состоит в том, что содержание пяти разделов имеет как общенаучный, так и узконаучный характер, соответствующий различным сферам учебной и научной деятельности обучающихся, что подтверждается списком литературы, представленным в конце работы. При ознакомлении с текстами в оригинале и аутентичным материалом расширяется научный кругозор обучающихся; лексическими единицами пополняется их научный словарь, необходимый для общения в устной и письменной формах в рамках темы исследования и выпускной работы. Соответствующие методические рекомендации способствуют подготовке обучающихся к профессиональной деятельности в рамках заявленного научного направления. Ценными являются два приложения в виде таблиц для повторения грамматического материала и основных правил чтения на английском языке. Широкое использование интернет-источников способствует успешности при написании докладов для выступления на научных конференциях, статей по теме магистерских диссертаций в рамках соответствующего профиля.

В данном обзоре подведен некоторый итог работы кафедры по созданию учебных и учебно-методических материалов, которые заполнили некоторые лакуны в учебном процессе. Работа по новым стандартам только началась; необходимо шире использовать возможности коллектива кафедры для создания такого рода материалов для других направлений обучения и обновления других учебных дисциплин названных выше направлений и профилей обучения.

1. Воробьева, Е.Н. Английский язык [Электронный ресурс]: учебное пособие [для студентов-бакалавров] / Е.Н. Воробьева. – Вологда: ВоГУ, 2015. – 83 с.: табл. – Режим доступа: http://www.library.vstu.edu.ru/biblio/vorobjeva/book12/2015_vorobjeva_engl.pdf

2. Времена английского глагола: сборник упражнений по грамматике: учебное пособие / [А.Б. Крылова, Ю.А. Павлова, Ж.И. Подоляк, С.А. Попова]; М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2015. – 111 с.

3. Второй иностранный язык: Learning to Listen: учебно-методическое пособие по практической фонетике английского языка для лингафонного кабинета / [сост. Т.Н. Сидорова, Д.И. Жирнова, А.Н. Цветкова]; М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2018. – 64 с.

4. Второй иностранный язык: Topics for Developing Speaking and Writing Skills: учебно-методическое пособие по английскому языку / [сост. Т.Н. Сидорова, М.Ф. Трапезникова, И.Б. Щенникова]; М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2016. – Ч. 1. – 72 с.

5. Егорова, Л.В. Об участии кафедры английского языка в международном семинаре «Современная британская литература в российских вузах» / Л.В. Егорова // Вестник ВоГУ. – 2016. – № 3. – С. 118–122.

6. Егорова, Л.В. Семинары по современной британской литературе 2018 / Л.В. Егорова // Вестник ВоГУ. – 2018. – № 4 (11). – С. 101–104.

7. Зверева, А.А. Современная английская драматургия в элективном курсе по английскому языку / А.А. Зверева // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции (Вологда, 17 апреля 2018 г.): в 3 т. / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т; [отв. ред. А.А. Сеницын]. – Вологда: ВоГУ, 2018. – Т. 3. – С. 150–151.

8. Практика устной и письменной речи: Home Reading Tasks: About a Boy by Nick Hornby / A History of the World in 101/2 by Julian Barnes / What a Carve Up! By Jonathan Coe / Nice Work by David Lodge / The Quiet American by Graham Greene / Grammar Supplement Indirect Speech / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т; [О.А. Бурсина, Л.В. Егорова, Ж.И. Подоляк, А.А. Червяков]. – Вологда: ВоГУ, 2016. – 87 с.

9. Сборник упражнений по грамматике английского языка: учебное пособие: в 2-х ч. / [сост. Д.И. Жирнова, В.П. Кряжева, И.Н. Коноплева, С.С. Малышева, Ж.И. Подоляк, А.Н. Цветкова]; М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2015. – Ч. 1. – 144 с.

10. Сборник упражнений по грамматике английского языка: учебное пособие: в 2-х ч. / [сост. Д.И. Жирнова, В.П. Кряжева, И.Н. Коноплева, С.С. Малышева, Ж.И. Подоляк, А.Н. Цветкова]; М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2015. – Ч. 2. – 148 с.

11. Цветкова, А.Н. Practical Guideto Home Reading: учебное пособие / А.Н. Цветкова. – Вологда: ВоГУ, 2015. – 88 с.

12. Яшина, М.А. Современная английская проза в элективном курсе для школьников / М.А. Яшина // Молодые исследователи – регионам: материалы Международной научной конференции (Вологда, 17 апреля 2018 г.): в 3 т. / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т; [отв. ред. А.А. Сеницын]. – Вологда: ВоГУ, 2018. – Т. 3. – С. 188–189.

13. A Practical English Grammar. The Gerund. The Participle. The Article: учебно-методическое пособие / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т; [сост. А.А. Червяков]. – Вологда: ВоГУ, 2019. – 68 с.

14. A Practical English Grammar. The Syntax. The Subjunctive Mood: учебно-методическое пособие / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т; [сост. А.А. Червяков]. – Вологда: ВоГУ, 2018. – 40 с.

15. Englishin Professional Activities: учебно-методическое пособие по английскому языку / сост. О.А. Бурсина, А.С. Румянцева. – Вологда: ВоГУ, 2018. – 51 с.

16. Learning to Listen: учебно-методическое пособие по практической фонетике английского языка для лингвонного кабинета / сост.: А.Н. Цветкова, О.А. Бурсина и Д.И. Жирнова; М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2015. – 51 с.

17. Teaching English: учеб. пособие: в 2-х ч. / [авт.-сост. А.Н. Цветкова, О.А. Бурсина, Д.И. Жирнова, Ж.И. Подоляк, А.С. Румянцева, Т.И. Сидорова]; М-во образ.

и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2015. – Ч. 1. – 84 с.

18. Teaching English: учеб. пособие: в 2-х ч. / [авт.-сост. А.Н. Цветкова, О.А. Бурсина, Д.И. Жирнова, А.С. Румянцева, Т.И. Сидорова]; М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2016. – Ч. 2. – 84 с.

19. The English Infinitive: учебно-методическое пособие / [А.А. Червяков]; М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т. – Вологда: ВоГУ, 2018. – 40 с.

Е.В. Бритвина

методист Детско-юношеского центра «Единство», г. Вологда

«МИР НАУКИ» ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОГО ЦЕНТРА «ЕДИНСТВО»

Жизнь не стоит на месте, она движется вперед! С каждым годом совершаются новые открытия в области науки и техники, и делают их не только солидные профессора и кандидаты наук, изобретатели, но и совсем юные исследователи.

Городская научно-практическая конференция для обучающихся 2–11 классов образовательных учреждений города Вологды и близлежащих районов «Мир науки» проходит ежегодно в Муниципальном учреждении дополнительного образования «Детско-юношеский центр «Единство»» с 2004 года.

В первые годы конференции в ней принимали участие обучающиеся средних и старших классов. Но несколько лет назад, с развитием интереса к исследовательской и проектной деятельности детей начальной школы, руководством Центра было принято решение о выделении отдельной секции для юных исследователей, чей возраст варьировался от 8 до 10–11 лет. Так появилась не только новая секция, но и новая конференция – «Мир науки+. Малыш слушания».

является защита научного или социального проекта или публичное выступление с докладом, презентацией по выбранной теме по следующим направлениям работы секций: «Русский язык, литература», «Иностранные языки», «Математика, физика», «История, краеведение, география», «Химия, биология, экология». По итогам работы конференций лучшие работы обучающихся публикуются в научно-методическом сборнике Центра «Лучшие исследовательские работы школьников».

Учебный год	Кол-во учащихся	Кол-во работ	Кол-во школ
2004-2005	98	63	12
2005-2006	101	65	11
2006-2007	118	79	18
2007-2008	98	65	17
2008-2009	155	109	20
2009-2010	150	116	21
2010-2011	133	90	19
2011-2012	162	128	26
2012-2013	155	128	24
2013-2014	174	144	26
2014-2015	160	134	24
2015-2016	208	189	23
2016-2017	260	222	25
2017-2018	274	231	24

Ежегодно в этих конференциях принимает участие более двухсот человек. Под руководством учителей-предметников школ города и районов ребята определяют цель своего исследования или проекта, ставят задачи, составляют план и собирают материал, детально изучая его. Конечным продуктом работы

В качестве экспертов на конференции работают преподаватели, кандидаты наук, научные сотрудники ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» и ФГБУН «Вологодский научный центр» РАН, методисты АОУ ДОД ВО «Региональный центр дополнительного образования детей», педагоги высшей категории школ города и центра «Единство».

Наиболее популярными среди детей, представляющих свои работы на секцию «Русский язык и литература», вот уже на протяжении многих лет являются темы, касающиеся творчества знаменитых земляков В. Белова, А. Яшина, О. Фокиной и др. Так, на последней конференции, которая состоялась 22 марта 2019 года, ученик 6 «А» класса МОУ «СОШ № 12» города Вологды Дмитрий Столяров под руководством учителя русского языка и литературы Инюшиной Зои

Борисовны попытался изучить этимологию имен и кличек животных в произведениях В. Белова «Рассказы о всякой живности». Он выдвинул гипотезу о том, что имена собственные в художественном произведении являются одним из ключей к разгадке секрета основной идеи текста. Проанализировав ряд имен героев с позиции их этимологии и кличек животных, о которых упоминает В.И. Белов в своих произведениях, Дмитрий доказал, что с точки зрения литературной ономастики имена собственные в художественном тексте имеют свою специфику и воспринимаются как средство создания образа и характера персонажа.

Обучающаяся 6 класса МОУ «СОШ № 21» Анна Басалаева, руководитель – учитель немецкого языка Базанова Наталья Анатольевна, предложила к рассмотрению на конференции свою работу: «Сравнительный анализ русских и немецких сказок (на примере В.И. Белова “Мишук” и Т. Шторма “Ганс – Медведь”»)). Сопоставив два произведения, Анна пришла к выводу, что структура и описание героев в русских и немецких сказках мало отличаются друг от друга, поскольку народы мира развиваются по общим законам истории, имеют схожий быт. Однако, по мнению автора, имеются и существенные отличия сказок, связанные с пространством и способом построения, жанровым и сюжетным своеобразием, особенностями героев и персонажей. Это объясняется тем, что сказки демонстрируют национальное своеобразие каждого народа. И герои сказок напоминают и своей речью, и поведением людей той страны, где бытуют данные сказки.

В этой связи не менее интересной стала работа второклассника МОУ «СОШ № 1 с углубленным изучением отдельных предметов» Максима Королева по сравнению сюжетной линии и состава героев английской и русской народных сказок «Джонни Пончик» и «Колобок». И, как и в предыдущей работе, автор доказал, что общая структура сказок разных стран совпадает, а отличия связаны с менталитетом государств.

Иван Жаренков, Яна Ляпина и Арина Румянцева, обучающиеся 5 «Б» класса школы № 21, руководитель – учитель русского языка и литературы Федяева Нина Сергеевна, предприняли на конференции попытку доказать, что в названии рассказа В.И. Белова «Бобришный угор» заложен скрытый смысл и произведение названо так не потому, что автор посетил это место. Проанализировав ряд источников, ребята детально разобрали понятие «символ» в литературе, обратились к этимологии слова «угор» и, основываясь

на древнем мифологическом представлении, сравнивая угор с горой Олимп, где жили греческие боги, выдвинули предположение, что угор в произведении В.И. Белова – это символ. Символичность, по их мнению, заключается в том, что именно угор (родственное слово «гора») является местом, где сходятся небо и земля, где исчезает понятие времени и где по мифологическим представлениям восседали старейшины. Таким «старейшиной» для Василия Ивановича был учитель и друг писатель-земляк Александр Яковлевич Яшин, с которым Белов неоднократно бывал на «Бобришном угоре» в Никольском районе Вологодской области, где оба писателя философствовали над такими вечными понятиями, как: терпение, одиночество, упрямство, гордость, честность, счастье. Как утверждают юные исследователи, именно Бобришный угор и стал для писателя символическим местом – центром мира.

Тему «Семейных ценностей в творчестве В.И. Белова (на примере рассказа “Даня”»)), попытались освятить в своей работе Алена Маслухина и Татьяна Морозкова, ученицы 8 «В» класса МОУ «СОШ № 17». Анализируя произведение, юные филологи под руководством учителя русского языка и литературы Упадышевой Оксаны Андреевны пришли к выводу, что семейные ценности формируются в семье, начиная с самого раннего детства.

Изучению «Традиционных ценностей в прозе В. Белова и Ф. Абрамова» на примере произведений «Привычное дело» и «Деревянные кони» посвятила свою работу ученица 10 «А» класса Александра Черникова. В ее исследовании дается представление о таком направлении в литературе, как «деревенская проза», о представителях данной плеяды писателей, детально разбираются общие темы, цели и мотивы их произведений. Изучив произведения и сопоставив их, автор работы в заключение приходит к выводу о том, что в обоих произведениях говорится о нивелировании ценности жизни деревни, колхозов и совхозов в двадцатом веке, о разрушении традиционных ценностей, нравственном оскудении русской культуры и русского человека, об эксплуататорских отношениях между властью и человеком. Однако произведения не теряют своего значения и исторической ценности и сейчас, поскольку отражают быт целого пласта населения нашей страны, который и породил всю русскую культуру, что в первую очередь ассоциируется с русским человеком.

«Лексические средства выразительности в романе В.И. Белова “Кануны”» постаралась выделить ученица 9 «В» класса МОУ «СОШ № 16» Александра Лебедева. Она доказала, что важнейшими средствами лексической выразительности в романе «Кануны» являются **тропы** (метафора, эпитет, сравнение, метонимия, олицетворение, гиперболы, ирония, аллегория и др.) и **диалектные и просторечные слова**, не входящие в литературный язык. Именно благодаря этим средствам выразительности в произведениях оживает время, отражается местный колорит при описании быта северной деревни конца 20-х годов 20 века.

Внук Ольги Фокиной – Алексей Фокин, учащийся 8 «Д» класса МОУ «СОШ № 8» представил стихи своей знаменитой бабушки в виде своеобразной по-

этической биографии как лирический дневник одной из последних поэтесс русской деревни. Он постарался сопоставить стихи и биографический контекст, выстроить из стихов лирический дневник, охарактеризовать его композицию и художественные особенности, проработав множество сборников ее произведений.

Также на конференции были рассмотрены темы, касающиеся англоязычной лексики в слоганах рекламных сообщений российских СМИ (Е. Воронина, обучающаяся МУ ДО «ДЮОЦ “Единство”»), влияния ненормативной лексики на развитие личности школьников-подростков в современном мире (Михаил Дервянко, ученик 6 «К» класса МОУ «СОШ № 15»), языковых особенностей рекламных слоганов (Ангелина Дервянина, обучающаяся МУ ДО «ДЮОЦ “Единство”») и другие. Ученицы 5 класса МОУ «СОШ № 13» Маргарита Невзорова и Юлия Полохова составили методическое пособие для уроков и внеклассных занятий по русскому языку и литературе «Значение слова “ПОДВИГ” и однокоренные слова», а ученица 11 «А» класса МОУ гимназии № 2 Александра Митенева провела работу по созданию поэтического сборника «Пятидесятница», где опубликовала стихи собственного сочинения.

Историки и краеведы, юные экологи уделяют большое внимание экологическому состоянию малых рек, парков Вологды и области, истории появления и состоянию храмов и архитектурных сооружений города, изучению интересных обрядов и традиций. Особенно запоминающимися стали следующие темы исследований: «Чин пещного действа», совершаемый в Софийском кафедральном соборе г. Вологды в первой половине XVII века» (Юлия Сереброва, ученица 9 класса, МОУ «СОШ № 15»), «“Посольские” дома города Вологды и их судьба в XXI веке» (Анна Морщинина, ученица 8 класса МОУ «СОШ № 8»), «История Вологодского княжества» (Дмитрий Юдин, ученик 10 «В» класса МАОУ «Центр образования № 42») и др. Много работ ребята посвящают возвращению к родным истокам, изучению генеалогии своей семьи.

PS: Детско-юношеский центр «Единство» основан 4 февраля 1999 года как Детский оздоровительно-образовательный центр «Юность». Основными направлениями деятельности были экологическое воспитание подрастающего поколения и организация и проведение в течение учебного года воспитательных, интеллектуальных и развлекательных мероприятий, а

также летних оздоровительных смен на базе загородного лагеря «Юность».

В 2000 году к функциям Центра добавилась организация работы с подростками во дворах и создано структурное подразделение «Содействие».

В декабре 2002 года учреждение меняет свое название на Муниципальное образовательное учреждение дополнительного образования детей «Детско-юношеский центр “Единство”». Учреждение занимается проведением пеших экскурсий по Вологде, организацией каникулярного времени детей и занятий в кружках по интересам.

В апреле 2004 года Центр получает статус образовательного, создается структурное подразделение по работе с одаренными детьми «Интеллект». Для их сопровождения привлекаются психологи, создается методический отдел. С этих пор Центр «Единство» является открытой социально-педагогической системой, деятельность которой направлена на создание благоприятных условий для интеллектуального развития всех участников образовательного процесса на основе тесного сотрудничества и взаимодействия.

В ноябре 2015 года учреждение изменило название – Муниципальное учреждение дополнительного образования «Детско-юношеский центр “Единство”».

Сейчас работниками Центра проводятся региональные и муниципальные этапы олимпиад по математике, лингвистике, химии и биологии, истории и краеведению, научно-практические конференции, конкурсы, турниры, соревнования по техническому творчеству детей и подростков, воспитательные мероприятия.

Р.Л. Красильников
доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
теории, истории культуры и этнологии ВоГУ

И.В. Спасенкова
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории,
истории культуры и этнологии ВоГУ

Л.А. Якушева
кандидат культурологии, доцент кафедры теории,
истории культуры и этнологии ВоГУ

А.М. Новосёлов
директор Тотемского музейного объединения

**III ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«РУССКИЙ СЕВЕР – 2019: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА А.В. КАМКИНА**

27 февраля – 3 марта 2019 года на базе Вологодского государственного университета и Тотемского музейного объединения состоялась III Всероссийская научная конференция «Русский Север – 2019. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия». Форум проводился по инициативе главы Тотемского муниципального района, Тотемского музейного объединения (ТМО) и кафедры теории, истории культуры и этнологии Института культуры и туризма Вологодского государственного университета (ВоГУ), при финансовой поддержке Благотворительного фонда Владимира Потанина.

Конференция имеет уже свою, пусть небольшую, но историю. Идея проведения форума с таким названием возникла у директора ТМО, выпускника отделения культурологии Вологодского государственного университета А.М. Новоселова в 2016 г. По его словам, изначально не было глобальной цели объединить разобщенное границами регионов, социальным положением, законами страны и повседневными хлопотами научное сообщество. Однако предполагалось, что ежегодная конференция способна обратить внимание исследователей (историков, культурологов, социологов и других специалистов) на хотя бы один конкретно взятый район Русского Севера – так называемое Среднее Посухонье и прежде всего, безусловно, на Тотьму, город, нуждающийся во внимании не только к его достопримечательностям и музейным коллекциям; но и к его прошлому, к систематическому изучению сохранившихся пластов историко-культурного наследия. Так сложилось, что Тотьма как исторический город Русского Севера изучена все-таки меньше, нежели ее «собратья» по «Серебряному ожерелью России»: Каргополь, Великий Устюг, Кириллов, Сольвычегодск.

Почти сразу образовался круг постоянных участников конференции, интересующихся культурой Русского Севера, сформировалась особая атмосфера, связанная с обсуждением проблем малых городов, с посещением не только Тотьмы, но и других близлежа-

щих (и зачастую – труднодоступных) территорий. Вышло два сборника материалов конференций 2017 и 2018 гг.

С 2018 г. у форума появилась секция, проводимая в Вологодском государственном университете, предваряющая тотемскую часть программы. Вначале на ней выступали лишь преподаватели ВоГУ.

В 2019 г. было принято решение посвятить конференцию памяти известного вологодского профессора, доктора исторических наук, специалиста по православной культуре Русского Севера, основателя и многолетнего заведующего кафедрой теории, истории культуры и этнологии ВоГУ, редактора трех краеведческих альманахов «Тотьма» Александра Васильевича Камкина, ушедшего из жизни в 2017 г.

В связи с этим вологодская часть программы, проведенная 27 февраля, приобрела другой, более торжественный и масштабный характер. Она началась с приветственных выступлений и. о. ректора Вологодского государственного университета В.В. Приятелова, председателя Комитета по охране объектов культурного наследия Е.Н. Кукушкиной, директора Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля Д.П. Бака (специально посетившего Вологду для участия в мероприятии), директора ТМО А.М. Новоселова, заведующего кафедрой теории, истории культуры и этнологии ВоГУ Р.Л. Красильникова. Все выступавшие поделились своими воспоминаниями об А.В. Камкине, отметили созвучность темы конференции с научным наследием профессора, а также ее безусловную актуальность. Председатель Вологодского союза писателей-краеведов В.А. Борисов вручил медали имени Н.М. Рубцова исследователям, внесшим существенный вклад в изучение истории края.

Пленарное заседание в Вологде открыли доклады австрийских ученых – преподавателей Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца, давнего партнера ВоГУ. Профессор К. Энгель рассказала об образе Сибири в немецких документальных переда-

чах, а доктор Е. Биндер – о репрезентации Русского Севера в современном российском кино. Общей особенностью докладов был европейский подход к изучению России, что вызвало оживленную дискуссию.

Не менее интересными и содержательными были последующие выступления и их обсуждения. Профессор Московского государственного института культуры Н.И. Решетников прочитал доклад «“Вологодская программа” и сохранение культурного наследия», посвященный историко-культурным проблемам. Доцент ВоГУ И.В. Спасенкова рассказала о практике именнаяречения в г. Вологде в 1920–1930-е гг., опираясь на ранее не изученные документы, профессор ВоГУ Т.М. Димони – о складывании партийного «высшего класса» в 1920-е гг. (на материале выявленных в архивах анкет). Завершилось пленарное заседание проникновенным сообщением члена Союза писателей России С.А. Тихомирова – о жизненных параллелях и пересечениях А.В. Камкина и Е.И. Индовой.

Далее состоялись заседания двух секций: «Русский Север в историко-культурных исследованиях» и «Русский Север в междисциплинарных исследованиях».

В работе первой секции приняли участие специалисты в области археологии, истории и этнологии. Ряд докладов был посвящен различным аспектам социокультурной жизни края в XVII в. Так, в выступлении канд. ист. наук О.Н. Адаменко были представлены материалы о демографических потерях эпохи Смутного времени в вотчине Спасо-Каменного монастыря. Доцент ВоГУ И.В. Пугач в своем выступлении изложил результаты исследования сметных списков Новгородской четверти первой половины XVII в. по распределению государственной руги на Русском Севере. Магистрант ВоГУ С.С. Порохина представила материалы о вологодских подьячих в XVII в., в том числе об их персональном составе, материальном обеспечении и т.д. В выступлении доцента Череповецкого государственного университета Н.В. Алексеевой были раскрыты примеры и гендерные особенности монастырского трудничества на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX вв. Канд. ист. наук М.Ю. Хрусталева рассказала о традициях хождения на богомолье крестьянами в Новгородской губернии на рубеже XIX–XX вв. Выступление старшего преподавателя ВоГУ А.В. Савиной было посвящено исторической памяти, отраженной в культурном пространстве г. Белозерска.

Вторая секция была посвящена междисциплинарным исследованиям Русского Севера. Магистрант ВоГУ Е.С. Ульянова в своем выступлении не только представила методику реконструирования быта вологодских архиереев, провела сопоставительный анализ фактов повседневной культуры, но и сделала интересные предположения относительно стиля и эстетики бытового и публичного поведения священнослужителей. Специалист по связям с общественностью «Клуба делового общения» О.В. Лескова поделилась фрагментом своего диссертационного исследования, который посвящен рассмотрению хронотопа Вологды в мемуарах П.В. Засодимского. Старший научный сотрудник Вологодского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Н.А. Кильдюшова представила на обсуждении секции проекты музея

«Семенково», в частности речь шла о проектировании экспозиции «Ночлежный приют». Доцент Вологодского института развития образования Н.В. Путилова поделилась опытом работы по возрождению, транслированию, сохранению и обучению традиционной Вологодской росписи. Руководитель секции, доцент ВоГУ Л.А. Якушева выступила с сообщением о литературной среде и современных литературных проектах Вологды и Ярославля. Таким образом, в докладах секции была представлена нетривиальная картина городской культуры рубежа XIX–XX и XX–XXI веков в художественном, культурологическом и историческом дискурсе рассмотрения.

На следующий день конференция продолжилась в Тотьме, где программа первого дня открылась колокольными звонами на церкви Успения Богородицы. Присутствие данного мероприятия в программе было неслучайным. Впервые в рамках конференции на тотемскую землю приехали узкие специалисты, изучающие тему колоколов и колокольного звона – кампанологи. Специальная секция «Колокола и колокольное искусство на Русском Севере» стала одной из самых насыщенных и живых. Об истории возрождения трех звонниц в Тотьме в начале XXI века рассказал директор ТМО А.М. Новоселов, о колокольной коллекции в фондах тотемского музея – заведующая художественным отделом ТМО В.Н. Галушкина, о карельских колокольных наборах – научный сотрудник Карельского научного центра РАН О.Б. Лавров. Особенно насыщенными информацией стали два доклада доктора экономических наук РАНХиГС А.А. Глушечко, в подробностях рассказавшего о разновидностях слободских колокольчиков и о колоколотейных династиях северной Кимжи. Наконец, ведущая секции, социолог Государственного Эрмитажа, кампанолог Л.Я. Рахманова поделилась результатами социологического исследования, проведенного в рамках фестиваля колокольной музыки «Рождественский благовест» в Тотьме, и предоставила данные о том, насколько современная публика ассоциирует колокольные звоны с религиозной составляющей. Бурную дискуссию вызвал вопрос о том, каким может быть развитие подобных секций на конференции «Русский Север» в будущем и насколько могут быть тождественны понятия «звонарь» и «кампанолог».

Согласно установившейся традиции, пленарное заседание конференции в Тотьме было посвящено исследованиям об этом городе. Предваряя выступления историков, команда ТМО (директор А.М. Новоселов, ученый секретарь М.Б. Правдина, начальник отдела туризма и общественных проектов администрации Тотемского района А.А. Чернега и привлеченный специалист Государственного Эрмитажа Л.Я. Рахманова) презентовали новый проект – создание на базе ТМО ресурсного центра поддержки музеев малых городов и сел России. Центр получил название «Лощия», отсылающее к истории Тотьмы как города мореходов и речников.

С докладами на пленарном заседании выступили представители Вологды, Москвы, Котласа и Тотьмы. Профессор ВоГУ М.С. Черкасова, продолжая тему прошлогоднего исследования, поделилась новыми данными о тотемских актах XVII в. Московский исто-

рик, представитель культурно-просветительского центра «Светоч» В.В. Копытков рассказал об истории малых монастырей, существовавших на территории бывшего Тотемского уезда, и подробно остановился на теме Тафтенской Казанской и Богородицкой Голубинской пустыней. Интереснейший доклад ученого секретаря Котласского краеведческого музея С.А. Гладких был посвящен выявлению имен тотемских моряков – участников Русско-японской войны. М.Б. Правдина представила собравшимся коллекцию фарфора и фаянса в собрании ТМО, а заведующий музеем церковной старины ТМО В.А. Притчина поведала о новых архивных находках при выявлении имен иконостасных мастеров Тотемского края. Завершил заседание доклад сотрудника ЦНИИП Минстроя РФ Л.И. Кубецкой о стиле «тотемского барокко» как важной составляющей градостроительного «кода» города.

В рамках дальнейших заседаний в Тотемском краеведческом музее состоялись шесть секций. В рамках историко-архивной секции особенно интересными стали доклады известного вологодского историка Д.А. Пшеницына о летописи Троицкой Новокуножской церкви Тотемского уезда и старшего научного сотрудника Кунсткамеры РАН А.И. Терюкова о материалах по Русскому Северу в собраниях данного музея.

На секции, посвященной музеям и музейным коллекциям Русского Севера, различные темы подняли профессор МГУ М.М. Лоевская («Северная иконопись: находки и утраты»), специалист отдела научной документации Российского этнографического музея Т.В. Пинкусова («Изразцы Русского Севера второй половины XVII – XVIII века в собрании РЭМ»), главный хранитель Северодвинского музея Е.Ф. Луцковская («Коллекция бутылей из деревни Амбурской: комплектование, атрибуция и использование»), директор Бабушкинского районного исторического музея Е.С. Сысоева («Описание уникальных орудий труда из коллекции предметов крестьянского быта Бабушкинского музея»), а также сотрудники ТМО И.С. Савкова, О.В. Полоцкая, Н.И. Фирсова, О.Н. Макарова. Особенно интересным предстал доклад О.В. Полоцкой об археологических свидетельствах существования в окрестностях Тотьмы изразцового производства.

На секции, посвященной культурным ландшафтам и архитектуре Русского Севера, о тотемских мотивах в архитектуре вятских, сибирских и нижегородских церквей рассуждали М.В. Головизнин из Москвы и В.В. Коваль из Нижнего Новгорода. Об архитектурном своеобразии каменных и деревянных храмов Севера – как старинных, так и современных – говорилось в докладах Г.А. Исаченко (Санкт-Петербург), А.И. Голядкиной и Ю.В. Ковалевой (Санкт-Петербург). О гражданской архитектуре на примере конкретной усадьбы Вольшово рассказала специалист института «Ленпроектреставрация» Т.Н. Ознобишина. Были затронуты важные вопросы сохранности промышленного наследия, прежде всего – солеваренного. Из доклада научного сотрудника ТМО С.С. Немировой слушатели узнали об особенностях добычи соли и современном состоянии памятников солеварения в Тотьме, Солигаличе, Нёноксе, Соликамске и Усолье. Замеча-

тельно эту тему дополнил доклад доцента Института геологии Коми НЦ УрО РАН Т.П. Митюшевой, посвященный Сереговскому солеваренному заводу, состояние сохранившихся объектов которого вызывает тревогу. Тему речного и подводного культурного наследия поднял постоянный участник конференции И.Р. Николаев (Центр подводных исследований и технологий КПДР).

Уже второй год с большим успехом проходит секция, посвященная первым десятилетиям советской власти на Русском Севере. В этом году научные заседания проходили на фоне выставки «Индустриальная тема на полотнах репрессированных художников», торжественно открывшейся в краеведческом музее в дни конференции. Участие в профильной секции с докладами приняли доценты кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета Е.Е. Шурупов и Т.П. Тетеревлева, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН А.В. Фролова, научный сотрудник Малаховского музея Т.А. Гордеева, Е.А. Пикулина и Е.Ю. Столярова из центра «Усадьба Брянчаниновых», сотрудники ТМО С.В. Кузнецова, Н.И. Коренева и Е.В. Филиппова, специалист Бабушкинского районного исторического музея Д.П. Сеницына. В докладах поднимались сложные темы разрухи, голода, массовых репрессий и коллективизации на Русском Севере, а также связанные с этими процессами вопросы трансформации повседневного быта.

Масштабная секция была посвящена вопросам этнографии Севера, интерес к которой в 2019 году усилился в том числе благодаря выставке «Русский Север», представленной в Государственном историческом музее. С докладами выступили москвичи Е.Ф. Югай, А.В. Кортович, О.А. Буковецкая, В.Л. Богуславский, петербуржцы А.И. Васкул, Н.Г. Комелина, А.Ю. Балакин, воложанка Г.Н. Мехнецова, заведующий кафедрой всеобщей истории САФУ О.В. Зарецкая, а также коллега из Якутии И.А. Меккюсярова – участница, преодолевшая наиболее долгий путь до Тотьмы. В качестве обсуждаемых значились вопросы, связанные с традиционным питанием, одеждой, бытом жителей Русского Севера, песенным фольклором, традиционными красителями, используемыми в быту, а также трансляцией окружающей действительности через призму литературных текстов.

Наконец, в рамках секции, посвященной географии туризма на Русском Севере, участники поделились точками зрения на различные процессы, связанные с появлением на Русском Севере все большего количества заинтересованных туристов. Какие вызовы современности стоят перед малыми городами северных регионов? Как наладить инфраструктуру? В какие ассоциации можно вступить и получать от этого преимущества? Эти и другие вопросы обсудили Т.Е. Исаченко, А.А. Игнатова (Санкт-Петербург), А.Ю. Александрова, Е.В. Жбанкова (Москва), Э.Б. Грушенко (Мурманск).

Четвертый день конференции был традиционно посвящен дискуссионным сессиям. Одной из самых важных оказалась сессия петербуржцев К.Г. Назанян и А.М. Одинцова «Русская Православная церковь и культурное наследие». В процессе дискуссии особое

место было уделено современным трудностям взаимодействия церкви и музеев, а также ретроспективе их отношений. Спикеры поделились своим взглядом на то, какие есть положительные сдвиги сегодня в этих отношениях и как каждая из сторон может способствовать решению системных проблем.

О социологических методах, применимых в музейной деятельности, рассказал начальник сектора социологических исследований Государственного Эрмитажа А.А. Рошин, о проблемах родиноведения в их педагогическом аспекте – профессор кафедры региональных исследований МГУ Е.В. Жбанкова, о проблемах памятников письменности, хранящихся в музейных собраниях, – профессор Московского госу-

В.А. Саблин

*доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей истории
и социально-экономических дисциплин,
директор Института истории и филологии ВоГУ*

ИТОГИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «СОХРАНЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ПРИРОДНОГО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИИ И США»

18 марта 2019 года в стенах Вологодского государственного университета состоялся научно-практический семинар «Сохранение и интерпретация объектов природного и историко-культурного наследия в России и США». Семинар проводился в контексте программы по созданию в ВоГУ научно-образовательного центра «Русская Америка» и, как отметил заместитель Губернатора Вологодской области О.А. Васильев, при его открытии, явился первым шагом к международной научно-практической конференции «Диалог Форт-Росс», которая состоялась в Вологде в июне 2019 года.

В организации семинара приняли участие Вологодский государственный университет, Вологодское региональное отделение РГО, Институт Всеобщей истории РАН.

В соответствии с утвержденным регламентом семинара был заслушан доклад Е.Н. Кукушкиной, председателя Комитета по охране объектов культурного наследия Вологодской области «Культурные ландшафты Вологодчины в контексте сохранения историко-культурного наследия», который задал тон всей последующей дискуссии по обозначенной проблеме.

Главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН доктор исторических наук А.Ю. Петров в докладе «Особенности сохранения российского историко-культурного наследия в США» рассказал об условиях сохранения российского историко-культурного наследия в Соединенных Штатах Америки. Была отмечена значимая роль вологжан в становлении российско-американских отношений. Среди известных исследователей имени А.А. Баранова и И.А. Кускова, принимавших участие в основании первых поселений на Аляске и создании крепости Росс, как она называлась в те годы, (нынешний Форт-Росс) в Калифорнии.

дарственного института культуры Н.И. Решетников, о международной торговле как факторе формирования архитектурных стилей – научный сотрудник Института глобализации и социальных движений М.В. Головин, о необходимости появления виртуального музея русских рек – сотрудник Центра подводных исследований и технологий КПДР И.Р. Николаев.

Таким образом, III Всероссийская научная конференция с международным участием «Русский Север – 2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» подтвердила свой статус крупного, значительного форума с достаточно конкретным, но при этом обширным кругом вопросов, который обсуждается специалистами высокого уровня.

Специальным гостем семинара стала американский историк и краевед Дон Ли Блэк, представившая доклад «Кадьякские локусы русского наследия на примере каменного надгробия», посвященный исследованию текста надписей на каменном надгробии, найденном вблизи дома первого Главного правителя русских поселений в Северной Америке А.А. Баранова. Судя по результатам исследований американских и российских историков, эта надпись принадлежит представителю торговой кампании купца Голикова. Автор надписи прибыл на Аляску в сентябре 1794 года из Санкт-Петербурга. Дон Ли Блэк отметила, что манера письма на надгробии схожа с теми, которые она увидела во время посещения Кирилло-Белозерского монастыря.

Протоиерей Алексей Сорокин, руководитель отдела по взаимоотношению Церкви и общества Вологодской епархии в докладе «Служение Вологодской епархии делу сохранения и использования культурного наследия» отметил историческую и художественную ценность памятников архитектуры, переданных Русской православной церкви в Вологодской области за последнюю четверть века. Было подчеркнуто, что Церковь осознает ответственность за переданные культовые здания и реализует утвержденную программу сохранения историко-культурного наследия.

Председатель Вологодского областного отделения Русского географического общества кандидат географических наук Н.К. Максимова представила доклад «Программы Вологодского областного отделения Русского географического общества по сохранению объектов историко-культурного наследия в Вологодской области», в котором содержалась развернутая характеристика проектов по сохранению и использованию в туристическом кластере экономики объектов историко-культурного наследия Вологодской области.

Заведующий сектором редких книг Вологодской областной универсальной научной библиотеки Н.Н. Фарутина представила доклад «Книжные памятники из фонда Вологодской областной универсальной научной библиотеки: опыт изучения, обеспечения сохранности и доступности», в котором был представлен анализ работы библиотеки по сохранению и реставрации фонда редких книг в собрании библиотеки. Были охарактеризованы методы популяризации книжного наследия Вологодской области.

Н.В. Швецова

*главный библиотекарь отдела просветительских программ
Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина*

**«ЖДЕМ С НЕТЕРПЕНИЕМ ПРОДОЛЖЕНИЯ...»
(ПРОЕКТ «ЛИТЕРАТУРНАЯ МИНЕРАЛОГИЯ»
В ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ)**

Хризолит осенний и пьянящий,
Мед полудней – царственный янтарь,
Аметист – молитвенный алтарь
И сапфир, испуганный и зрящий.

В них горит вечерний океан,
В них призыв далекого набата,
В них глухой, торжественный орган,
В них душа стоцветная распята...

М. Волошин

Просветительский проект под названием «Литературная минералогия» работает в Вологодской областной научной универсальной библиотеке три с половиной года. Инициаторами цикла тематических бесед о самоцветах в природе и литературе стали филолог, сотрудник отдела просветительских программ ВОУНБ Наталья Швецова и член Вологодского отделения РГО, геолог и преподаватель Вологодского государственного университета Валерий Чернышов.

Проект был поддержан Вологодским отделением Русского географического общества, которое в 2017 году особо отметило заслугу организаторов цикла «Литературная минералогия» в «популяризации геологических знаний».

Такое обращение одновременно к литературе и геологии не было случайным, ведь различные минералы и металлы, особенно драгоценные, с незапамятных времен используются человечеством как в промышленности, так и в культуре, а обработанные самоцветы представляют собой уникальные исторические артефакты, шедевры декоративно-прикладного и ювелирного искусства. В свою очередь, сюжеты многих художественных произведений напрямую или опосредованно связаны с драгоценными камнями и металлами. Достаточно назвать имена А. Дюма, У. Шекспира, П. Бажова, Р.-Л. Стивенсона, О. Уайльда, А. Пушкина, А. Куприна, К. Бальмонта, У. Коллинза, Р. Хаггарда, А. Кристи и многих других отече-

По итогам работы участники семинара выработали ряд совместных предложений по сохранению объектов природного и историко-культурного наследия в России и США. Среди них – открытие научно-образовательного центра в ВоГУ по изучению Русской Америки, пропаганда вологодского опыта по сохранению культурного наследия в других регионах страны и сотрудничество в этой сфере региональных отделений РГО.

ственных и зарубежных авторов, чтобы понять, насколько интересна и увлекательна эта тема. Самыми популярными жанрами, где в центре повествования оказывается тот или иной драгоценный камень, остаются детективы, приключения и сказочная фантастика; также широко представлены самоцветы в мировой поэзии, мифологии и фольклоре.

Геологические обзоры, в которых подробно говорится о природе минералов, их свойствах, основных месторождениях и использовании в различных отраслях, проводит В.И. Чернышов.

Литературными обзорами занимается Н.В. Швецова. Как правило, в таком обзоре ведется рассказ о происхождении названий минералов, о легендах и исторических событиях, связанных с ними; упоминается большое количество имен поэтов, прозаиков, драматургов разных эпох и стран; рассказывается об известных и почти забытых произведениях мировой художественной литературы от «старины глубокой» до наших дней.

Непременным условием всех встреч проекта являются небольшие выставки с образцами камней и металлов, а также различных предметов и украшений из них. Как правило, это экспонаты из коллекции геологического музея Вологодского государственного университета и личной коллекции Валерия Чернышова. Настоящий камень всегда привлекает к себе особое внимание слушателей, встречи «Литературной минералогии» дают возможность не только услышать интересные факты о нем, но взять его в руки и внимательно рассмотреть.

Большой интерес также вызывают тематические книжные выставки из фондов областной библиотеки, которые в качестве иллюстративного материала для своих литературных обзоров делает Наталья Швецова.

Как правило, встречи проекта проходят один раз в два месяца с перерывом на летний период. По времени такое мероприятие занимает от полутора до двух

часов, потому что по окончании сообщений слушатели долго рассматривают книги и образцы пород, задают различные вопросы организаторам. Информация (пресс-релиз и афиша) о встречах проекта заранее размещается на сайте библиотеки, рассылается по адресам всех СМИ, учреждений культуры и образования города и области, а также персонально, в том числе через бесплатные уведомления по СМС-рассылке.

Проект был задуман в 2015 году в рамках мероприятий Года литературы и начал в феврале рассказом о самоцветах Уральских гор и знаменитой книге сказов П.П. Бажова «Малахитовая шкатулка». Читатели не только узнали о природных богатствах Урала, но и увидели образцы уральских минералов, среди которых были малахит, аметист, родонит, яшма и многие другие породы.

«Литературная» часть встречи была посвящена жизни и творчеству Павла Петровича Бажова, героям и образам его знаменитых сказов. Библиофилы также могли полистать уникальные издания из коллекции редких книг, среди которых были миниатюрные издания и книги с иллюстрациями палехских мастеров.

Вторая тема была посвящена алмазу, одному из самых прекрасных и самых известных камней в истории человечества. Читатели узнали о необычайных свойствах и месторождениях этого уникального самоцвета; о знаменитых алмазах (бриллиантах), многие из которых являются шедеврами ювелирного искусства и историческими артефактами, с которыми связаны судьбы многих деятелей мировой истории и культуры.

В литературном обзоре беседы шла речь о таких произведениях, как «Лунный камень» У. Коллинза, «Алмаз раджи» Р. Стивенсона, «Копи царя Соломона» Р. Хаггарда, повесть «Алмазная труба» И. Ефремова и роман «Бриллианты для диктатуры пролетариата» Ю. Семенова, а также об известнейших приключенческих и детективных романах А. Дюма, А. Конан Дойла и А. Кристи.

На третьей встрече тема была расширена и касалась минералов группы кварца – агата, аметиста, сердолика и яшмы. Слушатели увлеченно рассматривали богатую коллекцию из необработанных кварцевых пород и изделия из этих самоцветов, листали страницы тематической подборки книг и журналов. Интерес вызывали не только необычная красота этих камней, их лечебные свойства и древние легенды, но большое количество произведений мировой художественной классики, в которых говорилось о них. Это и стихотворный цикл К. Бальмонта «Амулеты из агата», «Сказка о черном кольце» А. Ахматовой, стихи об аметистах М. Волошина и Н. Тэффи, роман А. Франса «Аметистовый перстень», рассказ о сердоликовых перстнях-галисманах А. Пушкина и Д.Г. Байрона, цветаевские сердолики Коктебеля и другие произведения русской и зарубежной литературы.

Гостем встречи также стала вологодский археолог Наталья Васильева, которая показала образцы древних кремневых орудий труда, найденных на территории Вологодской области.

Минералы группы граната и повесть А.И. Куприна «Гранатовый браслет» были в центре внимания четвертой беседы проекта.

Последнее мероприятие Года литературы было отдано корундам – рубинам и сапфирам, которые, подобно алмазам, также щедро «рассыпаны» в детективно-приключенческой литературе и особенно в классической русской поэзии.

По многочисленным просьбам читателей организаторы проекта И. Чернышов и Н.В. Швецова продолжили рассказы о драгоценных минералах в природе и литературе, и последующие встречи «Литературной минералогии» были посвящены изумрудам и бериллам, лазуриту и бирюзе, многочисленным экзотическим минералам Русского Севера, жемчугу, кораллу, янтарю. Не были забыты и драгоценные металлы золото, серебро, платина, а также другие породы и сплавы: железо, медь, свинец, олово, цинк, бронза, мышьяк, ртуть, сурьма...

В 2018 и первом квартале 2019 года встречи проекта посвящены не только минералам, но и выдающимся ученым-геологам и писателям, среди которых особенно яркими являются фигуры Ивана Антоновича Ефремова, Александра Евгеньевича Ферсмана и Владимира Ивановича Вернадского.

Проект оказался востребованным и за пределами областной научной библиотеки: об уральских самоцветах и сказах П.П. Бажова узнали слушатели Вологодского культурно-досугового центра «Забота», о корундах – читатели библиотеки поселка Молочное, а посетители Харовской районной библиотеки имени В.И. Белова – о минералах группы кварца – агате, ониксе, аметисте, яшме и сердолике.

Все мероприятия проекта «Литературная минералогия» сразу же вызвали живой интерес и положительные отзывы у вологжан, среди которых были специалисты в области геологии, истории и филологии, педагоги, студенты, ученики и широкий круг пользователей областной библиотеки.

««Литературная минералогия» – открытие для меня! Люди не хотят расходиться», «Как жаль тех, кто сегодня не присутствовал здесь!», «Беседы о таких чудесных минералах и их литературных воплощениях просто вдохновляют, будоражат душу, украшают наши часто бесцветные будни, будят любознательность, расширяют знания о мире», «С нетерпением ждем следующей “Литературной минералогии!”» – такие слова оставляли слушатели проекта в Книге отзывов после мероприятий.

И сегодня этот проект остается востребованным потому, что привлекает и организаторов, и слушателей своей оригинальностью, информативностью и широкими творческими возможностями для его воплощения.

Л.А. Якушева

кандидат культурологии, доцент кафедры теории,
истории культуры и этнологии ВоГУ

ФОН И ФИГУРА: СИНОПСИС КОНФЕРЕНЦИИ

14–15 декабря 2018 года в Вологодском университете при партнерстве с областной научной универсальной библиотекой состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Фон и фигура» в рамках проекта с международным участием «Диалоги и встречи». У данного проекта уже есть своя история. В феврале 2012 года конференция была посвящена взаимовлияниям русского и американского театров XX века [1], в декабре 2012 года проведена конференция с международным участием «Постмодернизм в русской и американской культуре» [2], в феврале 2015 – «Женщина в русской и американской культуре» [3].

Выступление Л.А. Якушевой

Формат конференции – свободного диалога, открытой дискуссии – неизменно сохранялся наравне с высоким уровнем инновационного ресурса (введение в научный обиход новых имен, материалов, аккумулярование тем и сюжетов, актуальных для современного общества; моделирование и прогнозирование процессов развития феноменов культуры).

Название форума «Фон и фигура» отразило основные тенденции современной гуманитаристики, направленные на изучение мира человека с позиции онтологических оснований его жизнедеятельности – свободы, выбора, ответственности, творчества. Ответ на вызовы времени и обстоятельств, личностно-мотивационный выбор поступков и деяний становятся необходимыми условиями существования культуры и мерой человеческого в человеке (экзистенциальный срез культурного пласта второй половины XX века и рубежа эпох). Второй исследовательский импульс определяется горизонтами персоналистской парадигмы, поскольку в центре внимания всех исследователей оказывалась личность, призванная к бытию в конкретных социокультурных условиях, существующая в культуре и культуру созидаящая. И, наконец, третья позиция была направлена на выявление кросскультур-

ного взаимодействия и взаимопроникновения западной и русской художественных традиций (особенно очевидно это прослеживается на уровне художественных текстов). Таким образом, не вызывает сомнений методологическая состоятельность проведенной исследовательской деятельности и ее культурологическая доминанта, поскольку речь идет о семиозисе культуры, сопоставлении онтологических позиций экзистенциализма и личного опыта, интертекстуальном взаимодействии выявленных примеров из области литературы и кинодокументалистики.

Выступление Э.Л. Трифок

Кратко перечислим те аспекты, на которых останавливались исследователи Вологды, Ярославля, Рыбинска:

- биография в контексте эпохи, времени, сообщества (проф. М.Г. Долгушина: *В.И. Сокальский и музыкальная жизнь Вологды: фон или фигура?*);
- экстраординарность и преданность профессии (проф. Л.В. Егорова: *Мэри-Кей Уилмерс: «Лондонское книжное обозрение» и «забота о предложениях»*);
- творческая идентификация (проф. Р.Л. Красильников: *Реконструкция чужой культуры в фильмах-путешествиях Владимира Познера*, канд. филол. наук Л.А. Гаврилова: *Фотографический сторителлинг Юрия Черных*);
- речевой портрет политика (канд. ист. наук А.В. Матвеев: *Поведение как инструмент парламентской борьбы: об особенностях речевого поведения В.М. Пуришкевича*);

Выступление Л.А. Гавриловой

– география исследования истории рода (канд. культурологии Л.А. Якушева: *Семейная сага: мифы и реальность*);

– влияние творца на круг его современников (канд. филол. наук Э.Л. Трикоз: *Личность писателя В.И. Белова в контексте эпохи последней трети XX века*);

Выступление профессора Р.Л. Красильникова

– рассмотрение творца как интерпретатора (канд. искусствоведения А.А. Панчук: *Первые грампластинки: Ф. Шаляпин и его опыты*).

Точек пересечения исследовательских интересов оказалось предостаточно. Например, Л.В. Егорова писала рецензию на книгу Ф.И. Шаляпина [5], Р.Л. Красильников обращался к теме музыкальной культуры Вологды [8], Л.А. Якушева описывала ситуацию изменения жизненной стратегии поколения на примере перехода из театра в кинематограф [9]. Вопросы к выступавшим были многочисленны – дискуссии давали новые точки отсчета для каждого участника.

Все темы для докладчиков были дорогими и близкими, лично осмысленными. Так Л.А. Якушева поделилась открытиями в исследовании истории своей семьи: буквально за несколько месяцев поисков и путешествий ей удалось дойти до девятого колена своих предков. Л.В. Егорова уже писала о «Лондонском книжном обозрении» и главном редакторе Мэри-Кей Уилмерс [4], о серьезной и забавной (в характерном британском сочетании) книге-поздравлении

Мэри-Кей – от друзей и коллег [7], ее семейной саге «Эйтингоны» [6]. В этот раз Л.В. Егорова представила собрание эссе к 80-летию Мэри-Кей Уилмерс – ключевой для нее фигуре в британской культуре: «Человеческие отношения и другие трудности» (Mary-Kay Wilmers. *Human Relations and Other Difficulties*. 2018).

Слушатели

Фон и фигуры проведенного научного форума были естественны и гармоничны: библиотека любезно предоставила уютный камерный зал, из столов-трансформеров был подготовлен круглый стол, презентации выводились на большой экран. Доклады были обстоятельными, интересными, свободными от бумажных носителей – этому поспособствовала студенческая зрительская аудитория.

Литература

1. Диалоги и встречи: сборник материалов конференции / отв. ред.: Е.В. Юшкова, Л.А. Якушева. – Вологда: Легия, 2012. – 123 с.
2. Диалоги и встречи: постмодернизм в русской и американской культуре: сборник научных статей по итогам конференции / отв. ред.: Л.А. Якушева, Е.В. Юшкова. – Вологда: ВоГУ, 2013. – 124 с.
3. Диалоги и встречи: женщина в русской и американской культуре: сборник статей, материалов конференции [Электронный ресурс] / ред.: Е.В. Юшкова, Л.А. Якушева. – Москва: Ridero, 2018. – Режим доступа: https://ridero.ru/books/dialogi_i_vstrechi_henshina_v_russkoi_i_amerikanskoi_kulture/
4. Егорова, Л.В. «Лондонское книжное обозрение» / Л.В. Егорова // Вопросы литературы. – 2017. – № 4. – С. 353–373.
5. Егорова, Л.В. Ф.И. Шаляпин. Маска и душа / Л.В. Егорова // Вопросы литературы. – 2015. – № 6. – С. 378–381.
6. Yegorova, L. Mary-Kay Wilmers. «The Eitingons: A Twentieth-Century Story» [Электронный ресурс] / L. Yegorova // Диалоги и встречи: женщина в русской и американской культуре: сборник статей, материалов конференции / ред.: Е.В. Юшкова, Л.А. Якушева. – Москва: Ridero, 2018. – Режим доступа: https://ridero.ru/books/dialogi_vstrechi_zhenshina_v_russkoi_i_amerikanskoi_kulture/
7. Yegorova, L. On the Lookout for Amusement / L. Yegorova // Footpath. – 2017. – № 10 (5). – С. 125–131.
8. Красильников, Р. Интервью Ангелины Яранцевой [Электронный ресурс] / Р. Красильников, Э. Кириллова. – Режим доступа: <http://cultinfo.ru/interview/interview-2004/interview-angelina-yarantseva.php>
9. Якушева, Л.А. Из театра в кинематограф: исход 2012 года / Л.А. Якушева // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1. – С. 191–195.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бондарь Константин Витальевич

кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра исследований еврейской диаспоры им. Гольдштейна-Горена Тель-Авивского университета (Тель-Авив, Израиль)
bonko2008@yandex.ru

Бондарь Надежда Федоровна

старший преподаватель кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kafeng@vogu35.ru

Бритвина Елена Владимировна

методист Детско-юношеского центра «Единство», преподаватель «Языковой школы» (Вологда, Россия)
l.britvina@yandex.ru

Димони Татьяна Михайловна

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
dimonitm@vogu35.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
lveg@yandex.ru

Иванова Елена Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
el-ivan@mail.ru

Квашнин Владимир Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры государственного права и политологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kvashninv195@mail.ru

Кириллова Лариса Евгеньевна

директор «Языковой школы» (Вологда, Россия)
lsmira56vologda.ru

Киселева Ольга Анатольевна

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
olgakiseleva03@mail.ru

Коноплева Ирина Николаевна

кандидат филологических наук, менеджер ООО «ТС-СКН» (Москва, Россия)
irinakonopleva@yandex.ru

Котов Петр Павлович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий сектором отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия)
kotovpetr55@mail.ru

Красильников Роман Леонидович

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kafticie@vogu35.ru

Кузичев Сергей Александрович

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)
kafnf@vogu35.ru

Лескова Ольга Владимировна

методист отдела социализации и воспитания Информационно-методического центра (Вологда, Россия)
LeskovaOV@yandex.ru

Марков Александр Викторович

профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия)
markovius@gmail.com

Мельникова Любовь Александровна

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Балашовского института (филиала) Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Балашов, Россия)

lmechnikova5@mail.ru

Новоселов Алексей Михайлович

директор Тотемского музейного объединения, культуролог (Тотьма, Россия)

totmamuz@mail.ru

Перельмутер Вадим Гершевич

доктор философии, историк литературы, поэт, эссеист, член The International Academy of sciences, education, industry & arts (California, USA) (Мюнхен, Германия)

vadimgp@gmx.net

Преображенская Татьяна Евгеньевна

преподаватель истории и английского как второго языка Школы продолженного обучения (Торонто, Канада)

tatiana.preobrazhenski@gmail.com

Преображенский Андрей Владимирович

кандидат филологических наук, профессор факультета непрерывного образования Сенека колледжа прикладного искусства и технологий (Торонто, Онтарио, Канада)

andrey.preobrazhenskiy@tdsb.on.ca

Румянцева Анна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

e-mail: smile_like_annie@yahoo.com

Саблин Василий Анатольевич

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин, директор Института истории и филологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

sablin@inbox.ru

Смирнова Татьяна Ивановна

кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

kafnf@vogu35.ru

Спасенкова Ирина Валентиновна

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

kafticie@vogu35.ru

Стоян Арсен Александрович

соискатель кафедры философии и права Мурманского государственного технического университета (Мурманск, Россия)

Stoyan.arsen@mail.ru

Судаков Гурий Васильевич

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

gvs035@rambler.ru

Червяков Алексей Аркадьевич

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

kpskl@yandex.ru

Чуглов Владимир Иванович

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

vladimir.chuglov@yandex.ru

Швецова Наталья Валентиновна

главный библиотекарь отдела просветительских программ Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И.В. Бабушкина (Вологда, Россия)

vologda_reader@bk.ru

Якушева Людмила Алентиновна

кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета (Вологда, Россия)

kafticie@vogu35.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bondar Konstantin

Candidate of Philology, Researcher of Russian Language and Literature, Researcher of Jewish-Slavic Cultural Contacts, Research Fellow at the Goldstein-Goren Diaspora Research Center of Tel Aviv University (Tel Aviv, Israel)
bonko2008@yandex.ru

Bondar Nadezhda Fedorovna

Senior Lecturer of the Department of English, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafeng@vogu35.ru

Britvina Elena Vladimirovna

Education Methodologist for Municipal Educational Institution 'Children and Youth Center «Unity», EFL Teacher at Language School (Vologda, Russia)
l.britvina@yandex.ru

Dimoni Tatiana Mikhailovna

Doctor of History, Professor of the National History Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
dimonitm@vogu35.ru

Yegorova Lyudmila Vladimirovna

Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the English Department, Vologda State University (Vologda, Russia)
lveg@yandex.ru

Ivanova Elena Nikolaevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
el-ivan@mail.ru

Kvashnin Vladimir Aleksandrovich

Doctor of History, Professor of the Department of State Law and Political Science, Vologda State University (Vologda, Russia)
kvashninv195@mail.ru

Kirillova Larisa Evgenievna

Head Teacher of Language School (Vologda, Russia)
lsmira56vologda.ru

Kiseleva Olga Anatolievna

Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World History and Socio-Economical Studies, Vologda State University (Vologda, Russia)
olgakiseleva03@mail.ru

Konopleva Irina Nikolaevna

Candidate of Philology, Manager in Technical Systems - Service, Quality, Reliability, LLC (Moscow, Russia)
irinakonopleva@yandex.ru

Kotov Petr Pavlovich

Candidate of History, Associate Professor, Head of the National History Sector, Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia)
kotovpetr55@mail.ru

Krasilnikov Roman Leonidovich

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafticie@vogu35.ru

Kuzichev Sergey Aleksandrovich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German and French, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafnf@vogu35.ru

Leskova Olga Vladimirovna

Methodologist of the Department of Education and Socialization, Municipal Educational Institution «nformation and Methodology Center» (Vologda, Russia)
LeskovaOV@yandex.ru

Markov Alexander Viktorovich

Full Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
markovius@gmail.com

Melnikova Lubov Aleksandrovna

Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Russian and Literature, Balashov Institute of Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Balashov, Russia)
lmelnikova5@mail.ru

Novoselov Aleksey Mikhailovich

Director of Totma Museum Association, Cultural Studies Scholar (Totma, Russia)
totmamuz@mail.ru

Perelmutter Vadim Gershevich

Doctor of Philosophy, Literary Historian, Poet, Essayist, Fellow of the International Academy of Sciences, Education, Industry and Arts (USA, California) (Munich, Germany)
vadimgp@gmx.net

Preobrazhenskaya Tatiana Yevgenievna

Adult Teacher, English/ESL/History, SCAS (Toronto, Canada)
tatiana.preobrazhenski@gmail.com

Preobrazhenskiy Andrey Vladimirovich

PhD, TESL Ontario, Professor at Faculty of Continuing Education, Seneca College of Applied Art and Technology, Adult Day School Program, OCT (Ontario College of Teachers), TDSB (Toronto, District School Board, Canada)
andrey.preobrazhenskiy@tdsb.on.ca

Rumyantseva Anna Sergeevna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University (Vologda, Russia)
smile_like_annie@yahoo.com

Sablin Vasily Anatolievich

Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Department of World History and Socio-Economical Studies, Acting Director of the Institute of History and Philology, Vologda State University (Vologda, Russia)
sablin@inbox.ru

Smirnova Tatiana Ivanovna

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of German and French, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafnf@vogu35.ru

Spasenkova Irina Valentinovna

Candidate of History, Associate Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafticie@vogu35.ru

Stoyan Arsen Aleksandrovich

Postgraduate student, Murmansk State Technical University (Murmansk, Russia)
Stoyan.arsen@mail.ru

Sudakov Gury Vasilievich

Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
gvs035@rambler.ru

Chervyakov Alexey Arkadievich

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English, Vologda State University (Vologda, Russia)
kpskl@yandex.ru

Chuglov Vladimir Ivanovich

Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian, Theory of Communication and Journalism, Vologda State University (Vologda, Russia)
vladimir.chuglov@yandex.ru

Shvetsova Natalia Valentinovna

Chief Librarian of the Department of Educational Programs of the Vologda Regional Academic Library (Vologda, Russia)
vologda_reader@bk.ru

Yakusheva Ludmila Alentinovna

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of the Theory and History of Culture and Ethnology, Vologda State University (Vologda, Russia)
kafticie@vogu35.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Исторические и филологические науки
№ 2 (13) / 2019

Главный редактор В. А. Саблин

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-75973 от 13.06.2019 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано в печать 09.09.2019. Выпуск в свет 16.09.2019. Формат 60 x 84/8
Уч.-изд. л. 14,6. Усл. печ. л. 16,0. Тираж 55 экз. Заказ № 250. Бесплатно

ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»
160000, Вологодская область, город Вологда, улица Ленина, дом 15

Отпечатано: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Тел.: 59-78-03, e-mail: common@vscc.ac.ru